

Глава 1

Если бы Катя знала, к чему в итоге приведет ее внезапное желание подойти к лотку букиниста, то никогда, ни при каких обстоятельствах не сделала бы и шага в сторону толстых унылых томов, пахнущих книжной пылью и одиночеством. Ленинская библиотека распродавала на небольшой стойке возле раздевалки те книги, которые в ее закромах имелись в двойном экземпляре, и букинист, маленький, такой же потертый временем, как и те тома, которыми он торговал, смотрел выцветшими глазами на проходящих мимо студентов филфака, пенсионеров, которым скучно сидеть дома, и школьников из краеведческого кружка и молчал, никому не предлагая купить свой товар. Когда Катя подошла к лотку и вытянула наугад одну из книг, то продавец даже не оживился. Он словно не видел Катю, глядя куда-то сквозь нее — похоже, ему не было дела до того, купит ли кто-то старые книги на раскладке или пройдет мимо.

— Сколько? — спросила она.

«Молитвы и заговоры Велецкой области» оказались неожиданно тяжелыми для достаточно аккуратного маленького тома.

— Сто, — негромко проскрипел букинист.

Катя отсчитала купюры и ссыпала несколько недостающих до названной суммы монет в протянутую пергаментно-желтую ладонь и спрятала книгу в сумку, в компанию к двум учебникам по социологии, искренне недоумевая, зачем вообще ей понадобилась книга по магии. Потом спускаясь по лестнице на улицу и на ходу застегивая простенькое темное пальто, Катя неожиданно вспомнила: Аверченко, один из преподавателей, говорил недавно об общественном значении магического мышления — а тему курсовой она пока так и не выбрала. Что ж, как говорит их староста, веселая разбитная Машка с дальних хуторов области, все должно идти в дело, в том числе и неожиданные покупки.

Про книгу она вспомнила поздно вечером, когда, сидя в синенькой соцсети и просматривая новости друзей, увидела, что Кирилл выложил целую гору фотографий из какого-то клуба — на всех он был в обнимку с какой-то пергидрольной девицей очень легкого поведения. Катя пролистала снимки сперва один раз, затем другой, и только потом поняла, что мышка дрожит в ее пальцах, а левая рука немеет. Кирилл. Тот самый Кирилл, которого она обожала с первого курса и которому однажды, на пьяной вечеринке в общежитии, призналась в любви. Кирилл тогда помолчал, потом обнял ее по-дружески и сказал:

— Малыш, ты очень хорошая. Ты лучше всех. Прости, но я предпочитаю парней. Прости.

Эти слова отрезвили Катю — она ушла из общежития и долго бродила по улицам просто так, без цели и направления, «выбивала из ног глухоту», как выражалась мама. В голове звенело «Прости. Ты лучше всех, но...», и Катя думала, что сойдет с ума от этого звона. Впрочем, ранним утром, стоя на смотровой площадке над рекой и отогреваясь чашкой кофе в картонном стаканчике, купленной на последние деньги в автомате, она решила, что жизнь продолжается, и нет смысла мучиться по поводу того, чего ты никогда не сумеешь изменить при всем желании.

Да, теперь прекрасно видно, как он предпочитает парней, жадно засовывая руку под майку пергидрольки. Катя всхлипнула. Веселая девица не отличалась ни красотой, ни обаянием. В ней, объективно говоря, не было ничего такого. Катя, высокая тоненькая шатенка, не уничтожала волосы копеечной краской, превращая их в белую паклю, не наносила на лицо пуды неумелого, но зато очень яркого макияжа, могла подобрать одежду так, чтоб выглядеть неброско, но стильно — Катя была всем хороша, но Кирилл предпочел другую.

Ей казалось, что из комнаты откачали весь воздух. Дышать было нечем. Катя свернула вкладышки Оперы, встала из-за стола и стала задумчиво бродить по комнате — маленькой, но уютной, в которой она выросла. Здесь она учила уроки, читала, мечтала о том, как они с Кириллом могут быть счастливы вдвоем. И вот мечты оборвались — теперь как хочешь, так и живи с этим.

Тяжело вздохнув, Катя подошла к окну. Городская окраина, лежащая перед ней,

неторопливо погружалась в сон. Гасли, одно за другим, окна в панельных пятиэтажках, люди ложились спать, и ветер лениво перебрасывал опавшие кленовые листья через дорогу. Недавно закончился дождь, но мелкие капли, срываясь с карниза, до сих пор барабанили по подоконнику. Тяжелое одеяло туч, уже неделю накрывавшее город, в нескольких местах протерлось настолько, что видны были мелкие колющие звезды. От окна веяло холодом; Катя смахнула слезинку и неожиданно подумала про книгу.

Это действительно было «вдруг». Ее словно окликнули издалека, и Катя вспомнила, что сегодня днем купила у букиниста старенький сборник заклинаний, благополучно лежащий в сумке в коридоре, а родная Велецкая область издавна славилась большим количеством колдунов и ворожей. Конечно, Катя не имела никаких магических способностей, но среди ее знакомых девушек не было ни одной, которая бы ни разу не гадала и не пробовала наложить приворот на знакомого. Ни у кого не получалось — хотя, возможно, положительные результаты не афишировались.

Приворот, точно — думала Катя, открывая книгу и водя пальцем по строчкам оглавления. Сборник был издан за четыре года до первой русской революции, и, пробиваясь через яти и еры, Катя было задумалась о том, с чего вдруг Ленинская библиотека решила избавиться от такого раритета, тем более, за столь ничтожную сумму. Но потом она нашла искомое — раздел назывался «Традиционная приворотная ворожба, чары, молитвы и заклинания» — и размышлять над причинами, по которым книга попала на стойку букиниста, стало некогда.

Предисловие к разделу, написанное выпендренным и витиеватым языком, Катя читать не стала, споткнувшись на первом же абзаце: «Состояние, известное как черный приворот, есть жестокое воздействие на предмет своей страсти, совмещенное с пробоем манипуры...». Выбранный ею приворот носил мрачное название «Черная связка»; по-прежнему стоя у окна и вчитываясь в его описание, Катя ядовито думала, что не хочет вечной взаимной любви с Кириллом — пусть побеждает за ней, поплачет. Пусть пергидрольку прогонит. Пусть никогда и никому больше не станет врать... Для положительного результата следовало проколоть палец булавкой и выдавить несколько капель крови, которые затем надлежало слизнуть и прочесть заговор. Пока Катя возилась с булавкой, отстегивая ее от кармана, возле подъезда остановился большой темный внедорожник, и вышедший водитель встал у машины и принялся внимательно всматриваться в окна. Станный какой-то; Кате показалось, что он принохивается и поводит головой, как охотничий пес, высматривающий жертву. Ей стало неприятно, и она отошла вглубь комнаты — почему-то Кате не хотелось, чтобы странный человек заметил ее.

— Дочери ирода, встаньте, предстаньте, стряхните с кудрей, с локтей, с перстней девичью лихорадку дремучую, любовь яркую и жгучую. Трясите его сердце, трясите его кровь, вгоняйте лихорадку в его тело любовь. Чтобы спать он не спал, сутки суточные страдал. Кровь чистую, силы человеческие вам отдаю, его с собой соединю, — Катя слизнула соленую каплю, выступившую на подушечке безымянного пальца. — Будешь за кровью идти, все позабудешь еси. Пока сердце стучит, мною живи. И земля и огонь тому в свидки, до могильной плиты...

Ничего не произошло. В доме было тихо, за окном по-прежнему слышался негромкий перестук капель, и демоны в облаках пламени и серного пара не появились, чтобы сожрать Катю. Ничего не случилось. Палец неприятно саднил, и наваждение исчезло; Катя захлопнула книгу и подумала, что она выглядит, как дура набитая, и слава богу, этого никто не видит. Сестра месяц назад съехала к своему парню, а мама снова устраивает личную жизнь — на сей раз в столице, с бывшим одноклассником. Катя жила одна, и свидетелей ее позора не было.

Дура душой. Привороты, ага. Черные-пречерные. Кирилл ее никогда не любил, однажды придумал какую-то нелепую отговорку и теперь, уж конечно, о Кате и не вспоминает. Мало ли кто кому чего наговорил, чтобы избавиться от навязчивой поклонницы? И не такого наговорить можно. А ведь Катя никогда не была навязчивой, Катя почти не отсвечивала на его горизонте... Что же ей теперь, в институт не ходить, если они учатся в одной группе? Кате стало настолько горько и обидно, что в носу зашипало, и внутренний голос сказал: да, теперь можно.

И Катя разревелась. Настолько громко и обиженно, настолько по-детски, что за всхлипами не сразу поняла: в дверь звонят, причем очень настойчиво. Проведя ладонями

по щекам и сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы окончательно прийти в себя, Катя отправилась в коридор и посмотрела в глазок. На площадке стоял высокий мужчина в темной куртке, и этого мужчину Катя не знала.

— Кто? — негромко и осторожно осведомилась она. Райончик, в котором жила Катя, имел дурную славу, и просто так открывать дверь было верхом неосторожности.

— Сосед ваш снизу, из пятнадцатой квартиры, — откликнулся мужчина. — Девушка, вы заливаете меня. Откройте, что ли?

— Да ладно! — воскликнула Катя, отпирая дверь. Она совершенно точно знала, что никого не может заливать — пусть пройдет и убедится. И уже потом, когда незнакомец властно отодвинул ее и прошел в квартиру, Катя подумала: я дура. Ой, какая же я дура.

В пятнадцатой квартире уже семь лет никто не жил.

Незнакомец — тощий, белобрысый, двигавшийся очень мягко, но так, что от каждого его жеста исходило ощущение невероятной опасности — захлопнул дверь и вытеснил Катю из коридора в комнату.

— Где книга, барышня? — осведомился он: негромко, очень вежливо, но Кате стало предельно ясно, что при необходимости этот человек может вырезать ей сердце и не охнуть.

— Какая книга? — прошептала Катя, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Дура, стучало в голове, дура, впустила какого-то психа... Сама впустила. Словно откликаясь на ее мысли, палец пронзило болью, и, опустив глаза, Катя увидела, что из прокола струится кровь. Бодро так струится, уже накапала небольшую лужицу на линолеум. Незнакомец взял ее за запястье — Катя содрогнулась от прикосновения чужой холодной ладони — оценил кровотечение, и угрюмо произнес:

— Черная связка, не так ли?

— Откуда вы зна..., — опешила Катя и, цепenea под тяжелым взглядом каре-зеленых глаз, смотревших на нее с таким бешеным напором, что любая воля к сопротивлению исчезала напрочь, ответила: — Да. Черная связка.

— Где книга? — повторил незнакомец, по-прежнему мягко, но уже с нажимом.

— На кухне, — негромко откликнулась Катя. Пусть забирает эту книгу и проваливает на все четыре стороны. — На кухне, на столе.

Незнакомец повлек Катю к кухне и там, увидев книгу, Катя нежданно-негаданно ощутила мгновенный и очень острый призыв к неповиновению. Какого черта? Это ее книга, ее собственная, и если этот белесый хмырь собирается присвоить чужое, то ничего у него не выйдет, Катя не позволит. То, что белесый хмырь откуда-то знает и про книгу, и про сделанный Катей приворот, ее почему-то не удивляло. Об этом и мысли не было.

О том, что на полочке стоит подставка для дорогого комплекта ножей, привезенная мамой из Москвы, незнакомец, разумеется, не знал. Катя завела свободную руку за спину и нащупала рукоять одного из ножей — она словно сама легла в ладонь, плотно и удобно. Когда незванный гость протянул руку к раскрытой книге, Катя беззвучно вытянула нож и приготовилась нанести удар. Действовать надо было быстро и решительно. Катя откуда-то знала, что если вонзит нож ему в шею, то он умрет, даже не поняв, что умирает.

— Ты сейчас собираешься резать человека, — скучным голосом сообщил незнакомец. Поддев пальцем обложку, он с безразличной миной захлопнул книгу и наконец-то отпустил Катину руку. — Убить. И не испытываешь ни колебаний, ни сомнений, ни угрызений совести.

Нож вывалился из вспотевшей ладони и зазвенел по кафелю. Боль в кровотокающем пальце усилилась, и Катя поняла, что рука скоро онемееет полностью.

— А зачем вы... — начала было она. — Это моя книга. Я купила ее в Ленинке, на распродаже. Кто вы такой вообще?

Незнакомец улыбнулся, и Катя почувствовала, как наваждение уходит, убегает, словно вода в сток — и понимание того, что она, Катя, третьекурсница факультета социологии, отличница, приличная и порядочная девушка, которая таракана боялась прихлопнуть и в детстве уносила дождевых червей с асфальта, чтоб их не раздавили, только что чуть не убила человека, окончательно лишило ее сил и воли и заставило сползти на пол. Незванный гость снял куртку, небрежно бросил ее на ближайший табурет и сел рядом с Катей.

— Меня зовут Эльдар, — представился белесый хмырь, — и боюсь, что у меня для тебя очень плохие новости.

Эльдара убили семь лет назад, весной — в саду перед его домом цвели абрикосы, и с тех пор он всей душой ненавидел их тонкий аромат. Стоило ему появиться, как Эльдар невольно вспоминал, что однажды волшебник-недоучка, управляемый чужой волей, раздавил его одним ударом, словно муху свернутой газетой. Выполнив поставленную задачу, марионетка ушла, а труп Эльдара обнаружили и отвезли в морг. Он играл, проиграл, и все закончилось.

Эльдара похоронили очень скромно и тихо. Родственников у него не было, а немногочисленные друзья выпили над свежей могилой по рюмке водки, привезенной неприятным типом из похоронного агентства, и разошлись по своим делам. Кругом цвела весна, солнце светило совсем по-июньски, и никому не хотелось тратить время, торча на погосте ради того, кто уже никогда и ничего для них не сделает. Есть и более приятные дела.

Впрочем, свежая могила Эльдара в отдаленном уголке кладбища все-таки привлекла к себе внимание — поздно ночью сюда пришел Геворг Гамрян, декан математического факультета местного педагогического института. Некоторое время Гамрян задумчиво рассматривал холм и венки, а затем раскинул руки в стороны и три раза хлопнул в ладоши, пробормотав в усы что-то неразборчивое. Несколько минут ничего не происходило, но затем Гамрян ощутил, как мелко задрожала земля, словно что-то большое поползло под его ногами, стремясь отыскать выход на поверхность.

Венки закачались и соскользнули с могильного холма. Деревянный крест, наскоро поставленный до тех пор, пока наследники покойного не озаботятся приличным памятником, дрогнул и покосился, но все-таки устоял. Могильный холм вздулся изнутри, и Гамрян увидел, как осыпается земля, выпуская то, что неудержимо прорывалось наверх. Вскоре движение прекратилось, дрожь почвы улеглась, и ночные птицы, встревоженные странным происшествием, беззаботно засвистели снова.

Гамрян подошел к выступившему из-под земли гробу и, нажав на скрытую под ручкой пружину, легко откинул крышку. В свете звезд и растущей луны труп Эльдара Поплавского казался чем-то искусственным, фальшивым, никогда не имевшим отношения к живому человеку, словно кто-то спрятал в гроб манекен — во всяком случае, именно так подумалось Гамряну, который расстегнул пиджак и рубашку мертвеца, задумчиво провел рукой по неаккуратному бугристому шву, оставшемуся от аутопсии и вынул из специального чехла на внутренней стороне куртки остро сверкнувший скальпель. Сделать разрез оказалось неожиданно легко. Вопреки ожиданиям Гамряна, его не накрыло удушливо-сладким запахом разлагающейся плоти — мертвец пах сухими травами. Возможно, это было правильно — для того, кто родился в другом пласте реальности.

— Ну, с богом, — негромко произнес Гамрян, отер со лба выступившие капли пота и извлек из кармана маленький твердый комочек размером не больше грецкого ореха, покрытый колючими наростами. Камень меречи, редчайший артефакт, обладающий невероятной властью, который Эльдар когда-то раздобыл на границе двух миров и несколько недель назад отдал Гамряну на хранение, отправился в разрез — туда, где тяжелым холодным комком плоти лежало остановившееся сердце. Гамрян не имел представления о том, что должно случиться дальше. Он запахнул расстегнутую одежду, словно мертвый Эльдар мог замерзнуть, и сделал несколько шагов в сторону.

Спустя пару минут труп содрогнулся и затрясся в своем пристанище так, словно через мертвеца пропускали ток. Гамряну даже показалось, что он видит голубые искры, брызжащие во все стороны. Потом мертвый Эльдар сел в гробу, медленно провел ладонями по лицу и волосам и негромко позвал:

— Геворг, это ты?

Свистящий низкий голос был чужим, не мужским и не женским и уж конечно никогда не принадлежавшим Эльдару. Так — механически, неуверенно, но с тяжелым властным напором могла бы говорить смерть. Гамрян подумал, что ему по-настоящему страшно: впервые за долгие-долгие годы он испытывал тот самый сверхъестественный ужас, который превращает в кисель самую отважную душу.

— Да, Эльдар, это я, — откликнулся он, стараясь говорить максимально спокойно. Кем бы ни было существо, пришедшее на его зов из глубин, ему нельзя было показывать свое волнение. Ни в коем случае.

— Почему я тебя не вижу? — осведомился мертвец и громко втянул ноздрями воздух, словно брал след.

— Не знаю, — честно ответил Гамрян.

Усилием воли он смог обуздать свой трепет настолько, чтобы начать вылеплять энергетическую иголку — пригвоздить живого мертвеца и лишить возможности двигаться, если тому вздумается напасть.

Мертвый Эльдар тоненько и хрипло закашлялся, и Гамрян с ужасом понял, что он смеется.

— Три дня и три ночи, — четко проговорило то, что сейчас занимало тело его давнего друга, и Гамряна передернуло от отвращения. — Потом я уйду, а тот, кто тебе нужен, вернется в это мясо. Помоги мне встать.

Гамрян подчинился. Прикосновение к Эльдару на миг охватило его ознобом. Оживший мертвец двигался, словно кукла — осторожно и неловко, но с каждое новое движение получалось у него все лучше и лучше. Он словно вспоминал, как надо жить. Гамрян старался не смотреть в его серое лицо, алчное и жалкое, обращенное к луне — это было то же, что заглядывать в пропасть и наивно надеяться, что не упадешь.

— Прощай, Геворг, — негромко сказал мертвец. — Через трое суток твой друг придет назад. И вот еще что. Тебе просили передать...

Он добавил еще несколько слов, от которых у Гамряна в прямом смысле слова зашевелились волосы на голове, и заковылял к выходу с кладбища. Когда оживший мертвец исчез из виду, и трава, примята его тяжелой поступью, выпрямилась и ожила, Гамрян выкурил три сигареты, одну за другой, и побрел прочь, стараясь не думать о случившемся на кладбище — ни о том, где неведомое ужасающее нечто в теле Эльдара проведет три дня, ни о переданном привете от давно умершей матери.

Паһһани кез, кянки ктор! Ду им һамар танк эс[1].

Гамрян чувствовал, как земля уходит из-под ног. Он не помнил, как нашел выход с кладбища, как сел в машину и добрался до города — память вернулась только утром, когда он вошел в квартиру и без сил обмяк на диванчике в прихожей.

Где бы ни была сейчас Офелия Гамрян, умершая в далеком девяносто втором году, существо из-за грани смерти знало ее, встречалось с ней, согласилось вручить весточку. Сама мысль об этом заставляла сердце стучать с перебоями.

Спустя три дня на город обрушился ливень, который определенно сделал бы честь сезону дождей где-нибудь в Бразилии. Вернувшись с работы и войдя в квартиру, Гамрян увидел мокрые отпечатки босых ног на ламинате и понял, что Эльдар вернулся. Это понимание было сродни звонкой пощечине, за которой следовала вязкая обморочная тишина. Не разуваясь, Гамрян ворвался в гостиную, стараясь не думать о том, что нечто в теле мертвеца могло и задержаться. А в это время Софья была в доме одна...

Эльдар, растрепанный и жалкий, сидел в кресле и жадно хлебал кофе из самой большой чашки, которая только нашлась в доме. Судя по крепкому запаху, витавшему в гостиной, это была далеко не первая чашка. Груда похоронной одежды мягким сырым холмом лежала на полу. Софья, которая сейчас варила еще одну чашку кофе, переодела Эльдара в старый спортивный костюм Гамряна и снабдила полотенцем. Увидев хозяина квартиры, оторопело замершего в дверях, Эльдар отставил чашку на столик и улыбнулся — растерянно, совсем по-человечески.

— Геворг, привет... — негромко промолвил он. — А как я выжил-то?

Теперь голос принадлежал Эльдару, а не пугающему существу из могилы. Гамрян вздохнул с облегчением. Софья, неслышно выскользнувшая из кухни с ароматной туркой в руке, сдержанно объяснила:

— Пришел час назад. Мокрый, как мышь. Кофе попросил.

Прекрасно зная о том, чем ее муж занимается после работы, Софья почти никогда не задавала ему вопросов и спокойно делала то, что требовали обстоятельства. Мокрый — значит, переоденем. Нужен кофе — сварим кофе. Гамрян подумал, что Софья, должно быть, никогда не узнает, насколько он ей благодарен за эту спокойную молчаливость и постоянную помощь.

— Камень меречи, Эльдар, — объяснил Гамрян, опускаясь на диван. — Как ты себя чувствуешь?

Эльдар пожал плечами. Отпил кофе.

— Не знаю. Странно, — он провел ладонью по шву от аутопсии и добавил: — Почти ничего не помню.

Вряд ли надо помнить о том, что в твоём теле три дня жила какая-то тварь с *другой стороны*, подумал Гамрян и сказал:

— Тебе лучше покинуть Турьевск. Конечно, когда окончательно придешь в себя.

Эльдар улыбнулся — и улыбка тоже была знакомой. Гамряну казалось, что невидимые костистые руки, стиснувшие его сердце в тот момент, когда он узнал о смерти старого друга, разжимают скрюченные болью пальцы.

— Куда? — послушно осведомился Эльдар. Ему, видимо, было все равно, в какое место отправляться, и Гамрян мысленно поблагодарил его за эту уверенную покорность.

— Есть такой город на севере, — начал Гамрян. — Велецк.

[1] Береги себя, кусочек жизни. Ты дорог мне (арм)

— То есть, эта книга — сильнейший магический артефакт, и она выбрала меня, так? — уточнила Катя. — И когда я прочла слова того приворота, то включила механизм запечатления?

Эльдар, который со всеми удобствами разместился в некогда любимом кресле ее матери, утвердительно качнул головой.

— Не верю, — твердо сказала Катя. — Что же получается, существует такая колдовская книга, владеть которой может только невинная девушка...

Она запнулась и ощутила, что краснеет. Третий курс — все ее подруги давным-давно, еще со школы с кем-то встречаются... Все окружающие были уверены, что и у Кати тоже есть парень: лаконичное «есть друг» в соцсети не вызывало ни лишних вопросов, ни брезгливого недоумения, ни фальшивого сочувствия. Губы Эльдара дрогнули в улыбке, но какой-то язвительной шутки — а Катя полагала, что ее новый знакомый большой мастер на ядовитые подколы — не последовало.

— В общем, не верю, — повторила Катя.

Эльдар вздохнул.

— То есть в привороты — это «я верю». В то, что я маг и выследил тебя по энергетическим нитям — это тоже «верю». А в колдовскую книгу, которая заставляет тебя защищать ее — настолько, что ты готова была меня зарезать, как барана, без всяких колебаний — вот именно в это «я не верю»?

Катя промолчала. Эльдар был абсолютно прав, только от его правоты легче не становилось. Конечно, Катя допускала существование потусторонних сил, колдовства и магии — но допускала отстраненно, не думая о том, что нечто необъяснимое может случиться и с ней тоже. Тигры ведь тоже существуют, но в каком-то другом, своем мире, и никак с ней не соприкасаются. И теперь ей было неуютно. Очень неуютно. Хотелось забиться куда-нибудь и не вылезать, пока все не исправится.

— Забери ее, — предложила Катя. — Она мне не нужна.

Эльдар пожал плечами и грустно усмехнулся. В общем и целом он производил довольно приятное впечатление, и Катя мысленно извинилась перед ним за то, что называла его хмырем.

— Не могу. На данном этапе книга не позволит, чтобы ее забрал кто-то, кроме владельца.

Катя понимающе кивнула. Удобная рукоять ножа словно оставила на ладони отпечаток — невидимый, но ощутимый. Когда Катя начинала думать, что готова была убить человека за книгу, ее начинало знобить.

— Ты говоришь, что владеть ей может невинная девушка... — начала было Катя. К щекам сразу же прилила кровь. — Но если...

Эльдар оценивающе и со знанием дела посмотрел на нее, и Кате почему-то захотелось прикрыть грудь руками, словно под этим пристальным взглядом вся ее одежда расплзлась лоскутками.

— Я, конечно, не против попробовать, — сказал Эльдар. — Но незачем тратить время, все равно ничего у нас не выйдет. Запечатление уже прошло, теперь ты хоть с полком можешь жизни радоваться.

Катя почувствовала, что щеки горят — хотя куда уж дальше краснеть-то.

— Не надо так, — попросила она. Эльдар кивнул.

— Кать, я вижу, что ты приличная и порядочная девушка, — сказал он и зачем-то посмотрел на часы на правом запястье. — Такие, как правило, и влипают в разные неприятные истории. Слушай, а вот сейчас нам надо идти, и очень быстро. Бери книгу.

В его голосе и выражении лица снова появился тот тяжелый и властный напор, который заставил Катю безоговорочно подчиниться. Уже потом, выходя из подъезда, она подумала, что не взяла ни ключи, ни телефон, ни сумку — все ее имущество сейчас составляла книга, которую Катя прижимала к груди, и несколько свернутых сторублевых купюр в кармане джинсов — она всегда хранила немного денег в домашней одежде на тот случай, если понадобится выбежать в магазин под домом. Эльдар открыл перед ней дверь того самого темного внедорожника, который Катя видела в окно, и сказал:

— Пока отъедем недалеко. Я тебе одну штуку покажу. Сериалы по типу «Сверхъестественного» смотришь?

Катя, которая никогда не ездила в люксовых внедорожниках и сейчас растерялась в сияющей автомобильной роскоши, промолвила:

— Да так, смотрю, когда время есть.

Эльдар неприятно усмехнулся.

— Считаю, что это сериал. Велецкая история ужасов.

Потом они заняли за гаражами позицию для наблюдения — так, чтобы виден был

подъезд и три окна Катиной квартиры. Ждать пришлось недолго: во двор с надрывным визгом и ревом влетела битая-перебитая «девятка», и компания, вывалившаяся из нее, заставила Катю вздрогнуть и схватить Эльдара за руку. Это были люди — молодые, крикливые, наглые парни, в которых, в то же время, не было абсолютно ничего человеческого. От них веяло угрозой — не той, которой пахнут пьяные гопники в подворотнях, а чем-то запредельным, вымораживающим душу, словно горластая компания прибыла откуда-то с изнанки мира. Они ввалились в подъезд, и через несколько минут Катя увидела, как во всех окнах ее квартиры вспыхнул свет.

— Они меня ищут? — еле слышно пролепетала она.

Эльдар осторожно снял ее руку со своего запястья и опустил ладонь на рычаг коробки передач. Внедорожник выехал из-за гаражей и, покинув Катин двор, уверенно двинулся в сторону проспекта Комсомольцев.

— Да, тебя. Сказать, зачем?

— Скажи, — прошептала Катя и ощутила, как внутренности стынут от ужаса.

— Забрать книгу. А тебя — сожрать, — просто ответил Эльдар, и Катя поняла, что он не врет, и что он несколько минут назад спас ей жизнь. — Это *бисы*. Когда-то они были людьми.

— То есть, как сожрать? — Катя едва не лишилась создания от страха.

Эльдар хмыкнул.

— Зубами сожрать. Как котлетку. Свежую котлетку из молодого мяса.

— Не хочу это слушать, — твердо сказала Катя, собрав в кулак всю оставшуюся твердость. Одно название этих гадов чего стоит. — И что мне теперь делать?

Эльдар мягко улыбнулся.

— Сегодня — поесть и лечь спать. Поужинаем вместе, а то я и обед, и завтрак пропустил. А завтра разберемся. Я, честно говоря, не думал, что ты уже прочла заговор. Все было бы сейчас намного проще.

— А что ты хотел? — спросила Катя.

Пролетев стрелой по ночному городу, внедорожник свернул с проспекта, миновал сперва одну улицу, затем вторую и въехал в подземный гараж элитного жилого комплекса «Нормандия». Этот роскошный дом, вздымавшийся над городом белой свечой, Катя всегда рассматривала с завистливым любопытством — что ж, вот и выпал случай посмотреть, как живут сливки общества. Только сейчас она не испытывала ни радости, ни интереса.

— Просто забрать книгу, — сказал Эльдар. — Это мой заказ. Я не знал, что ее заказали не только мне.

Эльдар владел роскошной студией на последнем, двадцать втором этаже. Пока Катя с настороженным страхом бедняка, попавшего в царские палаты, оглядывалась по сторонам, любопытно изучая стильную светлую мебель и картины на стенах, по звонку хозяина квартиры из ресторанчика с банальным названием «Седьмое небо», расположенного прямо на крыше дома, принесли ужин, и, увидев истекающее соком мясо на овощной подушке, Катя поняла, что ужасно проголодалась. Пока она ела, сидя в кресле возле выключенного электрического камина, Эльдар с каким-то брезгливым любопытством изучал книгу, и Катя ощущала легкие уколы беспокойства, не имевшие, конечно, ничего общего с той волной ярости, которая нахлынула на нее несколько часов назад.

Квартиру, наверно, разгромили... Хорошо, что ни мамы, ни сестры не было дома, этим бисам наверняка все равно, кого жрать. Стоило подумать о бешеной компании, как еда моментально утратила вкус. Катя поставила тарелку на стеклянный столик рядом с креслом и спросила:

— Кто заказал тебе книгу?

Эльдар бросил сборник заклинаний на кровать, небрежно застланную пушистым пледом, и ответил:

— Геворг Гамрян. Не пытайся вспомнить, тебе это имя все равно ничего не скажет.

— А он сможет ее забрать? — спросила Катя и устало провела по лицу ладонями. Хотелось умыться, забраться под одеяло и не просыпаться несколько дней.

Эльдар неопределенно пожал плечами.

— Я не знаю.

— Что ж, — вздохнула Катя. — Спасибо за честность, — сделав паузу, она поинтересовалась: — А этих бисов кто позвал?

— Эта книга — один из самых могущественных артефактов, какие я встречал за жизнь, — ответил Эльдар. Подойдя к Кате, он протянул ей руку и, когда она встала, развернул лицом к окну. Вид на ночной город был пронзительно, ошеломляюще прекрасным, но Катя подумала, что слишком устала, чтобы оценить его во всей полноте. — Она наделяет владельца колоссальными магическими силами. Конечно, очень многие желают ее заполучить. Бисы — еще цветочки, честно тебе скажу.

Он осторожно собрал Катины волосы, спадавшие крупными каштановыми локонами на спину и плечи, и поднял к затылку. Катя замерла, даже, кажется, задержала дыхание — волна смущения, страха и чего-то еще, чему она не могла сейчас дать названия, накрыла ее с головой. Тяжелая горячая рука легла на ее шею, и Катя почувствовала, что ноги подкашиваются.

— Не бойся, — негромко сказал Эльдар. — Не съем. Просто проверю кое-что и все, больно не будет.

Его пальцы осторожно, но довольно сильно надавили на ямку у основания черепа, и Катя охнула и вцепилась в подоконник. Ей отчего-то стало и очень хорошо, и очень страшно. Пол уходил из-под ног, и непонятно к чему вспомнился пушистый веночек из ромашек и маков, который она сплела летом на пикничке за городом в компании подруг.

— Ты не ведьма, — негромко произнес Эльдар. Катя обнаружила, что он обнимает ее, не позволяя упасть, а она обвисла в его руках в каком-то странном состоянии не то сна, не то обморока. — Никакого следа магических способностей. Ни у тебя, ни у твоих родных.

— Что со мной? — спросила Катя и не услышала своего голоса.

Эльдар осторожно перенес ее к кровати и ответил:

— Обычные люди всегда так реагируют на мою магию. Ничего, привыкнешь. А пока отдыхай.

— Да, надо поспать, — согласилась Катя и провалилась в сонный сумрак, в котором на волнах тихой речки качался сплетенный летом веночек из ромашек и маков. И почему-то жалко было этого уплывшего венка — жалко до слез, как ничего прежде.

Катя проспала около часа и проснулась от воплей и гогота, доносившихся из подъезда. Эльдар, лежавший рядом с ней, бесшумно сел на кровати, задумчиво почесал кончик носа и одобрительно произнес:

— Быстро нашли. Молодцы. Хвалю за сноровку.

— Кто это? — испуганно прошептала Катя.

Эльдар криво усмехнулся.

— Бисы, кто...

Он поднялся и пошел в коридор, к панели видеозвонка. Катя потянулась за ним.

Это действительно была уже знакомая ей пятерка бисов. Молодые, наглые, они оглашали подъезд ржанием, в котором уж точно не было ничего человеческого — такое глумливое фырканье и визгливый хохот больше подходили животным, а не людям, причем очень большим, *испорченным* животным. Один из бисов постоянно подпрыгивал и с разворота бил ногой в стену, так что лохмотья краски летели во все стороны — видимо, изображал крутого каратиста, двое других перебрасывались каким-то неопрятным лохматым мячом, и, всмотревшись в него, Катя застонала от ужаса и вцепилась в Эльдара, чтобы не свалиться на пол — это была оторванная голова того самого официанта, который несколько часов назад принес заказ из ресторана. Третий бис без затей ковырялся в зубах.

— Эльдааарчииик! — проблеяли они хором. Глумясь и куражась, бисы подошли к двери, швырнули в нее голову. — Эльдарчииик!

В коридоре появился шестой — тот самый обезглавленный официант. Белая форменная рубашка с бейджиком ресторана была залита темной кровью, и казалось, будто парень надел манишку с неровными краями. Неторопливо, но уверенно, пусть и подволакивая правую ногу, он присоединился к компании — официанта словно бы совсем не смущало то, что его оторванную голову сейчас бросали в дверь.

— Эльдаааарчииииик!!!

Катя почувствовала, что теряет сознание от страха.

— Пожалуйста... — промолвила она. — Не отдавай меня им...

— Иди в комнату, — негромко и очень твердо ответил Эльдар и, когда Катя на негнущихся ногах сделала шаг от входа в глубину квартиры, распахнул дверь и вышел в подъезд.

Катя ожидала чего угодно, только не того, что бисы шарахнутся от Эльдара во все стороны. Парочка оказалась пошустрее и ссыпалась по лестнице с такой скоростью, что подошвы задымились. Остальные замерли, словно появление мага парализовало их. Эльдар пинком отшвырнул с дороги оторванную голову, едва не закатившуюся в квартиру, и медленно двинулся вперед — так, спокойно, уверенно и властно, мог бы идти огромный лев, могущественный владыка джунглей, чтобы наказать зарвавшуюся мелочь, которая сдуру осмелилась нарушить его покой.

— Меречь, — тихо и очень отчетливо произнес тот бис, который прыгал на стены, воображая себя Чаком Норрисом. В его голосе теперь не осталось ни следа от глумливого ерничанья, только непостижимый ужас и трепет от понимания идущей к нему неотвратимой смерти. — Это ж меречь, ребята...

И Эльдар взревел.

Потом Катя никак не могла объяснить себе, как, во все глаза наблюдая за происходящим, смогла проворонить процесс превращения Эльдара из человека в нечто, обладающее человеческим видом, но в то же время не имеющее никакого отношения к людям. Кто-то словно сместил два пласта реальности и соединил в одном кадре высокого человека в простеньких домашних штанах, тапках и рубашке нараспашку с огромным горбатым драконом о двух головах. Хвост, усеянный изогнутыми острыми иглами, ударил в белый кафель пола, разлетевшийся фонтаном мелких колючих брызг, влажно хлопнули перепончатые крылья, а несколько когтистых лап прошили воздух, бросившись в сторону бисов.

— Меречь... — со смертной тоской повторил бис, и дракон взревел вновь и нанес удар.

Катя зажмурилась. Упала на колени и поползла в комнату — там она забилась в угол, сжалась в комок и обхватила голову руками. Этого не могло быть. Люди не превращаются в драконов, безголовые мертвецы не могут бродить по элитному жилому комплексу, чудовища не живут среди людей, и всего этого не может случиться с ней, Катей, обычной студенткой заурядного провинциального вуза. Она сидела на полу, плакала и молилась, не понимая, что плачет и молится, а потом стало тихо. Очень тихо. Катя отвела руки от головы и увидела, что дверь в квартиру заперта, а Эльдар, грязный, мокрый, тяжело дышащий — но имеющий самый обычный человеческий вид, присел

рядом с ней на корточки и спокойно, словно не случилось ничего необычного, попросил:

— Поможешь? Помоги мне, будь добра.

Превращение в дракона и схватка с бисами дались ему нелегко. Когда Катя выбралась из угла, то Эльдар, прихрамывая, доковылял до кровати, со сдавленным стоном опустился на одеяло и сказал:

— На кухне кофемашина. Сообрази эспresso? И там на полке еще коробка с мазями...

Кате еще ни разу не приходилось сталкиваться с кофемашиной — ее семья жила небогато, и они могли позволить себе только растворимый кофе. Впрочем, в большом аппарате, похожем на прибор с космического корабля, не оказалось ничего сложного, и через несколько минут Катя уже несла Эльдару чашку. Крепкий запах дорогого кофе казался ей единственной реальной вещью в нереальном мире.

Алиса провалилась в страшную Страну Чудес и почти не заметила, как это случилось.

— Где они? — осмелилась спросить Катя, когда Эльдар осушил чашку и передал ей. Сейчас, в ярком свете включенной люстры, было ясно, что он с головы до пят покрыт не грязью, а чужой кровью. Понимание этого заставило Катю практически без чувств осесть на ковер. Как она умудрилась при этом не разбить чашку, осталось загадкой даже для нее самой.

— Ну, — Эльдар поморщился, потер левое плечо и стал снимать рубашку. — Мягко говоря, их больше нет. И тот, кто их послал, знает об этом.

В ушах звенело. Сейчас Катя окончательно поняла, что ее новый знакомый несколько минут назад отправил на тот свет пятерых человек. Пусть это бисы, но ведь когда-то они были людьми...

— Что такое меречь? — спросила Катя.

Ей не было никакого дела до меречи, черт бы с ней, с этой двуглавой гадиной, но молчать было слишком страшно. Эльдар усмехнулся.

— Меречь — это с недавних пор я. Прошу любить и жаловать. Слушай, там в шкафу белье на верхней полке... Не в службу, а в дружбу, перестели, а то я все тут изгваздал.

Он поднялся и медленно двинулся в сторону ванной — высокий, тощий, вымотанный в край. Катя испуганно смотрела на его спину и видела горбатые позвонки драконова тела.

— И мази принеси с кухни, — бросил Эльдар. — Я скоро.

Он действительно провел в душе всего четверть часа — за это время Катя успела поменять грязное белье на легкомысленный спальный комплект с голубыми цветочками, пинками отправить окровавленные тряпки на кухню, в распахнутую пасть стиральной машины, и достать из шкафчика коробку с мазями. На замызганной этикетке одного из темных пузырьков, наугад вытянутых Катей из коробки, было написано легким ломким почерком «Труп-корень, вытяжка». Катя брезгливо убрала пузырек назад и подумала, что не имеет ни малейшего желания рассматривать прочее содержимое коробки.

Ее новый знакомый убил пятерых. Сидя на кровати и снова и снова повторяя эту короткую фразу, Катя чувствовала холод в животе. Должно быть, разорвал в лохмотья, поэтому такой грязный. Она предпочла не всматриваться в разводы и ошметки на простыне, это было слишком жутко. Они бы тебя сожрали, уверенно произнес внутренний голос. Не забудь сказать ему спасибо.

Она не успела поблагодарить своего спасителя — когда Эльдар, небрежно обмотавшийся синим пушистым полотенцем, вернулся в комнату и сел на край кровати, Катю ждало еще одно жутковатое открытие. Несколько минут она испуганно рассматривала Эльдара, а потом все-таки набралась смелости и спросила:

— Прости, это ведь шов от вскрытия?

Грубые белые черви шрама сбегали по коже от ключиц, сливались в середине груди и уходили вниз, к животу и дальше, скрываясь в поросли жестких рыжеватых волос. Эльдар придвинул к себе коробку с мазями, вынул одну из склянок и, запустив мизинец в ее зеленоватое содержимое, ответил:

— Да. Но эта история потерпит до завтра. Ты, надеюсь, не против?

Брезгливо морщась, он принялся втирать мазь в едва заметное пятно в области сердца. «Я сижу в одной комнате с оборотнем, который, похоже, еще и живой мертвец, — подумала Катя. — Для одного дня это слишком много». Ей хотелось отвести взгляд, но она не могла заставить себя не смотреть на уродливые следы, оставленные скальпелем патологоанатома. Это было странное, болезненное любопытство. Закончив растираться, Эльдар отправил коробку с мазями под кровать и произнес:

— Кать, ложись спать. Утро вечера мудренее.

Катя послушно юркнула под одеяло, надеясь... Впрочем, в этот момент она и сама не знала, на что надеется. Хлопнув в ладоши, Эльдар погасил свет, и осенняя тьма, затопившая комнату, стала настолько глухой и непроглядной, что Катя на какой-то краткий миг испугалась, что ослепла. Едва слышно скрипнула кровать — Эльдар лег рядом, и Катя с долей определенного ехидства подумала о том, что наконец-то оказалась в одной постели с мужчиной, только сейчас это ее не радует, а внушает ужас.

— Не бойся, — добродушно откликнулся Эльдар, словно прочел ее мысли. — Не съем. Я сегодня сытый.

«Что ж, — подумала Катя, чувствуя, как внутренний озноб, который безжалостно терзал и грыз ее весь вечер, стихает, становясь чем-то неприятным, гложущим, но уже привычным, — хоть у кого-то из нас остались силы для черного юмора».

Глава 2

Проснувшись, Катя поначалу не поняла, где находится, и почему ее крошечный старый диванчик, на котором она спала с отрочества, превратился в огромную кровать, а плакаты с рок-звездами на стенах уступили место современным модульным картинам с вырвиглазными абстракциями. За окном серело сонное октябрьское утро — а может, и вечер, Катя не могла сказать точно. Первые блаженные секунды неведения растаяли, и Катя вспомнила все, что случилось вчера: и книгу, и Эльдара, и бисов — вспомнила, и грусть снова окутала ее подобно савану.

Поежившись, она натянула на плечи одеяло и свернулась клубочком. Что бы ни готовил ей новый день, пока она имеет право побыть в тишине и покое. Видит Бог, она это заслужила. Тишина, впрочем, была относительной: невольно наострив уши, Катя услышала голос Эльдара. Хозяин квартиры расположился на кухне и с кем-то говорил по телефону.

— Сергей Ильич, а ты что думал? Что ты один этот талмуд ищешь?

«Ага, он говорит с тем, кто отправил бисов», — подумала Катя и стала слушать дальше. Незнакомый Сергей Ильич что-то долго и настырно втолковывал Эльдару, который в конце концов произнес:

— Ну я-то тебе кто, Сереж? Хрен собачий? — видимо, собеседник запнулся от таких сравнений, а Эльдар продолжал: — У книги есть новая хозяйка. Так что либо ты берешь книгу вместе с девочкой, либо вместе со своими шавками шагаешь на три буквы. Ровно и в ногу. Это и моего заказчика касается. Но он мужик неглупый, уже передумал со всем этим связываться.

Катя невольно вздохнула с облегчением. Незнакомый Гамрян отчего-то пугал ее посильнее хозяина бисов. Эльдар выслушал собеседника и сказал:

— Нет, она не ведьма. Даже близко нет. Самая обычная человеческая девочка. Не знаю, почему книга ее выбрала.

«Эти охотники за книгой могут меня попросту убить», — подумала Катя с холодной отстраненностью, удивившей ее саму. Эльдару почему-то пришла в голову блажь спасти ее вчера, причем дважды, но вряд ли он и дальше будет вступаться за девушку, которая ему, по сути, никто. Таких девчонок в Велецке — на монетку пучок, заступаться за всех ни сил, ни времени не хватит. Вчерашняя схватка с бисами обошлась Эльдару недешево, Катя сама видела, насколько он был вымотан — вряд ли он и дальше захочет отбиваться от тех, кого пошлют оторвать Кате голову и забрать проклятый фолиант.

Катя высунулась из-под одеяла и осмотрелась. Книга лежала на подоконнике, возле небольшой лампы, на том же самом месте, где ее и оставили вчера. Самый обычный антикварный том, каких полным-полно в любом букинистическом отделе. Эльдар сидел на высоком табурете у кухонного окна, небрежно запахнув банный халат, и с удивительно ерническим выражением лица слушал своего Сергея Ильича. На блюде перед ним дымилась оставленная темно-коричневая сигарета; видимо, он курил слишком редко, чтобы озадачиться покупкой пепельницы.

— Да, я понимаю, — сказал он. Заметил, что Катя смотрит на него, и доброжелательно улыбнулся, как старой хорошей знакомой. — Сереж! Ну единственное, что тут можно сделать — это оставить хранилище и книгу в покое. Не получишь ты ее, смиришься, — собеседник пробормотал нечто, отчего благодушное расслабленное выражение мигом смело с Эльдарова лица: теперь его почти аристократические черты исказила звериная злость, и Эльдар рявкнул так, что отдалось по всему зданию: — А нечего было своих шестерок ко мне посылать! Они ломились в мой дом! Не куда-то, бл***, а ко мне! Ну и получили, как положено. И тебе наука будет, на кого можно рот разевать, а на кого не стоит.

Катя была ни жива, ни мертва. Хозяин бисов залепетал что-то извиняющееся. Эльдар вздохнул, сжал пальцами переносицу и поморщился.

— Ладно, что теперь поделаешь... Мы все опоздали. Попробуй перо Пушкина поискать, тоже вещь в своем роде могущественная. Впрочем, ты и без него неплохо справляешься.

Да, да. Ладно, будь здоров.

Закончив разговор, Эльдар некоторое время задумчиво смотрел в окно, а потом произнес, не глядя в сторону Кати:

— Все, Катя, можешь выдохнуть. Я отболтался, теперь тебя не тронут. Живи спокойно, только книгу не открывай, как родную прошу. Вообще спрячь ее подальше, так всем проще жить будет.

— Хорошо, — кивнула Катя. Выражение лица и спокойный, уверенный голос Эльдара окончательно убедили ее в том, что все закончилось, и теперь она уберет книгу куда-нибудь в самую глубину антресолей и постарается забыть о том, что привычный познаваемый мир способен в любой момент обернуться к ней темной пугающей изнанкой. — Спасибо тебе.

Эльдар отмахнулся.

— Да не за что. Люблю приключения.

— Мне бы в институт съездить, — сказала Катя, выбираясь из-под одеяла.

Да, вид у нее, конечно, помятый. Ну ничего, сегодня суббота, все ее однокурсники сонные и растрепанные. Тетрадку и ручку она купит в факультетском киоске, благо в кармане джинсов есть немного денег, посидит на паре по философии, а потом отправится домой — наводить порядок. Наверно бисы все там разнесли. Может, до понедельника придется возиться.

— Не вопрос, — улыбнулся Эльдар. — Иди, почисти перышки. Подвезу.

Субботние дороги были практически пусты, и джип Эльдара доехал до института за какие-то десять минут. Катя смотрела в окно на осенний, едва начинающий просыпаться город и думала о том, что ее приключение заканчивается, и она никогда больше не увидит этого странного человека в водительском кресле, под белым свитером которого скрываются уродливые шрамы. Наконец-то она дождалась возвращения в тихий и уютный пласт собственной реальности, в котором нет места ни оборотням, ни драконам, ни колдовству. Книга, упакованная Эльдаром в небольшой темный пакет, лежала у Кати на коленях. Сегодня же она спрячет этот потерянный томик так, что и с собаками не найдут.

В субботу народу в институте было немного, однако во дворе отирался чуть ли не весь поток. На перемене студенты выбрались покурить, подышать свежим воздухом, насладиться пусть пасмурным, но довольно теплым осенним деньком, и появление Кати заметили все. Эльдар вышел, с легким поклоном открыл перед ней дверь и, когда Катя выпрыгнула на асфальт, произнес:

— Давай, береги себя, — и вложил в ее руку свой смартфон — большой, серебристый, тонкий. — Если вдруг понадобится, звони. Всегда буду рад тебя услышать и увидеть.

— Спасибо, — с искренней признательностью промолвила Катя.

Эльдар ободряюще улыбнулся ей, и Катя вдруг поняла: все, что будет сделано сейчас, окажется правильным для всех — и, порывисто обняв Эльдара, поцеловала его. На какое-то мгновение он замер от неожиданности, но затем откликнулся на ее поцелуй, и робкое смятение, сперва охватившее Катю, ушло. Она не знала, хорошо целуется или нет, не думала о том, кто и как на нее смотрит — а однокурсники смотрели во все глаза! — не чувствовала, как ветер сбрасывает ей на голову запоздалые капли ночного дождя, притаившиеся в рыжей листве старых кленов. Ничего не было, ни города, ни осени, ни ветра, была только она и человек, дважды спасший ее за последние двенадцать часов.

В здании института зазвенел далекий звонок, и Эльдар оторвался от Кати и произнес:

— Сегодня весь курс опоздает на лекцию.

Катя отступила от него, окончательно возвращаясь назад, в свою привычную маленькую жизнь, в которой не было места ни волшебству, ни человеку в высоком замке.

— Наверно... — промолвила она, просто потому, что надо было что-то сказать и постараться не расплакаться. Пакет с книгой и смартфоном оттягивал руку; Катя подумала, что так и не купила ни ручку, ни тетрадку. — Эльдар, спасибо тебе...

— Да не за что, — улыбнулся Эльдар. — Это моя работа, принцесс от драконов спасать. Да и вообще, рад был с тобой познакомиться. Звони, не забывай

Он осторожно провел пальцами по ее щеке, убирая в сторону непослушную кудрявую прядку, выбившуюся из наскоро заплетенной лохматой косы, и Катя побрела в сторону однокурсников, не чувствуя под собой земли. Прикосновение Эльдара словно отпечаталось на ее лице пылающим иероглифом. Когда Катя подошла к однокурсникам, то Машухер, самая бесцеремонная, веселая и хорошая девчонка на курсе, подхватила ее под локоть и поинтересовалась:

— Кать, это и есть твой парень, да?

Было видно, что Машухера, да и всех остальных однокурсников, так и распирает от любопытства и зависти. Катя вздохнула и обернулась. Джип Эльдара медленно выезжал с институтской парковки. «Вот и все», — устало подумала Катя, проводив его задумчивым взглядом, и ответила:

— Машухер, ты не представляешь, какая у меня была ночь...

— Да уж видно по тебе, — завистливо сообщила Машухер. — Ладно, пошли учиться, расскажешь в перерыв.

Ручкой и листком бумаги Катя разжилась у старосты группы, записала несколько предложений за преподавателем и полностью потеряла к лекции всякий интерес. Она задумчиво смотрела в стол и думала о том, что наверно потеряла слишком много, когда Эльдар уехал из ее жизни. Можно, конечно, позвонить ему, можно даже осмелеть до того, чтобы пригласить его куда-нибудь погулять, но Катя точно знала, что никогда не будет этого делать. Некоторые предложения делаются просто из вежливости, и вряд ли Эльдар действительно захочет увидеть ее снова. Слишком уж они разные.

Философия, в принципе, не самый веселый предмет, сегодня была невероятно скучной, и, почувствовав, что глаза начинают сонно закрываться, Катя решила отвлечься и включила подаренный смартфон. В институте еще с прошлого года организовали бесплатный Wi-Fi для студентов, и Катя подумала, что сейчас самое время с пользой посидеть в интернете.

По запросу «Геворг Гамрян» поисковик почти сразу же привел ее на сайт «Турьевские РРавдорубы» с исчерпывающе откровенным заголовком «Лучшая грязь — только у нас!». Гамрян, декан факультета математики и информатики, профессор, обладатель звания лучшего педагога России и медали ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени, и прочая, и прочая, белозубо улыбался с глянцевого снимка. Компанию ему составляла рыжеволосая женщина с холодной усмешкой светской львицы и молодой человек, про каких говорят «мелкий, но фактурный». Судя по подписи под фотографией, это были Елизавета Поплавская и Иван Крамер — небольшая заметка сообщала, что известные турьевские меценаты организовали благотворительный аукцион в пользу детей с синдромом Дауна.

Комментарии, как водится, были гораздо интереснее статьи.

«Ага, конечно, без Поплавской тут никуда. Загнала мужа в гроб, теперь везде на его наследство своей рожей плоской светит».

«Хитрая сучка. И пиарится, и грехи замаливает. А Гамрян тоже не дурак. Знает, с кем дружить».

«Он и с Поплавским тоже дружил. Ребят, ну вы что, реально верите, что Поплавок в своей постели умер? Грохнули его, и все. Он еще в девяностые столько врагов завел, что нам всем на три жизни хватит».

«Враги не враги, но наш Вавилов Поплавского не знал, как получше в жопу лобызнуть. Пока за взятки не посадилиJJJ».

«Там не один Вавилов старался, знаешь ли. «Гостиный двор» видел? Так это Поплавский и строил. Еще в 98-м. Еле до дефолта управился. Потом отобрали, классический рейдерский захват, хоть в учебники. А Поплавку хоть бы хны. Полгода где-то поныкался, потом снова владелец заводов, газет, пароходов. Помните, был такой клуб «Город»? Его заведение. Лизка там менеджером работала, ну и явно не только менеджером]]]] Нашла к начальству правильный подход».

«Ахахах! Здоров ты врать! Я с этой Лизкой в общаге жил, в соседних комнатах))) Она с Поплавским еще до всяких «Городов» мутила)))) Из говна он ее достал и королевой сделал. Только на коленях не стоял перед ней, вся общага видала, как он за ней носился. Себя не помнил, а она его считай, что в лицо нах посылала».

«Откуда у людей бабло, я просто поражаюсь...»

«Оттуда. Что ты, как маленький? Ясен пень, Поплавок торговлей занимался под прикрытием своего шоу-бизнеса. Бананы, оружие, наркотики, органы. Шучу: не бананы. Криминал дело такое».

«Да они там все хороши! Ванька-то Крамер раньше танцы детям преподавал да копейки считал. У меня сестра к нему дочку на занятия водила, говорила, что у Ваньки всегда в одном кармане заря занимается, а в другом все медным тазом накрывается. А потом с Лизкой закрутился, человека убил. Пятерик отмотал и вон как нос задирает, не стесняется. Его недавно менты остановили за превышение, он вышел, орал на них. «Вы, бл*, знаете, кто я? Я Крамер, бл*»! Они только козырнули да обтекать остались».

«Уроды ...»

«Что только Гамрян с ними забыл. Приличный ведь человек. Я на матфаке учусь, он мне однажды очень здорово помог. Отчислить хотели — отстоял».

«Да за деньги и черти пляшут. И Гамрян твой тоже».

Машухер толкнула зачитавшуюся Катю и передала под столом сложенную записку. Развернув небрежно вырванный из блокнота листок в клеточку, Катя прочла:

«Кать, ты как насчет сходить в кафе после пар?»

Почерк принадлежал Кириллу, и видит Бог, еще вчера днем Катя без малейших раздумий отдала бы пять лет жизни за такое предложение. Черная связка сработала на диво быстро — или же магия оказалась не при чем, и Катя, у которой внезапно обнаружился статусный кавалер, стала для Кирилла высокоранговой добычей.

«Пойдем. Ты платишь», — написала Катя и передала записку Машухеру, которая отправила ее дальше. Краем глаза она заметила, как лицо Кирилла, сидевшего в соседнем ряду, озарила радостная улыбка.

Катя печально вздохнула и вошла в свой профиль в соцсети — там первым делом она открыла поиск и напечатала: Елизавета Поплавская. Страничка рыжеволосой спутницы Гамряна была на вершине поиска; Катя открыла ее и принялась вдумчиво изучать фотографии. Она и сама не знала, почему это делает — Кате казалось, что она ощупью движется по темному коридору, приближаясь к чему-то важному.

Конечно, турьевская бизнес-леди и популярная блоггерша была исключительной красавицей. Густые пышные волосы, нежное лицо, словно вылепленное гениальным скульптором, точеная фигурка фотомодели, ореол осознания вложенных в эту красоту огромных денег — Катя попробовала представить ее студенткой в общежитии, и у нее ничего не вышло. Образ провинциальной девчонки в халате, поедающей «Доширак» на ободранной общажной кухне, никак не вязался с роскошной дамой, который Стефано Габбана лично подшивал юбку — да, среди вороха снимков на странице была и такая занимательная картинка. Катя продолжила листать фотографии и в конце концов наткнулась на свадебную карточку.

Она сама не поняла, почему у нее вдруг похолодели руки. Свадебный снимок был только один: 2008 год, зима, Эльдар в ослепительно белом костюме держал за руку Лизу, наряженную в довольно безвкусное платье с необычайно пышным кринолином. Эльдар, почему-то казавшийся старше, чем сейчас, семь лет спустя, выглядел очень счастливым.

Новоиспеченная супруга старалась улыбаться, но невооруженным глазом было видно, что она просто терпит то, что с ней происходит. Под фотографией красовалась целая груда лайков, а простыню комментариев с поздравлениями и восторгами Катя читать не стала. Закрыв снимок, она некоторое время кусала губы, а потом легко стукнула пальцем конвертику в углу и написала сообщение:

«Ваш муж жив».

Пока она ждала ответа, Лиза выложила утреннее селфи — Катя подумала, что все голливудские красотки рядом с этой дамой выглядят неумытыми лохудрами, признала, что завидует и решила не винить себя за эту зависть. Потом на экране появился конвертик нового сообщения.

«Девушка, вам что нужно?» — осведомилась Лиза.

«Эльдар жив, — написала Катя. — Живет в Велецке. Вы знаете об этом?».

Она могла поклясться, что не знает, зачем вообще пишет этой женщине.

«Я в курсе, конечно. Вас что, угораздило с ним роман крутить?» — к сообщению Лиза прикрепила недоумевающий смайлик.

«Нет», — коротко ответила Катя, чувствуя, как щеки заливают стыдливым румянцем.

«Подождите, вы что, та самая девочка с книжкой?»

Быстро же она обо всем узнала, подумала Катя и написала:

«Да, это я. Ваш муж вчера спас мне жизнь».

На экране замигал карандаш — Лиза писала достаточно большой ответ.

«О да, это он умеет, — прочла Катя. — Слушайте, Катя, держитесь от него подальше. Как женщина женщине говорю. Эльдар — психопат, причем опасный. Семь лет в дурке это не шутки. Так получилось, что я уже в курсе ваших вчерашних приключений, и будьте уверены, что если эта мразь вас потащила к себе домой, то это не просто так, и у него есть далеко идущие планы. Эльдар не будет рисковать жизнью просто по доброте душевной».

Карандаш продолжал мигать — Лиза писала дальше. Катя вчитывалась в ответ и чувствовала, как по виску сползает капля пота.

«Я это говорю не затем, чтоб раздавить конкурентку, — написала Лиза. — Я перекрестилась, когда он исчез из моей жизни. И когда он снова появится у вас на горизонте, а он появится очень скоро, уж поверьте, то десять раз подумайте, прежде чем начинать с ним разговор».

Катя усмехнулась и написала:

«Спасибо. Последую вашему совету».

Она не верила, что когда-нибудь увидит Эльдара снова. Он исчез из ее жизни так же окончательно и бесповоротно, как из жизни собственной вдовы. Зато Кирилл времени даром не терял. Вечером они с Катей отправились в недорогую, но приличную пиццерию, и, когда свидание закончилось возле подъезда, Кирилл поцеловал ее: резко, властно, напористо. Отвечая на поцелуй, Катя думала о том, что парень, подстегиваемый приворотом, вдобавок тешит гонор, пытаясь конкурировать с Эльдаром — богатым, важным, недостижимым соперником. Почему-то Кате захотелось рассмеяться и прогнать Кирилла, язвительно напомнив, что он предпочитает парней. Но она не стала.

Назавтра Кирилл дал пергидрольке от ворот поворот, и вскоре весь факультет узнал, что он закрутил с Катей стремительный роман. На втором свидании отношения перешли в горизонтальное положение, и, к своему искреннему удивлению, Катя не почувствовала ничего особенного: ни сильной боли, ни сильного удовольствия. Она молча лежала на спине, пружина старого дивана в комнате Кирилла впивалась ей в поясницу, и, вслушиваясь в тупое неприятное ощущение в низу живота, Катя просто ждала, когда

Кирилл закончит. Наука страсти нежной, с которой она так мечтала познакомиться, на практике оказалась унылой физкультурой. Руку так, ногу так, возвратно-поступательные движения, исходное положение. Поцелуй Эльдара принес ей намного больше блаженства, чем все постельные кульбиты Кирилла.

Да, Эльдар исчез из ее жизни и не собирался появляться. Надежно завернутая в темную ткань, книга лежала в коробке на антресолях, никакого колдовства и необычных существ Катя больше не встречала — и в то же время не было и дня, чтобы она не вспоминала о своем случайном знакомом. Однажды, в самый ответственный момент их с Кириллом свидания, Кате показалось, что тяжелая рука, лежащая на ее затылке и задающая направление движения и ритм, принадлежит Эльдару — потом, когда все кончилось, она боялась открыть глаза и увидеть прямо перед собой толстый белый рубец, оставленный аутопсией и сбегающий от живота к паху. Конечно, с ней был Кирилл — но ощущение присутствия Эльдара было невероятно, до дрожи реальным.

Однажды, проходя мимо «Нормандии», Катя собралась с духом и вошла в подъезд. Консьерж тотчас же высунулся из своей стеклянной будочки с крайне важным видом, и она сказала:

— Я к Эльдару. Двести восемнадцатая квартира.

— А его нету, — охотно ответил консьерж. Видно, ему было скучно сидеть на посту, и он захотел поболтать. — Уехал неделю назад. То ли в Тулу, то ли в Турьевск, я не помню.

Болтать Катя не стала.

Кирилл, видимо, чувствовал что-то неладное. Он начал пить, сперва ежедневную скромную бутылку пива после пар — имеет же он право расслабиться? Потом в ход пошла тяжелая артиллерия — копеечные портвейны и такая же водка. Он ругался с Катей каждый день, цепляясь к ней по какому-нибудь ерундовому поводу: слишком короткая юбка, слишком длинная юбка, чересчур кислый вид, что ты лыбишься все утро, как дура — и так далее в том же духе. Разбрехавшись в край, они расходились по домам, и Кирилл принимался названивать Кате и просить прощения за несдержанность, но потом снова обвинял ее во всех своих бедах, и их разговор привычно заканчивался ссорой. Достичь хрупкого мира они могли только в постели, но Катя откровенно брезговала пьяным, а Кирилл постепенно стал забывать, что значит быть трезвым.

Впрочем, однажды его пьянство косвенно спасло Кате жизнь, хотя потом она просто думала, что Кирилл, в очередной раз напившийся как свинья, просто оказался в нужном месте в нужное время. Первого декабря Катя сидела рядом с ним на последнем ряду в аудитории на лекции по социологии, и Кирилл, не считавший нужным маскироваться, в открытую прихлебывал энергетический напиток. Катя уже несколько недель ловила себя на желании поймать тех, кто придумал эту дрянь, ядрено пахнущую цитрусами и карамелью, и запихать им металлические черные банки с алым отпечатком кошачьей лапы так глубоко, чтоб ни один проктолог в жизни не выковырнул. Для Кирилла же этот коктейль был чем-то сродни божеству, и Катя уже научилась по запаху улавливать появление парня в здании универа. Странно, что никто из преподавателей не делал ему замечаний. Даже Ковалева, замдекана по воспитательной, которая засунула нос во все тумбочки в общежитии и не раз и не два распекала девчонок за курение и походы в клубы, почему-то молчала. Катя имела все основания предполагать, что Кирилла просто боялись, считая опасным психом, который распустит руки, не задумываясь о последствиях, и просто ждали сессии, чтобы отчислить со спокойной душой — он вряд ли сдал бы хоть один экзамен.

Все на факультете были уверены, что он запугал Катю до смерти. Потому что чем еще можно заставить умницу и отличницу быть вместе с начинающим, но делающим большие успехи на выбранном поприще алкоголиком? По счастью, Кате не задавали вопросов — иначе у нее случилась бы истерика.

Запах коктейля стал невыносимым. Едва дождавшись перемены, Катя кое-как отбоярилась от совместного времяпрепровождения с Кириллом и, покинув аудиторию, забаррикадировалась в женском туалете до звонка на пару. Ее тошнило: мерзкий дух коктейля так и плавал в ноздрах. Когда студенты разошлись на занятия, Катя покинула свое убежище и, убедившись, что Кирилл по-прежнему сидит на паре, спустилась в раздевалку.

Домой она пошла пешком — зимний день был достаточно теплым для прогулки, на каждом углу уже развесили новогоднюю иллюминацию, и Катя, глядя на снежинки, оленей и дед-морозов, думала о том, что, может быть, все наладится. Не может же быть так, чтобы плохое тянулось вечно. Кирилл ведь не был таким — обычный парень, не злой и не добрый, и уж тем более, не алкоголик. Катя все бы отдала, чтобы исправить то, что сделала — но для этого надо было снова открыть книгу, а она предпочла бы отрубить себе руку, чем опять прикоснуться к ней.

Румяная и веселая тетка с шутками и прибаутками продавала горячие пирожки с лотка — мясной дух, поднимающийся от ее товара, был настолько вкусным, что у Кати слегка закружилась голова. Сунув руку в карман пальто — она точно помнила, что там была мелочь — Катя, к своему искреннему изумлению извлекла скомканные пятидесятирублевые купюры, которых туда не клала. Она вообще не обращалась с деньгами настолько небрежно.

Катя подошла к ближайшей витрине, и у нее упало сердце: пальто было чужим. В принципе, оно почти не отличалось от ее собственного, только на воротнике были нашиты кожаные полоски. Катя шмыгнула носом, провела ладонью по горячему лбу и в очередной раз назвала себя набитой душой. Перепутала вещи. Прямо-таки водевильный ход.

Дура. Неудивительно, что Кирилл стал таким. С настолько придурочной бабой он превратился бы в знатного алкаша и без всяких приворотов. От собственной глупости Кате стало тошно, и она отправилась домой. Деньги на проезд в маршрутке она достала из сумки.

Вечером, когда Катя уже перестала переживать по поводу происшествия с пальто — подумаешь, и не такое случается, тем более, она ничего не испортила и не потратила — ей позвонила староста группы Лена. Обычно веселая и разбитная хохлушка сейчас была испуганной не на шутку.

— Господи, Дубцова! — воскликнула она с облегчением, едва только услышала Катин голос. — Ты жива? Скажи: ты жива?

— Да, жива, — недоуменно ответила Катя, не совсем понимая, к чему такие нервы на грани истерики. Лена всхлипнула.

— Тут в Пьяной дырке студентку убитую нашли, — объяснила она. — А в кармане пальто твой студенческий. Сообщили в деканат, Ковалева на ушах стоит. Все на ушах стоят.

У Кати подкосились ноги, и она рухнула в кресло. Пьяная дырка, арка в доме неподалеку от института, славилась тем, что там круглосуточно торчали любители крепких напитков. В основном, они скандалили на тему «Ты меня уважаешь?», случались там и драки с поножовщиной, но до убийств пока не доходило.

— Я сегодня в раздевалке пальто перепутала, — мертвым голосом призналась Катя. Ее вдруг обожгло пониманием того, что на месте убитой студентки должна была оказаться она, Катя.

Лена испуганно вздохнула, словно ей не хватало воздуха.

— Это Таня Семеониди, — догадалась она. — Точно, Таня... У нее пальтецо как раз на твое похоже.

Таня и без учета пальто была похожа на Катю — такой же рост, длинные волосы, недавно перекрашенные в каштановый... Должно быть, на одежде остался запах владелицы или какие-то иные, невидимые приметы, и убийца сделал то, что собирался. Катя закрыла глаза.

Она чудом избежала смерти. Если бы не этиловая вонь Кириллова коктейля, Катя осталась бы на лекции, потом пошла домой, и ее история закончилась. У нее даже живот свело от страха, и, наскоро попрощавшись с Леной, Катя помедлила, собираясь с духом, и набрала номер Эльдара.

— Аппарат абонента отключен или находится вне зоны действия сети, — приветливо сказал автоответчик, и Катя зажмурилась и заплакала.

Ночь она провела без сна и с включенным во всех комнатах светом. Катя была твердо уверена в том, что стоит глухой зимней темноте затопить квартиру, как вместе с мраком в комнату войдет бесшумный и безжалостный убийца. Несколько раз Катя принималась звонить Эльдару, но снова и снова натывалась на доброжелательный механический голос. Когда в половине седьмого зазвонил старенький будильник, поднимавший на учебу еще маму, Катя настолько извелась от ужаса, что не сразу попала по кнопке выключения и в итоге вообще уронила будильник на ковер.

К счастью, он не пострадал.

Из подъезда она вышла в компании соседа, тащившего сына в детский сад, подкараулив у глазка, когда они покинут квартиру. Мальчик, одетый в дутый комбинезон и до глаз замотанный толстым пушистым шарфом, смотрел на нее так ласково, что Катя невольно почувствовала себя лучше.

Впрочем, подробности, которыми щедро делились с утра в институте, мгновенно перевели историю из мистического раздела в криминальный. Один из завсегдатаев Пьяной дырки поделился с полицией всеми подробностями убийства: девушка шла со стороны второго корпуса института, ее догнал парень, и некоторое время они скандалили по поводу того, что девушка слишком уж бодро и активно общается с другими молодыми людьми и явно не платоническим манером. Потом скандал дошел до того, что парень толкнул свою даму, она поскользнулась, упала и очень неудачно попала виском на камень. Парень, решив, видимо, что девушка скоро придет в себя, задал стрелача. Пьянчугу, сидевшего на трубах теплотрассы так, что его не было видно, драчун, разумеется, не заметил, зато пьянчуга разглядел все в деталях.

Стоя возле деканата и глядя на портрет Тани в траурной рамке, Катя не могла избавиться от мысли о том, что свидетель врет, и все было совсем не так. Таня — красивая, веселая, живая — смотрела на нее со студийной черно-белой фотографии, и Катя не могла понять, что же ей делать дальше.

Впрочем, спустя всего неделю никто уже не вспоминал о случившемся. Полиция арестовала Вадима, парня Тани, его обвинили в чем-то вроде убийства по неосторожности, студенты пару дней обсуждали гибель однокурсницы, а потом занялись своими делами. Таня умерла, а они остались живы, и у них на носу сессия. У Кати же появились новые проблемы с Кириллом, который в один прекрасный день вдруг решительно завязал со спиртным, быстро подчистил все несданные хвосты по лабораторным работам и принялся за учебу так, что от его рвения искры во все стороны летели. Впрочем, Кате это не прибавило радости: Кирилл стал срывать злобу и копившееся напряжение так, что она стала бояться, как бы дело не кончилось поножовщиной.

Все окончательно погубило двадцатого декабря, прямо во время письменного зачета по английскому. Когда Катя полезла в словарь, закачанный в смартфон, Кирилл внезапно с размаху залепил ей пощечину, вырвал телефон из руки и шваркнул об пол. Преподавательница и сокурсники застыли с раскрытыми ртами от тревожного изумления, Катя плакала, держась за щеку — на нее никто и никогда не поднимал руки — а Кирилл громко послал по матери и ее, и зачет, подхватил сумку и был таков. Когда грохот от захлопнутой им двери утих, англичанка, косясь в сторону выхода — она явно испугалась, что припадочный студент может вернуться с обрезом — нашла Катину зачетку в стопке, быстро заполнила нужную строчку и ведомость и сказала:

— Катюш, иди домой. И не плачь, не надо. Урод какой-то, честное слово...

Домой Катя не пошла — все равно там не было никого, кто мог бы ее пожалеть. Утирая вновь и вновь набегающие слезы, она брела по вечернему городу, не отдавая себе отчета в том, куда именно идет. Повсюду были разноцветные огни новогодних гирлянд, и люди, веселые, счастливые, предвкушающие праздник, шли навстречу, а Катя со своим горем и острым пониманием, что никто, кроме нее, в этом горе не виноват, была совершенно одна в этом радостном сверкающем мире. А потом перед ней вдруг гостеприимно открылись двери VIP-клуба «Picasso», в который ее никогда не пропустил бы никакой фейс-контроль. Простая студентка, одетая не по последнему писк моды и не вложившая бешеные деньги в солярии и пластику груди, и мечтать не могла о том, чтобы попасть туда, где развлекаются сливки местного общества. Сейчас перед входом почему-то не было никого, кто мог бы преградить ей дорогу, и Катя вошла внутрь, мысленно

пересчитав наличность в кармане. На бокал коктейля должно было хватить, а там видно будет.

По раннему времени посетителей почти не было. Сдав куртку угрюмой гардеробщице, Катя отправилась в бар и, заказав «Самбуку», самый дешевый коктейль в заведении, но самый дорогой из когда-либо выпитых ею, принялась угрюмо рассматривать легкую паутинку трещин на смартфоне. Кирилл, придурок, успел позвонить уже шесть раз; разумеется, Катя не стала перезванивать и перевела телефон в беззвучный режим. Хватит, нагулялись. На лице созрел синяк, щеку неприятно тянуло и дергало изнутри, и, отпив принесенный барменом коктейль, Катя мрачно подумала, что снова осталась одна.

В караоке-баре, чуть поодаль, включили музыку, и мужской голос, довольно приятный и отчего-то смутно знакомый Кате, запел:

Только шелковое сердце, шелковое сердце

Не пылает и не болит.

Только шелковое сердце, шелковое сердце

Никогда не будет любить.

Катя так резко развернулась на стуле в сторону караоке, что едва не свалилась на пол. Перед экраном стояли двое, и один, судя по форменной сиреневой рубашке, был работником заведения, а второй — высокий, светловолосый, подчеркнуто дорого одетый — держал в руке микрофон. Катю словно обожгло.

— Ну и что ты мне лечишь, Вить? — спросил светловолосый. — Все работает.

— Вы погромче попробуйте, Эльдар Сергеевич, — хмуро посоветовал парень в фирменной рубашке. Эльдар... Катю словно в прорубь бросили. — Фонить начинает.

— Когда они громче поют, то им без разницы, фонит оно или нет, — проронил Эльдар и вручил парню микрофон. — И пьяные, и ни стыда, ни совести. На, не умничай.

Да, это в самом деле был он. Катя спрыгнула с высокого стула и, подхватив сумку и бокал с коктейлем, кинулась к нему — Эльдар тем временем стремительным уверенным шагом двинулся в сторону служебного входа, а ди-джей внезапно врубил ритмичную музыку настолько громко, что звать было бесполезно, не услышит. Но Эльдар внезапно остановился, обернулся, и Катя влетела в него, едва не сбив с ног.

— Привет, — промолвила она. — Я Катя Дубцова, помнишь?

На какое-то мгновение Катя испугалась, что он не узнает ее. Эльдар ведет интересную и крайне насыщенную событиями жизнь, с чего ему, в конце концов, помнить какую-то девчонку, которую он видел три месяца назад, пусть даже он и спас ей жизнь? Однако Эльдар улыбнулся и дружески приобнял Катю за плечи.

— Привет, Катюш. Еще бы, конечно, помню. Слушай, вот прямо сейчас не могу говорить. Подождешь часок-другой?

— Подожду, — улыбнулась Катя. Радость нахлынула на нее легкой светлой волной, даже щека перестала болеть. Эльдар махнул одному из помощников, которые возились возле небольшой сцены и, когда к ним приблизился низенький прыщавый юноша, сказал:

— Петь, отведи барышню в VIP-кабинет. Катя, давай, не скучай. Скоро буду.

Комната в дальнем крыле клуба, в которую прыщавый привел Катю, оказалась

небольшой и довольно уютной. Всю ее обстановку составлял золотистый диван в форме подковы, заваленный грудой пушистых подушек, и низенький столик, на котором уже красовалась вазочка с нарезанными фруктами и френч-пресс с кофе. Когда Катя устроилась на диване, то прыщавый с нарочитой, какой-то липкой предусмотрительностью осведомился:

— Может, что-то покушать? У нас кухня лучшая в городе.

Катя отказалась: злоупотреблять гостеприимством не стоило. Пострадавший экран телефона засветился входящим звонком — Кирилл все не унимался. Прыщавый откланялся, напоследок смерив Катю неприятным оценивающим взглядом скупщика в ломбарде, и, оставшись в одиночестве, она неожиданно вспомнила слова Лизы о том, что у Эльдара обязательно есть какой-то хитрый замысел.

«Ну и пусть», — подумала Катя, сняв сапожки, устроившись на диване и взяв с вазочки крупное темно-красное яблоко. Во всяком случае, Эльдар не станет ее бить просто из-за плохого настроения. След от удара тупо ныл, но печали и обиды почти не осталось. Черт с ним, с Кириллом. Он уже в прошлом, пусть даже еще и не знает об этом.

Эльдар не пришел ни через час, ни через два, и в итоге Катя задремала, уютно угнездившись среди подушек. Ее разбудило прикосновение к щеке — легкое, почти неуловимое. Катя даже не была уверена, что оно ей не приснилось. Но комнату теперь наполнял древесный запах дорогого одеколона, приправленный флером табака и спиртного и, открыв глаза, Катя увидела Эльдара, сидевшего рядом.

— У нас сегодня корпоратив «Газпрома», — с определенной гордостью произнес он. — Сама понимаешь, этим людям надо было подарить свое личное время, — протянув руку, Эльдар прикоснулся к пострадавшей щеке и осведомился: — Это чья работа?

— Моего парня, — сказала Катя и добавила: — Вернее, бывшего парня.

— Того привороженного? — уточнил Эльдар.

— Да, — Катя кивнула и вновь почувствовала горечь понимания того, что во всем случившемся есть только ее вина.

Эльдар криво усмехнулся. Катя увидела, что на столе появилась бутылка коньяка и пузатые бокалы, и подумала, что немного выпивки ей сейчас не помешает. Исключительно в медицинских целях — поможет окончательно изгнать из памяти отвратительный день.

— Это, между прочим, нормально, — сообщил Эльдар, отодвигаясь чуть в сторону, чтобы дать Кате возможность сесть. — Привороженные всегда начинают пить. Причем страшно. Это помогает им сохранить хоть какое-то равновесие между душой и реальностью. Представь, что ты не испытываешь к человеку никаких чувств и он тебе в принципе не нужен, а тебя к нему тянет. Неудержимо. Ты ничего не можешь с этим поделать. И с ним нельзя, и без него нельзя, потому что без него еще хуже, чем с ним. Что остается?

— Наверно, пить, — печально предположила Катя. Эльдар улыбнулся и плеснул немного коньяка в бокалы.

— Правильно. А мы выпьем потому, что я очень рад тебя видеть.

— Я тоже, — призналась Катя, взяв свой бокал в ладони. — Я тоже очень рада.

Должно быть, у коньяка был приятный терпкий вкус элитного напитка — такой человек, как Эльдар, вряд ли стал бы пить дешевку, тем более, угощать ею своих гостей, но для Кати содержимое бокала оказалось чересчур крепким. На несколько секунд у нее перехватило дыхание, потом коньяк рухнул в желудок, обжигая, словно укусы пчелы, и, когда Катя снова смогла дышать свободно, все горести и разочарования долгого больного дня начали понемногу терять краски. Эльдар довольно оценил ее состояние и обновил бокалы. Вторая порция коньяка пошла легче.

— Ну, рассказывай, — произнес Эльдар, когда Катя поставила свой бокал на стол и взяла с вазочки мандарин. — Как ты провела эти три месяца?

Катя неопределенно пожала плечами. Откуда-то издали неторопливо плыла смутно знакомая, приторно нежная мелодия. Видимо, корпоратив сотрудников «Газпрома» плавно перетек из официальной части в романтическую.

— Училась. С Кириллом ругалась почти каждый день. Книгу не трогала, — оранжевая спираль мандариновой кожицы упала на пол, но Катя не обратила на это внимания. Она хотела было рассказать Эльдару об убийстве Тани, но потом передумала и любопытствовала: — Слушай... Извини, если лезу не в свое дело, но ты на самом деле умирал и ожил, или просто инсценировал смерть и уехал из Турьевска?

Эльдар непринужденно засмеялся. Налил по третьей. Катя послушно осушила свой бокал и почувствовала, как ноги наполняет приятной тяжестью. Хмель заключил ее в мягкие теплые объятия, и впервые за долгое время Катя смогла поверить, что не все так плохо.

— Просто ты обещал тогда рассказать... — словно извиняясь за неуместное любопытство, промолвила она. Эльдар улыбнулся и расстегнул несколько пуговиц на рубашке. Катя сидела ни жива, ни мертва. Ее бросило в жар — то ли от выпитого, то ли от взгляда Эльдара, который она не могла понять до конца.

— Вот, сама послушай, — он осторожно взял Катю за руку и положил ее ладонь на грудь — на то самое темное пятно, которое растирал мазью после схватки с бисами. Вопреки ожиданиям, сердцебиения Катя не уловила — зато почувствовала, как где-то в глубине возится что-то маленькое, твердое, усеянное острыми наростами. Эта возня создавала впечатление того, что невидимое нечто крайне деловито занято какими-то невероятно важными вещами, и к нему лучше не лезть со всякими глупостями.

— Еще один магический артефакт, — негромко произнес Эльдар, — который поддерживает мою жизнь. Не спрашивай, я и сам не знаю до конца, кто я сейчас.

Катя и не думала спрашивать. Сейчас, когда Эльдар спокойно, однако очень уверенно, словно осознавая свое право, держал ее руку, ей было одинаково страшно и говорить, и хранить молчание. А потом он вплотную придвинулся к ней, мягко убрал с лица ту самую непослушную прядку, которая всегда выбивалась из прически, и приник к ее губам в поцелуе, и Катя с облегчением подумала, что наконец-то все идет так, как надо.

«А как это — как надо? — вдруг зазвучал в ее ушах незнакомый женский голос. Отчего-то Катя готова была биться об заклад, что он принадлежит Лизе Поплавской. — Ты хоть примерно представляешь, сколько таких вот наивных дурочек он тут укладывает? Да-да, прямо здесь, на этом диване. Что гарсон так на тебя пялился, как думаешь?»

Рука Эльдара неторопливо, словно вступая на неведомую территорию, нырнула под ее тонкий свитер. Кате казалось, что от волнения она сейчас разучится дышать. Романтические переливы музыки за стеной сменило ритмичное пульсирующее бумканье из диджейских колонок. В низу живота стало разливаться трепещущее тепло — то ли от выпитого, то ли от уверенных прикосновений Эльдара, который осторожно стянул с Кати свитер и мягко уложил ее на спину.

«Технически он мертв, дорогуша, — продолжал внутренний голос. Теперь в нем появились язвительные нотки. — Покойник с колдовской батареей. И он бессовестно использует тебя для того, чтобы замедлить свое разложение, а ты это с радостью позволяешь. А по факту ты тоже топливо, как очень и очень многие до этого. А утром он тебя высадит у подъезда, уедет, как осенью от института, и забудет, что ты была. Эпизод в биографии, причем весьма и весьма незначительный».

— Неправда, — прошептала Катя. Освободив девушку от бюстгалтера, Эльдар с завораживающе томительной неспешностью принялся покрывать поцелуями ее грудь. Катя закусил губу, чтобы не позволить вырваться сдавленному стону. Ее смартфон на столе засветился входящим звонком Кирилла. Наверно, уже сотым за сегодня.

Молнию на стареньких джинсах заело, и Эльдар безжалостно ее доломал. Подушки полетели с дивана на пол, освобождая место. Покорно откинувшись на спину, Катя решила больше не сдерживаться и полностью раствориться в блаженном наваждении. Музыка билась в стены штормовыми волнами, телефон на столе пискнул и разрядился, а Катя хотела только одного — чтобы это не прекращалось — и, вцепившись в плечи

Эльдара, подавалась ему навстречу, растворяясь в едином с ним ритме, и чувствовала, что наконец-то обрела то, что всегда мечтала найти. Наконец-то былью стала не страшная, а хорошая сказка.

Это была не знакомая ей унылая физкультура. Далеко нет. Огненный шар в животе содрогнулся и лопнул, и от нахлынувшей волны наслаждения у Кати потемнело в глазах.

Шторм закончился, и волны мягко вынесли Катю на берег.

Потом она в изнеможении обмякла на диване и, когда Эльдар опустился рядом, еле слышно промолвила:

— Пожалуй, мне надо умыться...

Ей просто надо было хоть что-то сказать: хранить молчание сейчас казалось невозможным, просто физически невыносимым. Задумчиво наматывая на палец длинную прядь ее волос, Эльдар ответил:

— Не спеши, успеется еще. Торопиться некуда.

Но невесомые минуты блаженства утекли без возврата, и реальный мир по контрасту с ними показался неуютным и холодным. Освободившись от руки Эльдара, Катя встала с дивана и принялась одеваться. Жалко сломанную молнию — ходить зимой с расстегнутой ширинкой как-то некомильфо, но что поделать... Не говоря ни слова, Эльдар с изумленным молчанием смотрел, как она натягивает белье, и Катя откуда-то знала, что он не должен ничего говорить, кроме, возможно, вялого и равнодушного «давай, пока». Однако Эльдар потянул к себе рубашку, брошенную на спинку дивана, и с искренней заботой в голосе спросил:

Глава 3

То, что Катя, которая каких-то полчаса назад таяла в его объятиях, словно кусочек масла на сковородке, и исцарапала ему всю спину, умоляя не останавливаться, внезапно обернулась припадочной фурией и впала в такую ярость, что едва не выдавила Эльдару энергетический узел на переносице, его, мягко говоря, удивило. Сейчас она сидела, затаив дыхание, и всеми силами старалась занимать как можно меньше места в машине.

Ну ничего. Потерпит. Можно считать это воспитательными мерами.

Камень меречи едва ощутимо вибрировал, залатывая разбитый нос. В организме Эльдара артефакт отвечал и за регенерацию тканей тоже; теперь господин Смирнов — воскреснув из мертвых, Эльдар решил взять девичью фамилию матери, чтобышний раз не отсвечивать ненужным людям — не испытывал никаких проблем со здоровьем, да и выглядел как раз на те тридцать два года, которые значились в его новом паспорте. А Катя ударила его со знанием дела, так, будто всю жизнь только тем и занималась, что метала энергетические шары в недругов. Сейчас, старательно создавая вокруг себя тяжелую ауру гнева и неприступности и глядя, как в свете фар мечутся снежинки, словно рой растрепанных насекомых, Эльдар вспомнил, как его убили семь лет назад — размазали по стенке одним ударом примерно с такой же легкостью, с какой сегодня отличилась Катя Дубцова. Та самая Катя, в которой еще осенью не было ни крупинцы магии.

Неудивительно, что она понравилась книге. Не могла не понравиться — артефакты никогда не выбирают владельца просто так, повинувшись порыву или капризу. Мягкая, отзывчивая, искренняя и всегда идущая на компромисс Катя словно собрала в себе все те черты, которых изначально были лишены маги. Искоса глядя в сторону пассажирки, Эльдар думал о том, что она действительно хороший человек — но, к сожалению, *всего лишь человек*, а книге это было не по душе.

Неудивительно, что она пришлась по сердцу и ему тоже — в Кате была та легкая чистота души, которой отчаянно недоставало в мире Эльдара. Тогда, осенней ночью, когда она все-таки заснула, он лежал рядом, едва дыша, и не сомкнул глаз до рассвета, думая о том, как ему хочется присвоить эту девушку, и прекрасно понимая, что делать этого ни в коем случае нельзя.

Вот и доигрались.

— Я умру? — жалобно спросила Катя.

Эльдар вопросительно поднял бровь: он действительно удивился такому вопросу.

— Нет. С чего ты взяла? — поинтересовался он, стараясь говорить как можно спокойнее.

— Не знаю, — откликнулась Катя. — Эльдар, прости меня. Я сама не знаю, что случилось.

Человек, который, спотыкаясь, приблизился к машине, был очень грязен, очень пьян и очень зол. Похоже, к вопросу заливания глаз он подошел давно, основательно и проявляя невероятное рвение: молодое и когда-то привлекательное лицо уже успело приобрести неприятную багровую одутловатость знатного литрбольщика, одежда, изначально недешевая, была загажена до такой степени, что и на пугало жалко надеть. Всмотревшись в пассажирку, парень вдруг саданул кулаком по капоту и заорал так, что во дворе все кошки разбежались:

— Катька, шалава! Вылазь, тварь!

«BMW X6, - как-то отстраненно подумал Эльдар. — Хаманновский тюнинг. Только месяц назад расплатился».

Он ощутил невольную брезгливость. Машина ему очень нравилась, и теперь, когда какая-то расплескавшаяся синева колотила по ней грязными лапами, Эльдар почувствовал растущий гнев. Катя медленно сползала с кресла куда-то вниз, словно хотела спрятаться.

— Вылазь, давай! Весь вечер звоню, а ты бл*дуешь там! Не пойми с кем! Вылазь!

Он стукнул по капоту еще раз, но в сторону пассажирской двери не двинулся. Видимо, в их отношениях было заведено так, что, несмотря на все привороты, Катя послушно шла к нему сама — либо парень все-таки не пропил ум настолько, чтобы не бояться водителя.

— Выходи, — равнодушно процедил Эльдар. — Видишь, человек надрывается.

Отчасти это было его маленькой, но приятной мстью за разбитый нос — но все-таки больше всего Эльдару хотелось посмотреть, как книга, дергавшая Катю за ниточки, будет реагировать на прямую агрессию со стороны привороженного.

— Вылазь, бл*дища!

В нескольких окнах вспыхнул свет. Любопытные соседи прильнули к окнам. Эльдар подумал, что на таком краю географии, как этот, подобные номера давным-давно включены в квартплату. Катя потянулась было к ручке двери, но потом обернулась и с мольбой посмотрела на Эльдара. В ее глазах стояли слезы.

— Пожалуйста... — едва слышно прошептала она.

Эльдар вздохнул.

— Иди, прикрою.

Катя послушно выскользнула в ночь и приблизилась к буйному Кириллу, который, не тратя времени даром, влепил ей такую оплеуху, что Катя свалилась на капот и сползла вниз. «Хаманновский тюнинг», — устало подумал Эльдар и отправился заступаться.

— Эй, родной, — окликнул он Кирилла тем самым тоном из своей прежней жизни в Турьевске, который и не таких людей заставлял вытягиваться во фрунт и трястись от страха. — Ты ничего не попутал, нет?

Как и следовало ожидать, домашний боксер предпочитал отрабатывать навыки ближнего боя только на женщинах. Увидев Эльдара прямо перед собой и правильно оценив выражение его лица, он совершенно благоразумно задал стрекача — вот только далеко убежать ему не удалось.

Сидевшая на дороге Катя заливалась слезами — и Эльдар увидел, что ее правая рука выброшена вперед и пальцы сведены в идеальном по технике исполнения жесте Хаармин, несущем быструю и мучительную смерть. Эльдар бросился к девушке и стиснул в кулаке ее скрюченные ледяные пальцы — какой бы сволочью ни был Кирилл, но выжигания внутренностей он точно не заслужил. Однако было поздно — бегущий человек издал душераздирающий крик и рухнул на землю.

Во дворе воцарилась тяжелая глухая тишина. Эльдар держал ревушую Катю, чувствовал, как ладонь медленно наливается огнем — останавливать чужие боевые заклинания, тем более, такой силы, как Хаармин, это вам не шутки — и думал о том, что девчонку надо прятать, да подальше и понадежнее, и не только от человеческой полиции, но и от собратьев-магов. Катя захлебывалась в рыданиях, уткнувшись лбом в его плечо. Эльдар осторожно поставил ее на ноги и произнес:

— Кать, уезжать надо.

Темный силуэт лежащего Кирилла был настолько неподвижен, настолько лишен любого признака жизни, что Эльдар впервые за сегодняшний вечер ощутил дуновение настоящей тревоги — понимания того, что случилось нечто необратимое.

— Больно, — прошептала Катя.

Она осторожно прикоснулась к лицу, опустила руку, снова подняла к щеке и медленно провела по ней кончиками пальцев, словно сомневалась, ее ли это щека. Этот простенький жест почему-то заставил Эльдара поежиться от неприятного предчувствия. Он аккуратно, однако очень быстро усадил ее в машину, застегнул ремень безопасности и сказал:

— Все будет хорошо, Катя. Я все исправлю.

К сожалению, он и сам в это не верил.

Эта ночь оказалась одной из самых длинных, мучительных и тяжелых в жизни Эльдара.

Превращение Кати развивалось настолько стремительно, что он стал бояться, что не успеет довести ее до своей квартиры. В дороге девушка окончательно лишилась разума, стала метаться и бредить, а на кончиках ее пальцев засветились голубые огоньки. Порой Катя поднимала руки к голове, и тогда выражение ее лица, озаренного мертвенным белым светом, текущим из ладоней, становилось мрачным и невероятно зловещим.

В растрепанных темных волосах вспыхивали и гасли бело-голубые молнии, а сами волосы медленно шевелились, словно голову девушки венчала корона из мелких ядовитых змей. Эльдар, кажется, даже слышал их шипение. Машина летела сквозь ночь и снег, и он наконец-то начал понимать, кем именно книга делает свою владелицу, но не мог не гнать от себя мысли о том, что Катя неотвратимо становится *эндорой* — а это было плохо. Очень плохо. Он никогда не сталкивался с эндорами, только читал о них и сейчас сомневался, что сможет справиться с тем, во что превращалась Катя.

Дома он уложил Катю на кровать, отточенными быстрыми движениями соткал золотистую энергетическую сеть и набросил на лежащую девушку, надеясь, что сеть достаточно крепка, чтобы удержать растущую мощь и не дать Кате покалечиться. Сейчас девушка словно светилась изнутри — холодное сияние заливало квартиру, и Эльдар видел смутные очертания внутренних органов и раскинутое дерево вен и сосудов в распростертом теле.

Эндора... Это не плохо, это просто хуже некуда. Если превращение завершится, и Катя сумеет остаться в живых, то получит самую страшную и редкую магическую способность из существующих — повелевать мертвыми. Некромантов ненавидели и боялись; брат Лизы был некромантом, и большой совет магов единогласно постановил казнить его, как только дар стал проявляться. Раньше Эльдар первым согласился бы с таким решением — но теперь он был живым мертвецом, а эндора была Катей.

И это являлось очень серьезной проблемой.

На некоторое время наступило затишье. Сияние угасло, а Катя задышала глубже и ровнее. Эльдар взял телефон и выбрал номер Гамряна. Половина третьего ночи, старый друг наверняка пошлет его открытым текстом в самые дальние дали.

— Помнишь девочку с книжкой? — прямо спросил он, не давая Гамряну возможности высказаться по поводу ночных звонков. — Геворг, она эндора. Полчаса назад она убила человека. Хаармин, причем идеально сделанный. Как будто всю жизнь воюет.

Гамрян ошарашено промолчал, потом вымолвил:

— Твою же мать...

— Что делать? — спросил Эльдар. Растерянность Гамряна, о котором Эльдар всегда думал, что он способен лишить любую, даже самую заковыристую проблему, внушила ему оторопь. — Она у меня дома, я закрыл ее сетью.

— Уходи, — отчеканил Гамрян с такой пугающей уверенностью, что Эльдару в очередной раз за вечер стало не по себе. — Эльдар, уходи оттуда. Как можно скорее.

— Но...

— Беги! — рявкнул Гамрян. — Она тебя порвет, придурок! Бе...

Голос оборвался, и динамик излился шипящими помехами. Чужая рука вытянула бесполезный уже телефон из ладони Эльдара, и голос, который никогда, ни при каких обстоятельствах не мог бы принадлежать Кате, с обманчивой нежностью произнес:

— Бежать не надо.

Эльдар выдохнул. Обернулся.

Эндора парила в воздухе, широко раскинув руки. Вздрыбленные волосы окружали голову огненным венцом, в темных провалах на месте глаз пылали ледяные огни, тело оплетали десятки суставчатых молний. Она была невыразимо, смертельно прекрасна — как бывает прекрасен шторм, несущий неотвратимую гибель. Эльдар смотрел и не мог ни закрыть глаза, ни отвести взгляда. Существо, заменившее несчастную Катю, было олицетворением невиданной мощи, идущей из темных глубин веков, когда жрицы-эндоры призывали мертвецов, стоя на залитых жертвенной кровью ступенях храмов, а потом спускались в мрачное царство Аида, чтобы увенчать себя коронами из золотых асфodelей и швырнуть к черному трону владыки вырванные сердца тех, кто откликнулся на их призыв.

— Бежать не надо, — пророкотал голос: так грохочет гром, ворочаясь в центре грозовой тучи. — От смерти не убежишь.

Жест эндоры был небрежным и изящным — но Эльдара отшвырнуло в стену с такой силой, что на несколько мгновений он потерял сознание и не видел, как эндора с величавой медлительностью опустилась на пол и подошла к нему.

— Тот, кто носит печать смерти, — с неожиданной нежностью промолвила она, со спокойной легкостью переворачивая Эльдара на спину, — уже не должен спасаться от нее.

Камень меречи пульсировал в груди так, словно хотел вырваться и удрать неведомо куда. Эльдар сдавленно зашипел от боли, кромсавшей его на куски; падая от удара эндоры, он раскроил кожу на голове об угол картины, и теперь кровь заливала глаза, не позволяя увидеть комнату. Эндора медленно и осторожно опустилась на него, провела холодными ладонями по шрамам на груди, и Эльдар готов был поклясться, что в ее неторопливых движениях была пусть извращенная и мучительная, но ласка.

— Не бойся, — ворчание грома стало далеким и мягким, и тогда Эльдар зажмурился и отдал приказ на полное перевоплощение. Он хотел было попросить у Кати прощения напоследок, но не успел. Человеческое тело отбросило в сторону, как ненужный фантик — голодная меречь вырвалась на свободу и молниеносно стиснула эндору в смертоносных объятиях.

Повелительница мертвых взревела от неожиданности и боли — все-таки она была человеческим существом и никогда не смогла бы сражаться с меречью на равных. Обхватившие ее тяжелые кольца драконова туловища затягивались все туже, разъявленные пасти клацали изломанными зубами в каких-то миллиметрах от вопящего от ужаса лица. Хвост, оплетавший бедра и ноги, раздулся от напряжения, послышался отвратительный хруст костей, и эндора взвизгнула и обмякла, окончательно лишившись способности к сопротивлению. Когда угасли последние молнии, и квартиру залила тишина, меречь осторожно и медленно ослабила хватку.

Теперь эндора не представляла опасности. Меречь деловито обнюхала ее и вальяжно отправилась туда, где лежало тело Эльдара. Боднув одной из голов человека, не подававшего признаков жизни, меречь свернулась рядом с ним в подобие клубка и растворилась в воздухе. Короткая битва чудовищ завершилась окончательно.

Вскоре Эльдар зашевелился и сделал попытку подняться. Со второго раза у него это получилось, и Эльдар, стараясь не смотреть в сторону девичьего тела, лежащего на ковре, заковылял в ванную — смыть кровь, быстро подлатать рану на голове подходящим заклинанием и поправить качающийся зуб. Он не знал, что помогло ему больше, ледяная вода или заговоры на древнем языке магов, но в разгромленную комнату Эльдар вернулся спокойным ровным шагом. Силы почти вернулись к нему, хотя он прекрасно знал, что за такое быстрое перевоплощение ему еще предстоит расплатиться несколькими днями тошноты и головной боли.

Изломанная эндора по-прежнему лежала у кровати, там, где ее бросила меречь. Эльдар опустился на колени рядом, перевернул оказавшееся неожиданно тяжелым тело и угрюмо убедился в том, что преобразование Кати состоялось. Пусть перед ним сейчас лежала самая обычная девушка, у которой, по всей видимости, были сломаны несколько ребер и вывихнута правая нога — Эльдар совершенно отчетливо видел темные нити силы, принадлежащие повелительнице мертвых и вплетенные в ауру Кати.

Он вздохнул, осторожно поднял девушку и перенес на кровать. Катя застонала, но в себя не пришла. Висевшая плетью левая рука дрогнула и снова обмякла. Глаза нервно двигались под сомкнутыми веками, словно девушка видела страшный сон и никак не могла проснуться. Эльдар почувствовал, как от горького сочувствия сдавливает сердце, и негромко принялся читать исцеляющий наговор. Пусть Катя не оправится до конца вот так сразу, но, во всяком случае, кости он ей срастит. В ее ситуации это намного лучше, чем ничего.

Он бормотал над лежащей около часа и, когда слова на древнем языке магов иссякли, не ощутил ничего, кроме страшной усталости. Катя вздохнула, протянула дрожащую руку и нащарила его ладонь. Пальцы девушки были теплыми и живыми — сейчас ничто не говорило о том, что совсем недавно их наполняло смертоносным ледяным пламенем.

— Эльдар, — едва слышно позвала Катя. И голос ее теперь был обычным, девичьим, живым, пусть и исполненным невероятного по глубине страдания. — Эльдар, ты где...

— Я тут, — ответил он и сжал ее пальцы. Катя вцепилась в его руку — так ребенок, испугавшийся темноты, хватается за взрослого.

— Мне страшно, — жалобно сказала она. Глаза все так же метались за веками: Эльдар сделал для нее все, что было в его силах, но мучительный сон не прерывался.

— Я с тобой, — промолвил он. Катя не откликнулась, но ее ладонь дрогнула и чуть разжалась. — Я здесь, — добавил Эльдар, и Катя глубоко вздохнула и открыла глаза.

Некоторое время она озиралась по сторонам, словно никак не могла понять, где находится и как сюда попала. Потом Катя попробовала сесть и сдавленно застонала, прижав руку к животу. Эльдар подумал, что должно быть, слишком сильно душил ее в облике меречи и испытал мгновенный укол сожаления.

— Что ж так больно-то, — промолвила Катя, и ее лицо исказила гримаса страдания. Эльдар усмехнулся.

— Уж поверь, могло бы быть хуже. Намного хуже.

Катя понимающе кивнула.

— Я заболела? — спросила она, глядя на Эльдара с такой умоляющей надеждой, что он не выдержал и отвел взгляд. — Что случилось?

— Что ты помнишь? — ответил он вопросом на вопрос. Катя подняла руку к виску, сморщилась от боли.

— Вроде я пришла в клуб... в «Picasso». А потом... — она помолчала, вспоминая, и закончила: — Потом ничего не помню. Темно и очень холодно... А как я к тебе попала-то?

То есть превращение слегка подчистило ее память, с долей облегчения подумал Эльдар. Ну и слава богу. Смерть бывшего от твоей руки — не самое приятное воспоминание на свете.

— Что именно ты чувствуешь? — спросил Эльдар. Он все еще избегал смотреть Кате в лицо — воспоминание о том, кем она совсем недавно, заставляло Эльдара ежиться. Катя пожала плечами.

— Не знаю. Тело как будто чужое, — она осмотрелась, и краем глаза Эльдар заметил, что Катя по-настоящему встревожена. Да уж, элитная студия сейчас напоминала поле боя. — А что тут случилось?

— Ничего особенного, — отмахнулся Эльдар. — Ты приложила меня об стену. Я выпустил на волю меречь и немного попортил тебе прическу. Обычные разборки любящих людей.

Катя коротко ахнула и зажала рот ладонями. Эльдар обернулся и наконец-то собрался с силами, чтобы посмотреть ей в лицо.

Гамрян примчался рано утром, еще даже не развиднелось. Должно быть, когда разговор

оборвался, он прыгнул в машину и понесся в Велецк с такой безрассудной скоростью, что любого Феттеля задушила бы жаба. Эльдар смотрел на него и думал, что Гамрян ехал прибирать труп. Однако увидев Эльдара живым и относительно здоровым, турьевский маг вздохнул с облегчением.

Катя сидела на кухне и не высывалась, хотя Эльдар загривком чувствовал ее испуг и любопытство.

— Ты ее убил? — коротко осведомился Гамрян. Видимо, иного исхода он не ожидал: кто-то должен был умереть — особенно если это эндора, вся суть которой нечестиво попирает законы природы. Услышав его, Катя испуганно ахнула, и Эльдар ответил:

— Нет, Геворг. Решили дело миром.

— Миром? — изумленно переспросил Гамрян. Вот теперь-то он действительно был удивлен. Заглянув на кухню, Гамрян смерил трясущуюся от страха Катю цепким изучающим взглядом и сказал: — Какой мир, если она уже убивает? Какой мир, Эльдар? Ты понимаешь, что это трибунал?!

Катя встала и посмотрела на Гамряна с таким искренним ужасом, что Эльдар вздрогнул.

— Я никого не убивала, — уверенно промолвила она, но в ее уверенности трепетали легкие нотки сомнения в своей правоте. Тьма, пролежавшая широкой полосой между входом в клуб и разгромленной квартирой Эльдара, могла заключать в себе все, что угодно.

— Да? А Эльдар мне совсем другое говорил, — припечатал Гамрян. — И я верю ему, а не тебе. Паренек-то твой убит. Ты и убила.

Катя содрогнулась всем телом, словно Гамрян со всей силы нанес ей удар. На какое-то мгновение Эльдар и сам ощутил весь беспросветный ужас, охвативший девушку — Катя осела на пол и зашлась в рыданиях.

— Она не помнит, — негромко сказал Эльдар, словно пытался что-то объяснить Гамряну или себе. Сунув руки в карманы каких-то совершенно простецких спортивных штанов, Гамрян заходил по квартире взад-вперед. Наверно, в самом деле, в чем был — в том и побежал. — Превращение закончилось совсем недавно. В тот момент она себя не осознавала и ничего не помнит.

— Это она тебе сказала? — Гамрян яростно ткнул пальцем в сторону плачущей Кати, и в его голосе было ни сочувствия, ни понимания. Ни капли. Катя была для него отвратительным выродком, чудовищем, которого требовалось уничтожить — во имя общего блага, разумеется. — И ты ей что, веришь? А рожу тебе кто располосовал? А квартиру кто разнес?

— Ну так залезь ей в мозги! — заорал Эльдар. Он имел все основания считать себя человеком, способным твердо стоять на ногах практически в любой ситуации, но теперь нервы начали сдавать. — Проверь, что она помнит, а что нет!

— Да опомнись ты! — Гамрян схватил Эльдара за воротник и несколько раз встряхнул, словно пытался хоть как-то привести в чувство. — Эльдар, она эндора! И она уже тобой крутит, как хочет.

Эльдар отступил, и Гамрян был вынужден его выпустить. Катя уже не редела в голос: сидя на полу, она дрожала, глядя в одну точку, и по ее щекам катились слезы. Нормальная реакция, отстраненно подумал Эльдар и твердо произнес:

— Геворг, если ты хочешь трибунала, то я не позволю.

И в этот момент ему было абсолютно все равно, крутит им эндора или нет. Гамрян опешил — такого он явно не ожидал, и Эльдар, воспользовавшись его замешательством, продолжал:

— Она жертва обстоятельств. Она не родилась эндорой, такой ее сделал сильнейший артефакт, которому она не могла противостоять. Не имела такой возможности в принципе. Да посмотри ты на нее, она просто несчастная девчонка, которую изувечил

наш с тобой мир. И теперь он же собирается ее казнить. Просто потому что.

Эльдар хотел говорить дальше — он подобрал очень правильные слова, способные убедить Гамряна в том, что Катя никому не несет угрозы, но в это время в дверь зазвонили. Гамрян потянул носом воздух и очень неприятно усмехнулся.

— Посмотри, — сказал он, и панель видеозвонка включилась, повинуясь его легкому щелчку.

На экране был Кирилл. Пошатываясь, он давил на пуговку звонка, словно его старание могло ускорить открытие двери, и выглядел самым обычным человеком. На площадке стоял не мертвец, а молодой угрюмый мужик с похмелья, только и всего — однако Эльдар ощущал, как от Кирилла катится мрачная давящая волна. Такое легкое дуновение ветра появляется перед грозой и не предвещает ничего хорошего.

— Ну вот видите, — торжествующе произнесла Катя. Шмыгнув носом, она смахнула слезы со щек и уверенно поднялась на ноги. — Он жив. Я никого не убивала.

— Он не жив, — глухо откликнулся Эльдар и не узнал своего голоса, настолько искаженного омерзением, что ему самому стало жутко. Весело и жутко — это было почти забытое ощущение, принесенное Эльдаром из психиатрического заведения закрытого типа. Это истерическое зудящее веселье начиналось перед припадком, а потом прибегали санитары, чтобы скрутить бьющегося на полу Эльдара в бараний рог.

Гамрян был прав. Абсолютно прав, и сейчас Эльдар понимал его правоту с такой ясностью, словно она была широким и светлым лучом, озарившим все закоулки его души. Кирилл был не первым мертвецом, которого едва вылупившаяся эндора призвала из тьмы. Первым был официант из «Седьмого неба» — куражась, бисы оторвали ему голову, но это не помешало парню откликнуться на зов владычицы.

А ведь тогда она только взяла книгу. А теперь книга почти три месяца провела с ней рядом, вплотную, исподволь и незаметно перековывая душу, превращая добрую славную девушку Катю в отвратительное нечто, противное законам природы...

Гамрян был прав. То, что способно поднимать мертвых и использовать их по своей воле, не должно жить.

Эльдар закрыл глаза.

— Геворг, заberi ее, — негромко попросил он. Гамрян торжествующе кивнул, а Катя издала жалобный стон и потянулась было к нему.

— Так будет лучше, — сказал Эльдар: твердо и отчетливо, словно пытался одним ударом разрубить все нити, протянувшиеся между ним и Катей. — Я придержу мертвеца. Забирай.

«Picasso» открывался в два часа дня — к этому времени Эльдар успел вздремнуть, провалившись в темный глухой сон без сновидений, выпить одну за другой три чашки крепчайшего кофе, принять душ и убедиться, что привел себя и мысли в относительный порядок. Приехав в клуб, быстро проверив рабочую почту и раздав менеджерам все необходимые распоряжения, Эльдар отправился в бар. Бармен Коля, молодой, едва со школьной скамьи, но очень толковый, оценил выражение лица работодателя и не стал озадачиваться изысками, поставив перед Эльдаром бокал коньяка — из специального шкафчика для особых гостей.

— Отлично, Коль, — негромко похвалил Эльдар. — Выпишу премию, купишь маме подарок.

Коля улыбнулся. В плане выбора напитков для посетителей он никогда не ошибался: это чутье истинного профессионала почти ничем не отличалось от магии. А может, это и была настоящая магия.

— Спасибо, Эльдар Сергеевич. Премия всегда пригодится, — нырнув под стойку, он вынул смартфон с треснувшим экраном и протянул Эльдару. — Это вроде ваш? Уборщица нашла в vip-кабинете.

Эльдар задумчиво покрутил смартфон по стойке, дотронулся до паутинки трещин. Интересно, куда Гамрян увез Катю?

Он не чувствовал ничего, кроме опустошения и усталости. Бесконечной усталости. Ни короткий сон, ни кофе не помогли ему прийти в себя. И можно было не тратить время на уверения в том, что он поступил правильно, сделал единственно верный выбор в сложившихся обстоятельствах — Эльдар прекрасно понимал, что совершил нечто худшее, чем просто преступление. Он ошибся.

— Мой, — ответил Эльдар, убрал телефон в карман пиджака и, вынув портмоне, отсчитал несколько крупных купюр и придвинул в сторону бармена. — Спасибо.

Легким жестом фокусника Коля прибрал деньги и с невероятным, каким-то дворянским достоинством, которое странно смотрелось у юноши с разноцветным панковским гребнем и татуировкой на шее, отдал Эльдару поклон.

— Вам спасибо, Эльдар Сергеевич.

Выпив коньяк, Эльдар не почувствовал вкуса. Коля, в очередной раз верно оценив состояние начальника, не стал приставать с разговорами и принялся усердно наводить блеск на рюмки. Когда бокал Эльдара опустел, бармен беззвучно налил вторую.

— Привет.

Эльдар поднял глаза и в зеркалах за барменом увидел отражение Лизы. Мысленно усмехнулся: сколько лет он думал о том, чтобы она пришла — и вот она пришла, стоит за его спиной, молодая, яркая, дерзкая, а ему все равно. Совершенно все равно. Все, что в его душе могло испытывать эмоции по поводу Лизы, как стало ясно сейчас, давным-давно отболело и погасло.

— Привет, — не оборачиваясь, произнес он. — Какими судьбами?

Лиза села рядом, небрежно бросила сумочку на стойку. Запах каких-то безумно дорогих духов поплыл по бару. Коля вопросительно поднял бровь, что-то прикинул и стал смешивать «For Cuba libre».

— Я в трибунале, — с определенной гордостью промолвила она. — Гамрян вызвал. Послушай, — Лиза протянула руку и с искренним сочувствием дотронулась до запястья Эльдара. — Мне очень жаль. Мне правда очень-очень жаль.

Эльдар криво усмехнулся. Он искренне сомневался в том, что его вдова способна на жалость. Но отводить руку почему-то не стал.

Лиза убрала ее сама.

— Не стоит, Лиз. Сколько лет мы не виделись?

— Семь, — Лиза отпила коктейль, удовлетворенно кивнула, прикрыв глаза. Коля в очередной раз угодил в точку. — Хочешь, в Прагу поедем на новый год?

Эльдар пожал плечами. Когда-то давным-давно они были очень счастливы в Праге — возможно, это были единственные мгновения счастья за всю их долгую и странную жизнь бок о бок, но не вдвоем. А сейчас между ними лежали семь лет, в которых не было и дня, чтобы Эльдар не вспоминал о Лизе.

Он открывал ее профиль в соцсети сразу же, как входил в интернет. Фотографий было много, и, рассматривая их, Эльдар понимал, что хрупкая рыжеволосая девочка, которую он когда-то давным-давно встретил в своем торговом центре, выросла и стала матерой и очень несчастной ведьмой. Или ему просто хотелось верить, что Лиза несчастна — без него?

— Надо же так оголодать, Лиз, — произнес он, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе звучал максимально возможный цинизм. — Я психопат, причем опасный. Я твой наставник, которого ты в свое время боялась до усеру. И бывший муж, который от тебя не видел ничего, кроме презрения. В Турьевске что, мужики кончились?

Лиза вздохнула — так будет вздыхать учительница, в очередной раз объясняющая тупому ученику правила. Промолчала. Она всегда была мастерицей замечательных по силе воздействия пауз, эта Лиза — обязательно начинаешь чувствовать себя моральным уродом, оскорбляющим святую женщину.

— Тебя Гамрян послал? — уточнил Эльдар, когда молчание ему надоело. Лиза отрицательно покачала головой.

— Нет. Признаться, я просто соскучилась. Хотела тебя увидеть, узнать, как ты тут...

— Вот и увидела, — довольно грубо перебил Эльдар. Присутствие Лизы начало причинять ему тягучую ноющую боль — как если бы кто-то принялся ковырять ржавым ножом в почти зажившей ране. — Вот и узнала. Теперь уйди, бога ради.

Лиза снова погладила его по руке, потом спрыгнула со стула и, поцеловав Эльдара в щеку, шагнула в сторону выхода. Отпечаток ее губ пылал на коже, словно она приложила к его лицу раскаленную кочергу.

— Я любил тебя больше, чем ангелов и Самого, и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих, — внезапно процитировал Эльдар и бросил через плечо, уже громче и отчетливее: — Кстати. Такой же трибунал казнил твоего брата. Помнишь?

Он развернулся и посмотрел Лизе в лицо. Она стояла неподвижно, в пол-оборота глядя на Эльдара, тонкая ручка сумочки медленно выскользывала из ее ладони, и взгляд Лизы был таким, словно ее сейчас насквозь пробили копьем, и она едва сдерживает крик боли.

Сейчас она была похожа на раненое животное, которому нет дела ни до чего, кроме подступающей смерти.

— Я помню, — Эльдар не услышал ее голоса — прочел сказанное по дрожащим губам. — Да, Эльдар, я помню.

Он отвернулся и с преувеличенным вниманием стал смотреть, как Коля, делая вид, что не слушает разговор шефа и прекрасной дамы, со всем возможным старанием наводит блеск на стаканы хайбол. Некоторое время в баре было тихо, потом послышался легкий цокот каблучков, и хлопнула дверь. Эльдар задумчиво водил пальцем по своему опустевшему бокалу.

— Повтори, Коль, — негромко попросил он и, когда бармен послушно плеснул коньяка, подумал, что все в своей жизни делал неправильно. Вот абсолютно все, за что ни возьмись. Надо было тогда не слушать Гамряна, а брать Лизу в охапку и уезжать вместе с ней. Но Геворг всегда знал, как лучше, он всегда был прав — и тогда, с Лизой, и теперь, с эндорой. Его огромное преимущество в том, что, в отличие от Эльдара, он мыслит и принимает решения без оглядки на эмоции.

Эльдар вздохнул, одним глотком осушил бокал и поднялся со стула. Оставалось надеяться, что задуманное им сейчас наконец-то будет правильным. Хотя бы немного.

Выехав со стоянки на проспект и двинувшись в сторону Катиного дома, Эльдар набрал номер не в меру шустрого Сергея Ильича и, когда тот снял трубку, спросил сразу, не дожидаясь обмена приветствиями:

— Тебе все еще нужна та книга?

Глава 4

Катя почти ничего не запомнила.

Вроде бы Гамрян, толстый усатый армянин с совершенно благообразной внешностью, куда-то волок ее, крепко держа за предплечье, и в его лице не было ничего, кроме брезгливой ненависти. Так даже на таракана не смотрят — а он смотрел на нее, Катю... Вроде бы потом ее бесцеремонно запихали на заднее сиденье автомобиля, и машина поехала своей дорогой. За окнами мелькали унылые серые хрущевки, потом потянулись изжелта-грязные бараки, потом начались поля, а среди полей возникла россыпь золотисто-розовых новостроек — но Катя не могла сказать точно, что было именно так. Потом Гамрян вытащил ее из машины, и Катя откуда-то знала, что он очень хочет гнать ее пинками и заушениями. Ну очень хочет и едва сдерживается.

Это туманное полуобморочное состояние в определенном смысле поддерживало Катю — если бы она сохраняла полную ясность ума, то, пожалуй, так бы и продолжила биться в истерике. Мир обрел прежнюю четкость, насыщенность и объем только после того, как в поле зрения Кати появилась Лиза Поплавская. Тогда Катя поняла, что стоит на крыше новостройки, что ей ужасно холодно, потому что куртка расстегнута, и зимний ветер свободно забирается под тонкий свитер, что ее кто-то держит за руки сзади — так крепко, что не вырваться при всем желании.

Лиза посмотрела на нее мельком, практически без интереса, но Катя понимала, что вдова Эльдара просканировала ее похлеще любого рентгена. Гамрян, угрюмый и какой-то нахохлившийся, словно старый седой воробей, убрал руки в карманы куртки и сказал:

— Сейчас Рудин подъедет и начнем.

Запустив пальцы в сумочку, Лиза извлекла пачку ментоловых сигарет и серебряную тяжелую зажигалку и откликнулась:

— Да ничего, подождем.

Человек, державший Катю, промолчал. От него пахло резким дешевым одеколоном и страхом. Насколько казалось Кате, он вообще старался не отсвечивать, угрюмо сопел почти в ухо, волновался и не хотел скрывать волнения. Ему словно дали в руку гранату с выдернутой чекой и отправили плясать на канате.

— Эльдара видела? — осведомился Гамрян, почему-то избегая смотреть в сторону Лизы.

Закурив, Лиза выпустила струйку дыма в низкое серое небо и ответила после небольшой, но какой-то подавляющей паузы:

— Видела, да. Вспомнили старое.

— Хорошего мало, как я погляжу, — заметил Гамрян.

Губы Лизы дрогнули в неприятной усмешке.

— А разве с Эльдаром бывает что-то хорошее? — ответила она.

Гамрян, по всей видимости, счел вопрос риторическим и не стал развивать тему.

Про Эльдара Катя старалась не думать. Просто запретила себе вспоминать о том, как он смотрел на нее в далеком-далеком октябре, когда высадил возле института, и как — сегодня утром, когда Гамрян выволакивал ее из квартиры. Все равно эти мысли к хорошему не приведут.

Помянутый Рудин со свитой прибыл через четверть часа, и Катя подумала, что это очень большая шишка в мире магов: Гамрян, который, судя по всему, не привык ни перед кем ломать шапку, раскланялся с ним очень уважительно, на грани подбострастия. Рудин — долговязый, чернявый, прихрамывавший на левую ногу — подошел к Кате и несколько минут пристально смотрел ей в лицо. Оценивающий взгляд прищуренных голубых глаз был отвратительно липким: Кате казалось, что с нее сорвали одежду и поставили, обнаженной и беззащитной, на площади перед толпой народа. Из толпы выкрикивали

грязные ругательства, угрожали и швыряли мусором — картинка, всплывшая перед внутренним взором Кати, была невероятно отчетливой.

— Эндора, — наконец-то вынес вердикт Рудин и удовлетворенно добавил, едва не облизнувшись: — И ведь какая... Хотя в учебник помещай.

— Я так сразу и сказал, — раздался на крыше новый голос. — Да, дорогие мои пока еще коллеги, это классическая эндора. Преображение состоялось сегодняшней ночью.

Эльдар, неслышно возникший из-за двери на технический этаж, одарил всех собравшихся какой-то нервной улыбкой и продолжал:

— Что ж не пригласили, господа хорошие? Впрочем, я не обидчивый, — он спрятал руки в карманы распахнутого пальто, задумчиво покачался с пяток на носок. — Я так понимаю, трибунал собирается ее устранить? И не хочет рассматривать других вариантов?

Трибунал, похоже, в полном составе побаивался Эльдара. Свита Рудина дружно сделала шаг назад, человек, державший Катю, несколько ослабил хватку, Лиза поджала губы и смущенно стала рассматривать наманикюренные ногти на левой руке, а Гамрян просто отвернулся. Рудин, единственный из всей компании сохранивший равнодушное выражение лица, отошел от Кати и преувеличенно спокойным тоном, словно обращался к ребенку, промолвил:

— Собственно говоря, эндоры подлежат физическому устранению по договору Смитсона-Румянцева. Тысяча восемьсот двадцать пятый год. События этого года напомнить?

Эльдар отмахнулся. Катя смотрела на него во все глаза и была абсолютно уверена, что этот человек безумен. Семь лет в дурке — когда-то сказала Лиза, и сейчас Катя точно знала, что турьевская бизнес-леди не наговаривала напраслины на бывшего мужа. Достаточно было увидеть лихорадочный блеск в карих глазах Эльдара и выступившую жилку на виске.

— Не надо, — проговорил он. — Я проходил декабристов в восьмом классе. Согласен, тогда все кончилось не очень красиво, и у договора были свои основания. Но у нас-то сейчас все-таки другой год. И век другой. Так может, мы все-таки подумаем и не станем саблями махать?

— Война на пороге, — негромко сказала Лиза. Было видно, что необходимость вести хоть малейшее общение с Эльдаром причиняет ей искренние и нешуточные страдания. Почему-то, когда она подала голос, Рудин посмотрел на нее с искренним уважением и интересом. — И твоя эндора — это еще одна пороховая бочка под хрупкое равновесие.

Эльдар одарил свою вдову таким взглядом, что Лиза стушеввалась и покраснела — вот теперь она действительно была похожа на девчонку из общаги, которую, к тому же, застукали за чем-то непотребным. Казалось, Эльдар хлестнул ее по щеке, вложив в удар все душевные силы.

— Она такая же моя, как и твоя, — холодно произнес он. Приблизился к Кате, небрежно взял ее за предплечье и притянул к себе. Державший ее человек настолько опешил от подобной наглости, что даже протестовать не стал. Не отважился рисковать. — Так вот, что я вам скажу, дорогие коллеги. Я предлагаю следующий вариант. Господин Гамрян, господин Рудин и ваш покорный слуга уничтожат книгу, инициировавшую эндору. А на саму эндору мы наложим *путы Максимилиана*. Это не позволит ей использовать магию. Никогда, ни при каких обстоятельствах.

Гамрян хмуро молчал. Рудин отрицательно качнул головой.

— Нет, Эльдар. Я не буду, — промолвил он, и было ясно, что Рудин в принципе не собирается рассматривать какие-либо варианты, кроме казни.

Эльдар кивнул. Сейчас он стоял почти у кромки крыши и держал Катю так, словно закрывался ею от трибунала. «Господи, только бы он не утратил равновесия, — с ужасом думала Катя. — Мы же упадем...»

— Моего брата приговорил к смерти такой же совет, — негромко промолвила Лиза. Было

видно, что она едва сдерживает подступающие слезы и давно утратила свой сияющий ореол сильной и властной женщины. — Покойный Антонов визировал его смерть... Геворг, прости, — она обернулась на Гамряна и шмыгнула носом, став окончательно похожей не на популярную блоггершу и светскую львицу, а на девчонку из глухой деревни. — Прости. Я все-таки думаю, что надо попробовать.

Несколько минут Гамрян молчал — а может, Кате просто почудилось, что он долго стоял неподвижно, глядя куда-то в сторону серого города, тонущего в тумане.

— Нет, Эльдар, — проговорил он в итоге. — Нет. Можешь быть уверен, мы все услышали и поняли твою точку зрения. Я прекрасно понимаю, что Лизой сейчас руководят эмоции. И ты абсолютно прав, когда говоришь, что эта девушка — жертва обстоятельств. Но как бы то ни было, оставлять эндору в живых неправильно. Мой окончательный ответ — нет.

Эльдар хрипло рассмеялся, и Катя испугалась, что вот-вот обмочит штаны, настолько ей вдруг стало жутко. Это была какая-то парализующая жуть, которой раньше она не знала; сердце рухнуло куда-то вниз, во тьму, ноги подкосились, и, если бы Эльдар не держал ее, то Катя свалилась бы на снег, покрывавший крышу.

Смерть осторожно приблизилась, посмотрела ей в глаза, протянула руку и едва слышно сказала: пойдём. Серое небо над городом начало гнить — Катя едва не теряла сознание от запаха этой гнили, забивающего ноздри.

— Что ж, — совершенно спокойно сказал Эльдар. — Это было очень предсказуемо.

И, резко откинувшись всем телом назад, он упал с крыши. Катя завизжала, в какой-то безумной, обреченной на неудачу попытке пробуя высвободиться из его захвата и не понимая, что это уже никак не сможет помочь. Мир закрутился перед глазами пестрым колесом, рваным куполом ярмарочной карусели. Замелькали балконы и окна, по щекам яростно хлестал ветер, за каким-то стеклом дрогнуло и исчезло искаженное мгновенной паникой человеческое лицо, а потом стало темно и очень тихо.

Когда Эльдар и Катя рухнули с крыши, Гамрян первым стряхнул оцепенение и кинулся к козырьку. «Двадцатый этаж, — с какой-то новой для себя отстраненностью подумал он. — В лепешку...» Лиза, бросившаяся за ним, тяжело дышала, и ее взгляд никак не мог ни на чем сфокусироваться.

— Все..? — пролепетала она. — Господи, Геворг... Как же это?

Едва не падая следом за Эльдаром — ноги дрожали, и ботинки скользили на снегу — Гамрян смотрел вниз и никак не мог составить целостного впечатления: картинка рассыпалась грязно-серыми пятнами. В конце концов, он сумел взять себя в руки и понял, что внизу никого нет. На детской площадке по-прежнему возилась малышня, лепя снеговиков и с диким гиканьем съезжая с горок, — дети играли совершенно спокойно, и на их глазах двух человек не разметало по всему двору кровавыми ошметками. Гамрян, окончательно успокоившись и выровняв дыхание, еще раз оглядел двор — никаких следов ни Эльдара, ни эндоры. Обычный зимний двор.

— Ушли, — произнес он. Мгновенное облегчение, затопившее его душу, на мгновение озарило пасмурный мир ярким зимним солнцем.

— Как это «ушли»? — Рудин заглядывал вниз с таким старанием, что свита загарцевала рядом, опасаясь, что начальник свалится. Начальник же не испытывал никакого страха за жизнь: он склонялся над козырьком так, что Гамрян счел нужным все-таки аккуратно придержать его под локоть. — Что значит «ушли»? Гамрян, как это понимать? Что зна...

Он осекся и выпрямился. Видимо, понял до конца, каким могуществом обладает Эльдар. Гамрян с трудом сдержал торжествующую ухмылку. Рудина он недолюбливал уже много лет и сейчас не мог не наслаждаться ошарашенным выражением его постной физиономии.

— Эльдар отправил на тот свет Илью Мамонтова, — с нескрываемой гордостью сказал Гамрян. — Полагаю, что прыгнуть с двадцатого этажа и потом спокойно уйти для него пара пустяков.

Рудин издал что-то похожее на шипение змеи.

— Я этого так не оставлю, — сквозь зубы процедил он. — Слишком многое ему уже сошло с рук.

Гамрян кивнул — он не мог с этим не согласиться.

Кругом была непроницаемая тьма, но эта тьма не была пустой. Катя слышала, как над ней что-то заворчалось и затихло. Потом она ощутила мягкий толчок снизу, и ее осторожно повлекло куда-то вперед — сперва медленно, потом все уверенней и быстрее. Постепенно тьма начала терять непроницаемую густоту, из нее выступили очертания предметов, и в конце концов Катя увидела, что лежит на нижней полке в купе. Эльдар сидел напротив и читал какой-то детектив в пестрой мягкой обложке. Его лицо казалось мертвенно бледным в наступающих серых сумерках.

Снаружи кто-то уже требовал чаю, и за стеной спорили по поводу нижней полки.

— Куда мы едем? — негромко спросила Катя.

Эльдар даже взгляда от книги не поднял — видимо, чтиво было очень завлекательным, либо он просто не хотел смотреть на свою спутницу.

— В Ленинград, — ответил Эльдар. — Прибываем поздно вечером. Ты спи, спи. Тебе сейчас надо много спать.

Катя попробовала улечься поудобнее, и грудь сразу же пронзило такой болью, что перед глазами поплыли алые круги. Тело словно охватывали тяжеленные цепи — во всяком случае, именно так Катя обозначила свою боль: ты пытаешься вырваться из оков и не можешь, стянута так сильно, что и дышишь-то через раз.

— Мы ведь упали, да? — негромко спросила Катя: чтобы задать этот вопрос, ей потребовалась вся возможная выдержка. — Ты сбросил меня с крыши.

— Ну, почти, — откликнулся Эльдар. Его белую рубашку почему-то украшало темное пятно на правом боку: не то грязь, не то кровь. Катя искренне понадеялась, что это именно грязь, и он не ранен. — Мой знакомый помог открыть портал, и мы рухнули не на землю, а в щель в пространстве. Если говорить точнее, то Кать, ты бы правда поспала.

— Не хочу, — промолвила Катя и попыталась приподняться. Разумеется, ничего у нее не вышло — только нахлынула вязкая обморочная слабость и тошнота, и Катя без сил обмякла на полке. Эльдар перевернул страничку, задумчиво почесал щеку. Пятно вроде бы стало больше, но Кате это могло просто казаться из-за слабого освещения. Маленькая лампа, которую включил Эльдар, несмотря на все свои старания, была не в силах развеять растущую тьму. — Что со мной?

Эльдар наконец закрыл книгу и посмотрел на Катю. Отчего-то боль сразу же усилилась, словно под взглядом Эльдара цепи стали затягиваться еще туже. Кате казалось, что она слышит их скрип.

— Это путы Максимилиана, — нехотя объяснил он. — Заклинание, которое сдерживает в тебе эндору. Я понимаю, что это очень больно. Но мне не хочется плясать под твою дудку, пусть даже ты и не осознаешь, что делаешь.

Снова открыв свой детектив, Эльдар вернулся к чтению. Через пару минут устало добавил, не глядя на Катю:

Я очень трепетно отношусь к своей свободе, уж извини.

Катя смогла понимающе кивнуть и прикрыла глаза. Что ж, если это страдание — плата за возможность быть собой, Катей Дубцовой, студенткой, обычной девушкой, а не чудовищем, поднимающим мертвецов из могил, то она согласна заплатить даже больше. Она долго лежала молча, наблюдая за читающим Эльдаром. Книги ему хватило примерно на час, потом он вышел и вернулся с двумя стаканами чая. В стакан для Кати Эльдар высыпал пакетик какого-то желтоватого порошка, извлеченного из небольшой, туго набитой спортивной сумки, небрежно поболтал в чае ложечкой и приказал:

— Попробуй сесть.

Катя послушно попробовала. Удалось с третьей попытки, правда, в легкие вонзились тысячи раскаленных игл, желудок содрогнулся, и ее чуть не вырвало. Когда спазмы, выкручивающие внутренности, прекратились, Эльдар поставил перед ней стакан и посоветовал:

— Выпей, полегчает.

Катя выпила и не ощутила вкуса. Однако ей действительно стало легче — руки перестали трястись, как у алкоголички со стажем, а зрение окончательно обрело четкость, и Катя убедилась, что пятно на рубахе Эльдара — кровавое. Как он в таком виде выходил в коридор и не вызвал лишних вопросов, вот загадка. Хотя если они свалились с крыши небоскреба и не поцарапались, то удивляться нечему. Вообще нечему.

— Я не манипулирую тобой, — сказала Катя. — Я не хочу, чтобы кому-то было плохо. Знаешь... я никогда не мечтала ни о какой магии, хотела просто жить, просто учиться. Работу найти на следующем курсе... Встречаться с кем-нибудь...

Катя осеклась, поняв, что тот, с кем она всегда хотела встречаться, теперь, скорее всего, мертв. Она вспомнила Кирилла, звонящего в дверь Эльдаровой квартиры с какой-то тупой, механической настойчивостью. Что потом с ним стало?

— Кать, — произнес Эльдар, убирая книгу в плоскую сумку с ноутбуком, приткнувшуюся к стене, — я тебе верю. Но я не верю эндоре, которая мне чуть голову не оторвала.

— Я же не хотела, — промолвила Катя.

За окнами проносились леса, и луна, поднимаясь над растрепанной кромкой деревьев и обливая жидким серебром их макушки, делала картину очень пугающей. Кате казалось, что в мире за окном больше нет жизни, их поезд идет в никуда и никогда не остановится на конечной. Они так и останутся в этом крошечном купе, в этом таинственном полумраке, пассажиры за стеной будут визгливо требовать у проводника то водки, то чего закусить, не понимая, что и они сами, и проводник давным-давно мертвы.

— Я понимаю, — сказал Эльдар. Отпил чаю, поморщился.

— Почему именно Питер? — осведомилась Катя.

Когда-то давным-давно, еще в школе, она ездила туда с классом на экскурсию. Короткое воспоминание о прежних мирных и спокойных днях сжало сердце; Катя поняла, что готова расплакаться.

— У меня там, так сказать, конспиративная квартира, про которую никто не знает, — откликнулся Эльдар и провел ладонью по темному пятну на боку. — Надеюсь, это поможет нам выиграть время, — он несколько минут помолчал, потом продолжил: — В «Picasso» сегодня нашли крупную партию наркотиков. Через четверть часа после нашего впечатляющего побега. Очень вежливые люди отменили корпоратив у одной из компаний и прямо в моем кабинете, в сейфе, выкопали героин. Четыре килограмма. Я, конечно, тот еще дурак, но чтобы хранить наркоту на рабочем месте?

— Тебя подставили, — с искренним сочувствием промолвила Катя. — Наверно, тот Рудин, да?

Эльдар кивнул. Почему-то Кате казалось, что проблемы с клубом его сейчас волнуют в последнюю очередь. Снаружи кто-то подергал дверь, потом негромко и пьяно пробормотал: «Пардон» и пошагал своей дорогой.

— Да, он. Полагаю, меня уже объявили в федеральный розыск.

— Мне жаль, — Катя действительно испытывала очень острое чувство вины. Если бы не она, Эльдар вел бы сейчас свою привычную, устоявшуюся жизнь, готовился встречать Новый год, а не рисковал бы головой ради шапочной знакомой... И Кирилл был бы жив. — Эльдар, мне правда очень жаль.

— Что жалеть, — без выражения произнес Эльдар. — Мне не в первый раз вот так с места в никуда срываться. Просто знаешь, Кать, я в жизни много разного сделал.

Приходилось и убивать, понимаешь ли. Но я никогда никого не убивал без веской причины. И поэтому отправлять тебя на казнь просто потому, что ты случайно попала в переплет — это мне претит. Это мне, мягко говоря, неприятно.

Он запустил пальцы в карман брюк и вытянул Катин браслет — простенькую серебряную цепочку с брелком-корабликом. Браслет подарила ей мама на прошлый день рождения; вчера Катя, когда собиралась в институт, застегнула его на руке, а сегодня утром, пытаясь найти хоть что-то, за что можно зацепиться и не сойти с ума, обнаружила, что левое запястье пусто, и цепочка исчезла. Это был еще один маленький удар.

— Где ты его нашел? — спросила она, возвращая браслет на руку. Эльдар усмехнулся.

— В «Picasso», заезжал туда утром. Уборщица принесла из вип-комнаты.

Катя вопросительно подняла левую бровь. Полоса мрака, накрывавшая вчерашний вечер и первую половину ночи, дрогнула и приоткрыла какие-то смутные тревожные очертания предметов и людей — Катя не могла понять, что именно возвращает ей память, но испытывала непонятное тягучее волнение. Сейчас, глядя на потерянный и возвратившийся к ней браслет, она чувствовала себя мухой в меду.

— И что я там делала, в этой вип-комнате? — спросила она. Голос дрожал от испуга — Катя не знала, какого ответа дождется, и сейчас это мучило ее сильнее пут.

Эльдар пожал плечами. Посмотрел ей в переносицу. Чуть ли не смущенно отвел взгляд.

— Ничего такого, чего следует стыдиться, — в конце концов, спокойно произнес он. — Мы с тобой очень хорошо провели время вдвоем. Потом ты поднялась, оделась и ушла, а на стоянке дала мне такую оплеуху, что чуть *основной узел* не выбила.

— Что..? — пискнула Катя. Щеки залило стыдливым румянцем, в легкие от неловкого движения снова впились полыхающие пламенем иглы.

— Основной энергетический узел, — смиренно повторил Эльдар и постучал себя по переносице. — Вот тут. В тот момент ты уже начала превращаться в эндору.

Катя прижала ладони к пламенеющим щекам. То есть, она и Эльдар...? Ей одновременно стало невероятно, непередаваемо стыдно и в то же время хорошо и спокойно, словно все случившееся было правильным. Единственно верным вариантом развития событий.

— Я не про узел... — прошептала она. Неловкость, стеснение и замешательство, охватившие Катю, не позволяли поднять глаза и посмотреть на Эльдара. «Но ты же сама этого хотела, — недоумевающе встрял внутренний голос. — Что опять не так?»

— Пустяки, забудь, — откликнулся Эльдар. — Ты в тот момент уже не была собой.

Кате вдруг захотелось ударить его чем-нибудь тяжелым — чтоб не делал вид, будто не понимает, в чем дело. В носу зашипало, и Катя поняла, что сейчас расплачется. Она опустила голову и стала ждать, когда слезы укатятся обратно — естественно, у нее ничего не получилось, и несколько капель сорвались с ресниц и упали на колени.

Эльдар сделал вид, что не заметил.

Конспиративная квартира Эльдара располагалась в старом доме на Московском проспекте, и Катя — хоть убей — не могла вспомнить, как в ней оказалась: из памяти стерлось и прибытие поезда на Балтийский вокзал, и дорога до дома. Катя как-то внезапно осознала себя сидящей на диване у окна, за окном проезжали машины, и люди — улыбающиеся, веселые, уже предвкушающие праздник, входили в низкий подсвеченный купол станции метро. Несмотря на позднее время, на проспекте было много народа.

Катя огляделась. Квартира была самой обычной, немного запущенной, но Катя никогда не жила в роскошных хоромах, и ей не было дела ни до старого линолеума, ни до облетающих обоев у стены. Всю скромную, убогую практически до нищеты меблировку составлял диван, небрежно прикрытый проеденным молью пледом, низенький письменный стол, украшенный тяжелой хрустальной пепельницей, и воистину допотопный книжный шкаф, доверху забитый пыльными потертыми томами. На стене

возле двери висел календарь с котом на 2010 год. Да, давненько Эльдар тут не появлялся.

Однако, несмотря на всю запущенность, квартира не производила впечатления наркоманского притона. Помыть полы — и вполне можно жить.

— Эндорка, — негромко проскрипел чей-то тоненький голосок. — Самая настоящая.

Катя обернулась и увидела на подоконнике крошечного человечка — щекастого, румяного, лохматого, чем-то похожего на домовенка Кузю из мультфильма. Человечек был одет в серую рубашку, подхваченную поясом из алых ниток. Вместо ног у него был хвост, и существо постоянно на нем приплясывало, словно некая сила не позволяла ему усидеть на месте. Катя отчего-то подумала, что уже не способна ничему удивляться, и поинтересовалась:

— Ты кто?

Человечек поправил пояс и с достоинством ответил:

— Хвостоплясы мы. А ты, эндорка, меня не ешшшь. Я ж просто посмотреть. Я ж без обид.

Говорок у него был мягкий, окающий.

— Я и не собиралась, — сказала Катя. Невольное замешательство при появлении человечка стало проходить. В конце концов, хвостопляс боялся Кати намного больше, чем она его. — Не съем я тебя, не бойся.

— А и ххорошшо, — обрадовался хвостопляс и одарил Катю широкой улыбкой. В щербатом рту ворочался бугристый пупырчатый язык; Катя ощутила невольную брезгливость. — Я эндорку-то в последний раз ешшшш в блокаду видел. Были они тогда тут, эндорки-то...

Он еще раз подпрыгнул и растворился в воздухе — видимо, решил, что не стоит искушать судьбу. Посмотрел и ладно, пора и честь знать. Катя поежилась. Мысль о том, что рядом с людьми существуют вот такие хвостатые создания, внушала тягостное беспокойство. Ты варишь на кухне суп или готовишься к семинару в комнате, а хвостопляс или кто похуже крутится рядом и роняет сопли на учебник...

Поднявшись с дивана, Катя покинула комнату и оказалась в широком длинном коридоре. Тусклая лампочка, светившая откуда-то из дальнего угла, не могла рассеять мрака, и казалось, что тьма, сгустившаяся клоками вдоль стен с отлетающими обоями, живет здесь вечно и не любит, чтобы ее покой нарушали. Осторожно, чтобы не наткнуться впотьмах на что-нибудь твердое а коридор был заставлен какими-то ящиками, коробками, узлами, даже какой-то низкий шкаф высовывал вперед приоткрытые дверцы — Катя двинулась в сторону соседней комнаты. Дверь там была приоткрыта, и неверный мерцающий свет падал в коридор, озаряя спрессованный временем хлам. Заглянув в комнату, Катя обнаружила работающий телевизор, бесшумно тасующий кадры какого-то боевика, раскрытый ноутбук на полу и Эльдара на кровати. Катя подошла поближе и убедилась, что он крепко спит. Похоже, раньше его сон был тревожным — белье на постели было сбито и скомкано, Эльдар ворочался и метался и, видимо, покой пришел к нему совсем недавно. Из наушников, вставленных в ноутбук, сочилась смутно знакомая песня.

Кружится голова в уличных лабиринтах.

Молот и серп Луны — свидетель и друг.

Лоцман не Бог и привык доверяться инстинктам,

Держится крепко за спасательный круг.

Реки любви...

Присев на корточки рядом с кроватью, Катя поводила пальцем по тачпаду, и ноутбук ожил, открыв страницу новостей. Однако новости Катю сейчас не интересовали — придвинув к себе компьютер, она вошла в социальную сеть, нашла профайл сестры и быстро написала сообщение:

«Танюш, здравствуй! Не волнуйся, я уехала из города на праздники с девчонками с потока. До мамы не дозвонилась, ты скажи ей, что все у меня хорошо, лады? Коле привет!»

Отправив коротенькое послание, она быстро вышла со своей страницы и вздохнула с облегчением. Не хватало еще, чтоб мама с сестрой из-за нее с ума сходили... Катя слишком любила своих родных, чтобы заставлять их волноваться. В принципе, мама давным-давно не лезла в ее жизнь, считая, что младшая дочка выросла и должна теперь жить своим умом, но если маме не удавалось связаться с Катей, когда ей приходило в голову взять телефон и набрать номер, то можно было не сомневаться, что разразится буря. Однажды мама не смогла до нее дозвониться и устроила потом такой разнос, что у Кати до сих пор вставали волосы дыбом, когда она вспоминала, как мама сперва расплакалась от счастья, что с дочерью все в порядке, а у мобильного просто села батарейка, а потом отругала ее самыми простыми и нецензурными выражениями.

О том, что сообщение может выдать и ее, и Эльдара тем, кто сейчас наверняка развернул на них полномасштабную охоту, Катя думать не хотела. Авось, обойдется.

Я верю отчаянно в самые тёплые страны,

Где ветер от нежности шепчет признания в любви,

И мягкой травой зарастают рваные раны,

И тлеет огонь, и чадит никотином в груди.

Реки любви...

Эльдар слушает «Би-2», кто бы мог подумать. Катя с трудом представляла его на концерте в первом ряду или в фан-зоне — ей отчего-то казалось, что Эльдар вообще далек от музыки. Она встала с пола, стараясь не шуметь, и на цыпочках покинула комнату. Пройдя по коридору и умудрившись ни на что не наткнуться во мраке, она вышла на кухню. Щелкнув выключателем, Катя поморщилась. Да, конечно, она была очень непритязательна в быту и не считала, что нужно стыдиться честной бедности, но полное убожество нищеты, царившее на Эльдаровой кухне, заставило ее брезгливо скривиться. В трещину в грязном оконном стекле вольно дул ветер, неторопливо раскачивалась приоткрытая створка форточки, лохмотья побелки качались под потолком, как дикий пушистый цветок, замызганная шторка сиротливо свешивала свой правый край с гардины, и растрескавшаяся плитка на полу скалилась обколотыми краями, словно собиралась цапнуть за ноги всех, кому придет в голову блажь пройти по ней, и обгрызть эти ноги по колено.

— Я не пойму, что ты морщишься, — хмуро промолвил Эльдар откуда-то сзади. — Тебе шашки или ехать?

От неожиданности Катя подпрыгнула и обернулась. Эльдар — сонный, угрюмый, одетый в простецкую застиранную майку-алкоголичку и шорты, стоял в коридоре и, скрестив руки на груди, устало смотрел на нее. Растянутый воротник открывал швы, идущие от ключиц.

— А я что... — начала было Катя.

— А ничего, — мрачно проронил Эльдар. — Не хоромы, сам знаю. Зато безопасно. Ты кому писала?

У Кати душа упала в пятки, а по телу стала разливаться знакомая слабость. Значит, он все-таки заметил...

— Сестре, — прошептала она. — Они же волноваться будут. У меня сестра и мама, Эльдар... И им не все равно. А я же пропала в никуда.

Эльдар кивнул.

— Мой товарищ уладил твои дела в институте, — сообщил он. — Сессию тебе закрыли. Официально ты приглашена в Лондон, полгода учебы в Школе экономики и политики, — увидев, что Катя вздохнула с нескрываемым облегчением, Эльдар усмехнулся и добавил: — Не благодари.

— Спасибо, — промолвила Катя.

Несмотря на вихрь событий, подхвативший ее и выкинувший далеко-далеко от дома, учеба оставалась для нее важной. Катя всегда любила учиться, и перспектива так и не окончить институт, угодив в опасные приключения, пугала ее не меньше встречи с преследователями. Теперь хотя бы одной проблемой стало меньше. Катя поежилась — сквозняк из форточки лизнул ее по спине — и обнаружила, что уже несколько минут нервно пританцовывает на месте.

— Слушай, — сказала Катя, — тут туалет-то хоть есть?

Эльдар посмотрел на нее, как на скорбную разумом.

— Прямо и направо, — сообщил он и на всякий случай махнул рукой в верном направлении. Катя быстро двинулась туда, куда было показано, брезгливо представляя себе все ужасы, которое может увидеть в здешнем нужнике.

К ее удивлению, все оказалось совершенно цивильно. Не хуже, чем у нее дома.

Когда Катя вернулась на кухню, то увидела, как Эльдар задумчиво варит кофе в маленькой гнutoй турке. Над старенькой облезлой плитой — кажется, такие когда-то назывались «козлик» — плыл удивительный аромат, и, повинувшись ему, ободранная кухня приобретала уют и определенный комфорт. На темных исцарапанных венских стульях, чьи собраты давным-давно красовались в квартире Катиной бабушки, вполне можно было сидеть, столешница была чисто протерта — вопреки опасениям Кати, тараканы не проложили по ней свои пути — а небольшой холодильник, судя по его важному гудению, прекрасно справлялся со своими обязанностями. Чашки, выставленные Эльдаром на стол, были идеально белыми. Катя опустилаcь на стул и увидела, как из-за раковины выглянул давешний хвостопляс.

— Доброго вечерочка, Эльдар Сергеевич, — поклонился он и, дождавшись ответного кивка, спрятался.

Эльдар выключил конфорку и разлил кофе по чашкам. Ароматный пар, поднимавшийся от чашки, напомнил Кате, что она страшно проголодалась. Когда она ела-то в последний раз? Катя не могла вспомнить. Должно быть, она сглотнула слюну слишком громко, потому что Эльдар полез в холодильник, и на столе появился плавленый сыр в небольших бело-зеленых стаканчиках, хлеб и упаковка мясной нарезки.

— Угощайся, чем Бог послал, — сказал Эльдар.

Катю не надо было приглашать дважды. Когда она утолила голод, то промолвила:

— Тот хвостопляс думал, что я его съем.

Эльдар покосился в сторону раковины и отпил из чашки. В отличие от Кати, он даже не притронулся к еде — смаковал свой кофе.

— Их тут много. В соседнем подъезде две щели между мирами, вот и шляются туда-сюда. Больше никого нет, так что можешь спать спокойно.

Катя поежилась.

— А много вообще... таких?

— Много. Но вряд ли ты со всеми познакомишься.

Катя вздохнула. Честное слово, с нее хватит и хвостоплясов, которые выглядели достаточно безобидно. Об остальных ей и думать не хотелось. Вряд ли они были приятными соседями.

— Скоро новый год, — перевела тему Катя. Можно ведь поговорить и о чем-то, кроме загадочных существ, повелителей мертвых и колдовских книг, меняющих людей по своему вкусу. Катя подозревала, что Эльдар интересный собеседник — с его-то жизненным опытом, деловой хваткой и привычкой возвращаться в высших кругах.

— Да. В «Picasso» все было до середины января под корпоративы занято, — Эльдар улыбнулся, но Катя заметила, что он испытывает легкую печаль. Немудрено, собственно. — Впрочем, теперь мне не нужно об этом заботиться.

Катя тоже попробовала улыбнуться, но улыбка получилась кривой и слишком уж вымученной. Ей хотелось протянуть руку и прикоснуться к Эльдару — просто для того, чтобы испытать реальность всего, что с ней произошло за какие-то три дня, и осознать себя живой, прежней Катей, обычной девушкой, а не чудовищем. Ощущение оков на груди, почти пропавшее, вернулось, нахлынуло неожиданной тяжелой волной, но Катя постаралась сделать вид, что все в порядке. От Эльдара, впрочем, ничего не получилось утаить, и, отставив чашку, он приказал:

— Вставай, пошли.

Катя поднялась со стула и тотчас же рухнула обратно. Вязкая слабость, обнявшая ее, приковала к сиденью, а перед глазами поплыли знакомые круги. Эльдар сочувствующе кивнул.

— Это путы, Кать. Потерпи, должно пройти, — придвинув стул, Эльдар сел рядом с Катей, взял ее руки в свои. Прикосновение было как легкий удар тока; Катя ощутила, как волосы на голове становятся дыбом, а в груди ошестиниваются знакомые иглы. Однако довольно скоро все прошло; Катя словно вынырнула из проруби, и на какое-то мгновение мир вокруг стал очень четким и ясным, как если бы раньше она смотрела на него сквозь стекло, а стекло потом взяли и убрали.

— Легче? — спросил Эльдар.

— Легче, — откликнулась Катя. — Наверно, мне лучше лечь...

Эльдар проводил ее в комнату и, когда Катя устроилась на уже знакомом диване, задумчиво почесал кончик носа и произнес:

— Было больно?

Катя попробовала улыбнуться, и на этот раз в ее улыбке не было ни скованности, ни неловкости.

— Немного, — сказала она. Признаться в том, что тяжесть оказалась почти невыносима, для нее было сродни самоубийству. Показывать свою слабость перед Эльдаром — ну уж нет.

Эльдар усмехнулся и вздохнул.

— Ладно, спи.

И, щелкнув выключателем, он отправился к себе. Катя прислушалась: в соседней комнате скрипнула кровать, а потом воцарилась тишина — густая, непроницаемая. Снаружи, по проспекту, шли машины и люди; Катя прекрасно понимала, что они там

есть, но вот поверить окончательно не смогла бы, даже если бы поднялась с дивана и выглянула в окно. Тьма и тишина были не извне, а в ней самой. Пути, наложенные Эльдаром, сдерживали их, не позволяя вырваться, но как же тяжело и мучительно от этого было Кате!

Три дня назад она проснулась, быстро позавтракала и поехала в институт сдавать зачеты. Всего три дня назад. А теперь она сидит на диване в какой-то питерской квартире, и ее жизнь, по большому счету висит на волоске. Всего три дня — и прежней Кати уже нет. А кем она стала, Катя и сама боялась понять.

Собравшись с силами, Катя встала и тихонько выскользнула в коридор. Бледный свет, сочившийся из комнаты Эльдара, напоминал свечение болотных огоньков над бучилом. Катя поежилась, сделала несколько шагов и тихонько постучала по открытой двери, обозначая свое присутствие.

Эльдар что-то читал — на экране ноутбука был открыт текстовый файл. Услышав стук, он поднял голову и вопросительно посмотрел на Катю.

— Не спится?

— Мне страшно, — призналась Катя. — Эльдар, мне что-то правда страшно... Сколько времени?

Эльдар покосился на правый нижний угол экрана.

— Без четверти двенадцать. Иди сюда.

Катя послушно приблизилась. Эльдар взял ее за левое запястье, чуть потянул вниз, и Катя села рядом с ним на одеяло

— Это все пройдет, Кать, — сказал он, и Катя сразу же поверила ему. Сразу и до конца. — Провалы в памяти, панические атаки, боль... Пройдет. Отсидимся здесь, пока весь шум не уляжется, потом вернешься домой и будешь жить, как раньше. А пока просто потерпи. Ты девочка сильная, справишься.

— Честно? — как-то по-детски спросила Катя. Эльдар улыбнулся и передвинулся в сторону, освобождая место.

— Честно. Ложись, тебе сейчас надо много спать. Я еще посижу.

Устроившись на кровати у стены, Катя накрылась одеялом почти с головой, как в детстве, когда одеяло и плюшевый мишка способны защитить от любых монстров, даже от тех, которые гнездятся в собственном сердце. Эльдар сидел на краю, сгорбившись и держа ноутбук на коленях. «Интересно, — подумала Катя, — о чем он читает?» Она хотела было спросить, но сонная тьма навалилась на нее, и все вопросы остались незадавленными до завтра.

Глава 5

Дни, прожитые с Эльдаром в Питере, оказались для Кати самым светлым временем. Она не могла вспомнить, когда ей было настолько хорошо — разве что в детстве, когда мир кажется чистым и безграничным, а люди рядом — добрыми и любящими.

В основном она была предоставлена сама себе. Эльдар уходил с утра и возвращался поздно вечером. Катя видела, как распахнутый рот станции метро выплевывал Эльдара, и в ее груди начинало разливаться радостное тепло — этому в какой-то мере целомудренному ощущению не мешала даже привычная боль от пут. Да, постепенно Катя привыкла и к боли — она отодвинулась куда-то на самый край восприятия и вспыхивала только тогда, когда рядом оказывался Эльдар. Видимо, это и было тем, что Гамрян назвал «крутит, как хочет» — эндора стремилась манипулировать магом, но пути не позволяли.

Несмотря на всю свою запущенность, квартира, в которой они жили, имела одно очень важное преимущество — массивная сеть заклинаний делала ее закрытой для магии. Квартиры словно бы не существовало в природе. Конечно, она была — почтальон каждый день набивал ящик рекламными листовками и газетами, а соседка, выгуливавшая лохматого, визгливо лающего кабысдоха, всегда здоровалась с Эльдаром, но Катя откуда-то знала, что окажись рядом маг, он не увидит ничего, кроме обшарпанной стены, а соседка, которая практически флиртует с обаятельным мужчиной, не вспомнит его лица, когда он скроется за дверью. И Катя, стоя в коридоре и слушая, как Эльдар шутит с соседкой, освобождая почтовый ящик от бумаг, испытывала невольную радость — значит, все хорошо, и ее не потащат куда-то, чтобы сбросить с крыши или уничтожить каким-то другим, особо изощренным способом.

Аккурат тридцатого декабря, когда аномальное для зимы тепло сменилось легким морозцем, Эльдар пришел на кухню, где Катя возилась с омлетом к завтраку, и сообщил:

— Сейчас к нам гости придут. Ты ничего не бойся, просто стой за моей спиной и не отвечивай.

Легко сказать — «не бойся!» Катя едва сковороду не выронила, так затряслись руки. На кухне было тепло, но ее мгновенно охватило стужей. Гости придут...

Не успела Катя открыть рот, чтобы задать вопрос, как в дверь застучали — требовательно и настырно, так могут стучать только люди, облеченные властью. У Кати сердце упало в пятки, а желудок скрутило рвотным спазмом, однако Эльдар и ухом не повел. Он открыл дверь, и в коридор ввалились полицейские, числом двое. Третий остался на лестнице, и Катя готова была поклясться, что он готов стрелять при малейшей попытке сопротивления. Вошедшие козырнули, невнятно представились и потребовали предъявить документы. Эльдар одарил их широкой улыбкой и — тут Катя едва удержала вздох удивления — взял с подзеркальника смятую рекламку пиццы, небрежно засунутую вчера в почтовый ящик, и сунул одному из полицейских, толстому, краснорожему. Краснорожему было очень жарко, и он хотел не шататься под новый год по таким трупам, а спокойно готовиться к празднику, съездить с женой на оптовку, закупиться... Второй, маленький и какой-то блеклый, казался непроницаемым, закрытым формой, словно броней — Катя не могла ощутить ни дуновения его эмоций, и ей стало страшно. Очень страшно. Она встала за спину Эльдара и стала смотреть куда-то в сторону.

— Очень хорошо, Максим Сергеевич, — краснорожий отдал коллеге смятую бумажку, тот внимательно изучил предложение двух пицц по цене одной и вернул Эльдару. — А дама кто?

— Моя жена, Валентина Огонькова, — сказал Эльдар и попросил: — Валя, паспорт покажи господам полицейским.

В кармане джинсов у Кати каким-то чудом обнаружился рассыпающийся от времени трамвайный билетик — впрочем, краснорожего и его непроницаемого напарника протянутый клочок бумаги вполне устроил.

— А в чем, собственно, дело? — осведомился Эльдар.

— Регистрацию проверяем, — сказал маленький. — Нарушения ищем. Все в порядке, господин Огоньков. Спасибо за сотрудничество.

Когда полицейские выплюнулись за дверь, Эльдар запер замок и сделал широкий красивый жест правой рукой, словно вытирал пыль с невидимой доски. Потом он упал — просто рухнул на пол, едва не приложившись виском об угол подзеркальника, и Катя, ахнув и кинувшись к нему, молилась, чтобы полицейские, задумчиво топтавшиеся на лестнице, не услышали ни падения, ни ее вскрика. Похоже, Эльдар был в обмороке — сперва Катя хлопала его по щекам, но это не помогло, и она побежала на кухню за водой. Это оказалось полезнее — выплеснутый в лицо Эльдару стакан воды почти сразу же привел его в чувство, а Катя скорчилась и зашипела от пронзившей ее боли, так сильно натянулись пути.

Эльдар сел, стряхнул с лица капли и негромко произнес:

— Все, гражданка Валентина, выдыхай. Мы в безопасности.

— Кто они были? — испуганно спросила Катя. Знакомые огненные иглы впивались в ее легкие, но от накатившего ужаса она их почти не замечала. — Кто они такие?

— Полиция, — сказал Эльдар. — Мордастый обычный мент. А вот мелкий — знающий маг второго посвящения и очень сильный. Сетка на квартире разрешает мне колдовать, но сил выпивает немерено...

— Маг? — переспросила Катя. Эльдар поморщился.

— Кать, хватит трястись, — промолвил он. — Они уже ушли.

Собравшись с силами, Эльдар поднялся и побрел на кухню — там он безгласно сдвинул с конфорки безнадежно испорченный омлет и принялся колдовать над туркой с кофе. Катя опустила на стул.

— Теперь они думают, что тут живет обычная полумаргинальная семейка Огоньковых. А ты слегка пошурудила в мозгах мадам Огоньковой, чтобы отправить сообщение сестре, — сообщил Эльдар. — Господин Огоньков, со своей стороны, так надышал на них перегаром, что сейчас оба стража порядка усердно думают об опохмеле.

Кате стало смешно — очень уж ернически Эльдар рассказывал про Огоньковых. Сняв турку с огня, он плеснул кофе в свою чашку и добавил:

— Так что теперь мы действительно можем вздохнуть с облегчением. Охота пошла в другом направлении.

— То есть, — Катя взяла сковородку, сгребла сгоревший омлет в мусорное ведро и отправилась к раковине, — теперь я могу выйти на прогулку?

Эльдар бросил на нее колкий взгляд поверх чашки. Катя сделала вид, что не заметила его и вообще, крайне увлечена отмыванием сковороды.

— И куда бы ты хотела отправиться? — осведомился он. Катя пожала плечами. В свое время ей очень понравилась Стрелка Васильевского острова. Они с классом гуляли там, была белая ночь и, облокотившись на парапет, Катя думала, что стоит среди волшебных декораций какого-то спектакля. По Неве плыли катера и прогулочные кораблики, вид, открывавшийся перед Катей, завораживал — он словно не принадлежал этому миру. Сейчас, конечно, там серо и скучно, и шпиль Петропавловской крепости хмуро царапает облака — но, в конце концов, она может просто прогуляться по Невскому проспекту. Или пойти в Эрмитаж. Катя вдруг поняла, что ей все равно, куда идти — лишь бы выйти из квартиры и глотнуть свежего воздуха.

— Не знаю, — сказала она. — Просто погуляла бы...

Эльдар улыбнулся, и Катя замерла, неожиданно подумав, что он ведь может пойти с ней. Вот это было бы действительно здорово — провести время вместе, не опасаясь погони и не оглядываясь по сторонам. Они прожили неделю рядом, но Катя так и не узнала об Эльдаре ничего, кроме каких-то обрывочных мелочей, да и те он сообщал вскользь и быстро переводил тему.

Она старательно гнала от себя мысли о том, что с ними произошло в вип-комнате клуба. Память не желала открывать подробностей, а Эльдар ни словом не упоминал о случившемся, видимо, решив, что эндора тогда попросту его использовала, и нет смысла как-то заострять внимание на том, что выпало им на долю в тот вечер.

— Ну а что ж, погуляй, — сказал Эльдар, и Катя ощутила эти слова как оплеуху. Нечего, дорогая, губу раскатывать, ты не пуп вселенной. — Денег дать?

— Давай, — Катя невольно обрадовалась. Давно надо было сходить в магазин, пусть самый простенький, и купить другую одежду. Из Велецка они сбежали налегке, в чем были, и, хоть в квартире и обнаружился выдавший виды теплый халат, несколько футболок и спортивные шорты для Кати, ей было просто необходимо приобрести новые вещи — как сбросить растрескавшуюся, отмершую кожу.

Эльдар не пожадничал — Катя покинула квартиру со свертком крупных купюр в кармане куртки. Выйдя из подъезда, она замерла, запрокинув голову к низкому северному небу; снежинки падали на лицо, ветер пах соленой водяной свежестью и горячей выпечкой, и это — свобода, зима, город — было до того хорошо, что Катя чуть не расплакалась от нахлынувшей волны радости от сбывшегося чуда.

В небольшом магазинчике у метро, где продавали вполне приемлемую одежду по бросовым ценам, Катя затоварилась всем необходимым, раздевшись донага прямо в кабинке и переодевшись в свежее и новое. Глядя на себя в небольшое зеркало, заляпанное чьими-то пальцами, она подумала, что выглядит обычно — без особенных претензий на вкус и стиль, зато так, в джинсах, простеньком сером свитерке и ботинках, ходят тысячи девушек ее возраста, и преследователи, даже если они продолжают поиски в Петербурге, просто не выделяют ее из толпы. Заношенную юбку и кофточку Катя отправила в мусорку возле магазина; застиранное практически до дыр нижнее белье было безжалостно скомкано и отправлено туда же.

Потом Катя спустилась в метро, добралась до Невского проспекта и несколько часов гуляла просто так, без цели, любуясь фасадами зданий, мостами и прихотливыми изгибами рек. Город был невероятно, до дрожи прекрасным — даже сейчас, зимой, когда хмурые тучи скреблись по крышам и дневной свет, казалось, не долетал до земли. Эта прогулка была прикосновением к любимому после долгой-предолгой разлуки — прикосновением, которое дрожью отдается по всему телу, и ты понимаешь, что тебя тоже ждали...

За время прогулки она один раз увидела хвостопляса, который в компании со светящимся существом вроде светлячка бодро скакал по проводам над пешеходным переходом. Увидев Катю, он встревоженно засвистел и запрыгал еще быстрее.

Катя пообедала в небольшом уютном пабе, где со стен смотрели угрюмые лица монарших особ, а над барной стойкой красовалась гирлянда из разноцветных купюр и елочные шары, украшенные изображением британского флага. Паб был полон народа, но Катя все же умудрилась найти себе место — бармен подсадил ее за стол к немецким туристам — и, глядя на плакат с вдохновляющей надписью «Keep calm and drink up», Катя наконец-то чувствовала себя свободной. Пути практически утратили свою тяжесть и, поглощая сочный стейк по фирменному рецепту, Катя вдруг подумала о том, что было бы неплохо купить Эльдару небольшой подарок. Все-таки новый год.

Немецкие туристы решили было угостить ее пивом, но Катя отказалась.

Интересно, что он любит, думала Катя, выбираясь из паба: после духоты заведения свежий воздух взбодрил ее лучше Эльдарова кофе. Она искренне любила делать подарки, и время, потраченное ею на поиск очередного приятного сюрприза для друзей и родных, никогда не считалось потраченным зря, но сейчас Катя понимала, что находится в тупике. Что подарить человеку, которого ты почти не знаешь? Катя была уверена, что какая-то банальная ерунда вроде хорошего спиртного не подойдет, тут нужен был подарок с характером.

И он подвернулся Кате, мелькнув в витрине ювелирного магазина — черный браслет, сплетенный из кожаных полосок. Застежкой служили серебряные драконьи головы, державшие в оскаленных пастьях витое кольцо. Катя даже ахнула от неожиданности: вещь была просто идеальным подарком — стильным и лаконичным, будто специально

созданным для Эльдара. Ценник заставил было ее испуганно поежиться, однако, пересчитав оставшуюся наличность, Катя обрадовалась. Пусть впритык, но денег хватало. Когда она вышла из магазина, то коробочка с браслетом лежала в кармане куртки, и Катя, прикасаясь к ней, не могла сдержать радостную улыбку. Пусть вдали от дома, пусть на них ведется охота, но для нее и Эльдара это будет настоящий новый год, с подарками и домашним уютом.

Погоуляв еще около часа, Катя поняла, что пора отправляться домой — она стала уставать от обилия впечатлений, да и день склонился к сумрачному тяжелому вечеру. Разноцветные огни новогодней иллюминации делали темнеющий город загадочным и праздничным, но Катя решила, что разгадает загадки северной столицы как-нибудь в другой раз, и спустилась в метро.

Окна их квартиры не горели — Эльдар по привычке куда-то ушел. Интересно, где он бывает и чем занимается? В крошечном магазинчике, разместившемся в цокольном этаже здания и насквозь пропахшем кислой капустой и дешевым табаком, Катя купила хлеба и пачку пельменей и пошла домой. На лестнице ей подвернулась под ноги толстая серая кошка с чересчур разумным и пристальным для кошки взглядом, забористо мявкнула, как выругалась, — дескать, понаехали, ходят тут — и тяжело побежала по ступенькам. Когда Катя обернулась, кошки уже не было — она словно растворилась в воздухе. Сердитый мяв эхом оседал в подъезде.

Катя решила не удивляться. Должно быть, хвостоплясы — не единственные незримые обитатели этого дома и этого мира. Пусть уж лучше будет кошка, чем двуглавый дракон...

Квартира встретила ее тишиной и необычным запахом. Закрыв дверь, Катя растерянно замерла в коридоре, не выпуская из рук пакета с едой и пытаясь понять, чем же это так пахнет на весь дом — а потом ее осенило. Это была елка. Самая настоящая новогодняя елка.

Быстро сняв уличную одежду, Катя пошла по квартире, включая свет. В ее комнате в самом деле стояла живая елка в небольшом темном горшке. Катя ахнула и медленно приблизилась к ней, боясь спугнуть неожиданное чудо неловким движением или неосторожным словом. Елка пахла разогретой хвоей, зимней свежестью и лесным ветром. Маленькие красные и синие шары на ее ветках казались яркими звездами. Протянув руку, Катя дотронулась до пузатого бока одного из них. Настоящий.

Ее мир был полон чудес, но каких-то неправильных. Это были дурные, извращенные чудеса. Мертвый парень поднимается и идет на ее зов, невзирая на то, что лишен головы. Из-за спины Эльдара вырастает двуглавый дракон, скалится ощеренными пастьми. Магия сбрасывает человека с крыши и оставляет в живых. Магия позволяет видеть хвостоплясов и разумных котов, магия заставляет людей смотреть на фантики и верить, что они видят официальные бумаги, магия делает мир скверным. И среди всего этого нашлось место для хорошего, доброго чуда — для елки и шариков, для подарков, для нового года...

Катя поняла, что готова расплакаться. Она села на диван и долго смотрела на елку. В последние несколько лет они елку не наряжали: мама встречала новый год с очередным другом, Танюшка — с парнем, а Катя отправлялась к бабушке или подругам по институту. Теперь ей казалось, что она в самом деле вернулась в детство, когда из кладовой вынималась пыльная старая коробка, перетянутая лентой, а из коробки с какой-то трогательной торжественностью извлекались шары, фигурки животных и людей, колокольчики и сосульки — а елка была искусственной, темно-зеленой, пушистой, и Катя с Таней распрямляли ее ветки и увешивали дождиком, гирляндами и игрушками, старательно следя, чтобы ни одна из сторон не осталась голой.

Елка Эльдара пахла хвоей и радостью. Впервые за весь день Катя смогла окончательно поверить в то, что все будет хорошо.

Эльдар появился только на следующий день, около пяти — к этому времени Катя успела известись окончательно и, чтобы хоть как-то успокоиться, несколько раз сходила в магазин и наготовила столько еды, что хватило бы накормить целый полк. Когда в замке заворочался ключ, она почувствовала, как гора свалилась с плеч — чувство накатившей легкости было почти ощущаемо физически. Эльдар — усталый, чумазый, с

расцарапанным лицом — прошел в квартиру и заглянул на кухню: Катя швырнула полотенце на стол и уперла руки в бока.

— И где ты был? — осведомилась она. Эльдар улыбнулся, словно вся эта ситуация его крайне забавляла. А вот Кате было не смешно: она спала вполглаза, переживала и уже успела навоображать всяческих ужасов.

— Дела делал, — ответил Эльдар. — Пиво пил. А что такое?

— Ты бы хоть записку оставил! — воскликнула Катя и хлестнула его полотенцем по груди. — Я, между прочим, волновалась...

Она опустила руку, поняв, что выглядит смешно и нелепо. Эльдар ведь не обязан перед ней отчитываться... Однако, судя по тому, как Эльдар посмотрел на нее, он не испытал никакой досады от подобного напора.

— Ладно, не ругайся, — примирительно сказал он. — Виноват, исправлюсь. Чем это так вкусно пахнет, кстати?

— Утка с яблоками, — промолвила Катя. Эльдар вопросительно поднял бровь — он действительно был удивлен, словно приготовленная к празднику еда была для него чем-то вроде магии.

Семь лет в дурке, напомнил внутренний голос с интонациями Лизы. Не забывай об этом.

— Здорово, Кать, — сказал Эльдар, и Катя поняла, что сейчас он очень счастлив — и очень старается это от нее скрыть. — Пойду умоюсь, ты пока шампанское доставай.

Две ледяные темно-синие бутылки лежали на нижней полке холодильника, заставленные банками и лотками с едой. Когда Катя разгребла продуктовый завал и вынула шампанское, то вспомнила, что именно такие бутылки мама всегда приносила откуда-то к празднику. И как она не обратила на них внимания раньше? Бокалов в доме не было — на полке обнаружились стаканы, и Катя подумала, что у них будет настоящий студенческий новый год, когда все тарелки и ложки на столе разные, собранные с бору по сосенке, но игристая пена, весело стекая со стенок разнокалиберной посуды, делает антураж неважным — главное сам праздник, а не одежды, в которые он рядится. Любая, даже самая яркая обертка, в итоге улетит в ведро, оставив только обнаженную правду.

Интересно, куда в этом году отправятся девчонки из ее группы? Где и с кем будут Машухер и Лиля? Катя присела на край стула, провела ладонью по столу, стирая крошечное пятнышко — воспоминание о подругах неожиданно и больно обожгло ее. Наверно, ей завидует весь курс. Выиграть грант на обучение за границей, тем более, в таком престижном заведении — это вам не хухры-мухры. А она, Катя, не собирается ни в какой Лондон — она прячется от тех, кто хочет ее убить. Никаких шуток, действительно убить. И неизвестно, что будет завтра, и будет ли для нее завтра вообще...

Глаза предательски защипало. Боль в груди, нараставшая постепенно, исподволь, вдруг усилилась — Катя опустила голову на руки и заплакала. Это были те самые редкие, тяжелые слезы, которые никому и никогда не приносили облегчение: душа выдавливала их, словно яд из раны, которая и не думала рубцеваться.

— Новый год иногда бывает грустным, — сказал Эльдар. Он неслышно вошел на кухню, погладил Катю по голове, и этот простой, ни к чему не обязывающий и вряд ли что-то значащий жест заставил Катю зарыдать еще горше. Она была вдали от дома, от родных и друзей, ее жизнь не стоила и ломаного гроша, она утратила себя и превратилась в чудовище, которое удерживают от зла лишь путы — Катя плакала, испытывала горячее чувство стыда от того, что Эльдар видит ее слезы, но не могла взять себя в руки и успокоиться.

придвинул стул и сел рядом.

— Знаешь, — негромко сказал он, — у меня почти вся юность прошла в особом заведении закрытого типа. Лечился от припадков, в итоге так и не вылечился... ну, неважно. И под новый год некоторых из больных, кому режим позволял, забирали домой на побывку. К кому-то приезжали родные, привозили подарки. Сама атмосфера праздника обязывает. Хочется быть добрым и сердечным.

Катя шмыгнула носом. Выпрямилась. Эльдар мягко провел ладонью по ее щеке, стирая слезы.

— Ко мне никто не приезжал. Никуда не забирали. За семь лет я видел родителей от силы раза четыре. Не хотели они себе портить настроение... в таких заведениях действительно очень тягостная атмосфера, — Эльдар сделал паузу, заглянул в свою чашку и, обнаружив, что она, разумеется, пуста, продолжал: — У меня был брат-близнец, Эрик. Они решили, что лучше вкладывать силы в нормального, чем в психа, и, ты знаешь, я почему-то не могу их за это осуждать. Это больно, да. Но это крайне разумно, и здравомыслящие люди так и поступают. Катюш, поверь: одиночество — это когда тебя некому в больнице навестить на новый год. Или из морга забрать. А все остальное... Больно, да. Грустно. Но решаемо, я тебе точно говорю.

Катя не ожидала, что такая тяжелая часть жизни будет пересказана Эльдаром вот так, внезапно, с каким-то отстраненным выражением лица. Ей почему-то стало непередаваемо стыдно. В отличие от нее, он точно знает, о чем ведет речь — и когда говорит о больнице, и когда упоминает морг.

— Где сейчас твой брат? — спросила она. Эльдар отставил чашку на стол и произнес ровно, без всякого выражения:

— Умер в Праге в прошлом году. Онкология.

Мысленно Катя устроила себе взбучку. Полезла к человеку с дурацкими вопросами, портит Новый год. Дура, дура, как есть. Но решение пришло само собой.

— У меня ведь для тебя подарок есть, — промолвила Катя.

— А что значит «Эльдар»?

— В смысле?

— Ну, значение имени?

Они напились, не дожидаясь наступления нового года. Приготовленная утка так и осталась стоять в выключенной духовке, колбасная нарезка оказалась замечательной закуской, бутерброды с рыбой тоже пошли на ура, и в какой-то момент Катя, которую от шампанского всегда нещадно развозило, обнаружила, что лежит у Эльдара на коленях и со знанием дела пьет коньяк из какой-то щербатой кружки.

— Не знаю, — пожал плечами Эльдар. — Никогда не задумывался. А «Катерина» что означает?

— Чистая, — откликнулась Катя. — Непорочная...

Печаль снова накрыла ее серым саваном. О какой чистоте и непорочности можно вести речь, если ты умеешь повелевать мертвыми и живыми. Заметив, что Катя снова начинает впадать в меланхолию, Эльдар плеснул в ее кружку коньяка и сказал:

— Да все так, Кать. Тебе тяжело, да. Но ты хорошо справляешься. Вряд ли кто-то на твоём месте вел бы себя лучше.

— Правда? — усмехнулась Катя. Подаренный ею браслет Эльдар принял с такой искренней и трогательной радостью, словно она подогнала новую машину к подъезду — сейчас Кате хотелось протянуть руку и дотронуться до серебряных оскаленных пастей, карауливших его запястье.

— Правда. Я ожидал иной реакции, — Эльдар сделал паузу и добавил: — Честно говоря, я полагал, что ты совсем другая.

— Это какая же? — встрепелась Катя. Эльдар усмехнулся.

— Да обычная девчонка. Немного наивная, немного охотница на богатеньких буратин. Витает в облаках и модных журналах. На уме парни и распродажи. Фальшивый «Louis Vuitton» с Алиэкспресса и ни единой мысли в голове. Знаешь, сколько таких в «Picasso» тусовалось? Я их всегда разрешал пропускать, они делали кассу бару.

Катя ощутила, как к щекам прилила кровь. Вот, значит, как. Эльдар считал ее гламурной дурочкой, наверняка еще и легко доступной дурочкой. Тогда понятно, что тот вечер в вип-кабинете, о котором Катя до сих пор не могла вспоминать без стыдливого румянца, для него ничего не значит. Там таких, как Катя, немало побывало. Чем больше трещин на стекле поддельного айфона, тем быстрее найдется кавалер...

Ей стало обидно. Ужасно обидно.

— Я не такая, — вымолвила Катя.

— Конечно, нет, — твердо произнес Эльдар. — И теперь я в этом окончательно убежден. Знаешь, о чем искренне жалею?

Катя пожала плечами. С чего бы ей знать?

— Что ты выбрала тогда «Черную связку», — сказал Эльдар. — Свидки до могильной плиты. Книга учла смертный приговор, решила, что в тебе есть нечто от эндоры и всячески стала развивать это нечто. А выбери ты что-то иное, была бы сейчас обычной ведьмочкой. Или знахаркой. Или травницей. И мы бы с тобой спокойно дружили, без всяких там пут и опасений, что ты будешь водить меня на веревочке, а я — надевать на тебя кандалы.

Катя шмыгнула носом. Коньяк как-то слишком быстро закончился, а хмель почему-то уже практически выветрился. Пьяной быть проще — можно говорить и делать все, что сочтешь нужным. Наутро об этом никто не вспомнит, а если и вспомнит, то с легкостью объяснит и извинит твое состояние количеством выпитого и слабостями организма, не приспособленного к спиртному. Собравшись с духом, Катя все-таки прикоснулась к драконам. Серебро было гладким и прохладным, а запястье Эльдара — сухим и горячим.

— Я не вожу тебя на веревочке, — призналась Катя. — Я никогда никем не хотела вертеть. Эльдар, я же понимаю, почему ты уходишь на весь день...

— И почему же? — мягко осведомился Эльдар. «Была не была, — подумала Катя, — я все равно во хмелю».

— Потому что ты боишься. И не хочешь быть со мной рядом.

Эльдар промолчал, но по его лицу скользнула хмурая тень, и Катя с сожалением поняла, что ее выпад достиг цели.

— Тебе кажется, что если я отношусь к тебе с теплом, то это эндора, — продолжала она. — Эндора тянет лапищи. Но ведь это я, Катя. Ты хороший человек, Эльдар. Ты меня от смерти спас, не раз и не два, и продолжаешь это делать... Слушай, ну не знаю я, как тебе объяснить, чтобы ты понял.

— Понял что? — глухо спросил Эльдар. Вздыхнув, Катя села на диване, отставила пустую кружку на стол и ответила:

— Что ты мне небезразличен. Мне, Кате. Никакой не эндоре. Мне.

Эльдар откинулся на спинку дивана и рассмеялся — коротко и грустно. Катя сидела ни жива, ни мертва. Сейчас она не знала и не могла и предположить, что будет дальше. Может, Эльдар снова сменит тему. Предложит выпить еще. Посоветует не пороть чушь.

Что?

— Катя, а что тебе от меня нужно? — спросил он, в конце концов, и Катя смутилась и опешила окончательно. Весь хмель куда-то испарился, словно она пила не шампанское и коньяк, а ключевую воду.

— Ничего, — растерянно промолвила она, и это было правдой. Эльдар вздохнул и прикрыл глаза.

— От меня всю жизнь чего-то хотели, — признался он. — Денег, связей, опыта и чтоб не шкворчал рядом. Поэтому сейчас, когда ты ничего не хочешь и просто даришь душевное тепло..., — Эльдар посмотрел на браслет и добавил с некоторой долей тревоги, — я,

признаться, озадачен. И не знаю, как реагировать.

Катя пожала плечами.

— И я не знаю, — она обернулась к Эльдару: он смотрел на нее так, что Катя не сразу смогла осознать, что кроется за его взглядом. Лишь позже она поняла, что это страх и надежда — эти чувства настолько не вязались с тем Эльдаром, которого, как полагала Катя, она уже успела узнать, что ей снова стало не по себе.

— У меня тоже есть для тебя подарок, — сказал Эльдар. — Закрой глаза.

Катя подчинилась. Эльдар подсел ближе и осторожно положил ладонь ей на грудь чуть ниже ключиц. Кате совершенно некстати подумалось, что при желании он одним движением может открутить ей голову.

— Потерпи, — негромко промолвил Эльдар. — Сейчас будет немного больно. Чуть-чуть.

Разумеется, Катя не успела подготовиться — боль, накатившая на нее горячей соленой волной, была такой силы, что на минуту она разучилась дышать и, казалось, услышала тихий влажный треск, с которым рвались ее легкие. Однако довольно быстро все прекратилось, оставив после себя обморочную слабость и звонкий туман в голове.

— Что это? — спросила Катя. Старый продавленный диван в эту минуту был единственным стабильным предметом в дрожащем мире. Комната неторопливо и величаво плыла перед Катей, и все съеденное и выпитое заворачивалось, просясь на выход.

— Я снял путы, — объяснил Эльдар. — На один день. Новый год надо встречать без боли.

Снял путы. Снял путы... Сказанное отдавалось эхом в ушах. Катя не думала, чтоотреагирует именно таким образом: похолодевшие руки тряслись, во рту пересохло, а сердце стучало так, словно собиралось вырваться на свободу и убежать.

— Спасибо, — прошептала Катя и хотела добавить что-то еще, но не успела. Поцелуй вышел каким-то нервным и отчаянным — в нем, словно в зеркале, отразилось все напряжение, вся горечь и боль десяти минувших дней. Не хватало воздуха, безжалостно жгло легкие, Катя не знала, куда себя деть — то ли отпрянуть, то ли наоборот, прижаться к Эльдару. Это было слишком безнадежным и жестоким: понимать, что любой, выбранный тобой вариант окажется ошибочным.

Выбирать ей не пришлось.

Потом, вспоминая этот вечер, Эльдар никак не мог собрать его полностью из пестрой рассыпавшейся мозаики. Память подсовывала ему то Катины волосы, разлетающиеся по подушке и отдававшие в рыжину в тусклом свете маленькой лампы, то ее пальцы, впившиеся ему в плечо, то сбивчивые неразборчивые слова, которые они шептали друг другу. Его бросило в жар, хотя в квартире было довольно прохладно, а сердце бешено колотилось, и дыхание срывалось, словно он до этого никогда не был с женщиной, а потом Катя обвила его руками за шею, притягивая к себе, словно хотела, чтобы они слились друг с другом навсегда — и, когда счастливая вечность все-таки подошла к концу, Эльдар подумал, что это был акт не любви, но отчаяния.

Воспоминания обрели неразрывную четкость только после того, как отодвинувшись на диване, он потянулся к бутылке коньяка и с неудовольствием обнаружил, что она пуста.

— Сколько времени? — осведомился он. Катя покосилась на старенький потертый будильник, стоявший на подоконнике.

— Половина восьмого. А что?

— Половина восьмого..., - задумчиво повторил Эльдар и поднялся. — Схожу-ка я за добавкой, заодно и голову проветрю.

Катя поняла, что с ним сейчас лучше не спорить. Подхватив скомканную одежду с пола, Эльдар вышел из комнаты, и через несколько минут Катя услышала, как хлопнула входная дверь.

Эльдар спустился вниз, задумчиво похлопывая ладонью по перилам. На площадке второго этажа его ждала группа захвата — мордовороты с бронежилетах, ошестинившиеся оружием так, словно шли целую армию уничтожать.

— Она дома, — негромко произнес Эльдар. Человек, руководивший операцией «Пеликан», невысокий и блеклый, посмотрел на Эльдара со странной смесью уважения и брезгливости.

— У подъезда джип, Эльдар Сергеевич, — почтительно сказал он. — Скажите водителю, что можно выезжать.

Эльдар кивнул и пошел вниз, а группа захвата кинулась наверх, громыхая сапогами. Во дворе действительно обнаружился джип — Эльдар сел назад и пристегнулся. Водитель покосился на него и осведомился:

— Ну что, едем?

Эльдар откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Глава 6

Дорогу в Москву Эльдар не запомнил. Он сделал все, чтобы отключиться от реальности — не видеть, не слышать, ни о чем не думать и быть непроницаемым для любых воздействий. Царапины на лице саднили, и это было единственным, что поддерживало его на поверхности и не давало утонуть в тягучем горе своей потери. Джип летел сквозь ночь, наконец-то началась метель — зима пришла аккуратно в новый год, и снежинки метались в свете фар, как встревоженные бабочки с лохматыми крыльями.

Катю везли сзади — в таком же темном джипе. Эльдар искренне надеялся, что маги, бывшие в группе захвата, смогут удержать эндору, и она не поотрывает им головы. Пока все было нормально. Машина сзади шла уверенно и ровно; видимо, Катя решила не нарываться.

«Так надо», — подумал Эльдар и на какое-то время провалился в тяжелый мутный сон без сновидений.

Он окончательно выбрался из вязкого душевного оцепенения только утром и обнаружил, что дорога привела его в кабинет, знакомый каждому, кто хотя бы изредка смотрит телевизор. Эльдар огляделся. Да, именно сюда он рвался попасть, чтобы спасти Катю, и сейчас ощущал невольную оторопь. Дорогая массивная мебель, солидная позолота книжных томов в шкафах, объемная хрустальная люстра, брызжущая пригоршнями белых и голубых искр, президентский штандарт у стола — все это подавляло своим могуществом настолько, что Эльдар, который вдруг растерялся, как школьник, не услышал, как за его спиной открылась и закрылась дверь.

Вошедшего он *ощутил* — так перед грозой волосы на руках встают дыбом. Под ногами качнулся пол, и Эльдар почувствовал слабость и внезапную тошноту. Вошедший — невысокий и невыразительный человек средних лет — изначально был очень слабым магом, вряд ли даже до первого посвящения добрался, но его защитную ауру ковали профессионалы. Это была не аура — адамантова броня без единой щели.

— Доброе утро, Эльдар Сергеевич, — мягко сказал человек. Он прекрасно знал о том, какое воздействие оказывает на гостя: Эльдар прилагал все мыслимые и немыслимые силы, чтобы просто удержаться на ногах.

— Доброе утро, Всеволод Ильич, — откликнулся Эльдар. Всеволод Ильич Знаменский, тот самый, на кого Эльдар искал выход в Петербурге, прошел по кабинету к столу и сказал:

— Мой работодатель приносит извинения за то, что не встречает вас лично. Однако он придает колоссальное значение вашей находке и благодарит вас. Присаживайтесь.

Тошнота и слабость отступили — ровно настолько, чтобы дать Эльдару возможность добраться до кресла и не упасть по пути. Знаменский понимающе качнул головой.

— Как мне доложили, эта девушка некромант. Способна повелевать мертвыми.

Эльдар кивнул.

— Верно. Она эндора. Практически *труповод* — с той разницей, что труповоды наделяют мертвых частью своей воли и заставляют выполнять приказы. А эндора возвращает мертвецов к жизни, — Эльдар вспомнил, как убитый Кирилл настырно звонил в его дверь, и очередной спазм тошноты безжалостно скрутил желудок. — Это достаточно осознанное бытие, — продолжал он, сумев-таки взять себя в руки и справиться с тошнотой. — Вернувшийся обладает личной волей и личным разумом. До определенной границы, разумеется. Если труповод умирает, то умирают и его марионетки. Те, кого вернула эндора, остаются в живых вне зависимости от того, жива ли эндора... правда, это довольно своеобразная жизнь.

Знаменский удовлетворенно прикрыл глаза. По тонким губам скользнула мечтательная улыбка сытого удава.

— Каков механизм воздействия?

— Душа человека остается соединенной с телом в течение трех дней после смерти, — откликнулся Эльдар. — Труповод обрывает эту ниточку, прогоняет душу и дальше работает только с трупом. А эндора загоняет душу обратно в тело.

— Тогда почему на нее ведется такая охота? — осведомился Знаменский. — Все мало-мальски значимые маги Центрального Федерального Округа выражают крайнюю заинтересованность в физическом устранении гражданки Дубцовой. Я бы даже сказал, личную заинтересованность. Насколько я знаю, ее пробовали убить в начале декабря.

Во рту пересохло. Эльдар задумчиво потер исцарапанную щеку и промолвил:

— Потому что эндора имеет неограниченную власть над возвращенным. И эта власть противоречит свободе воли, которую маги ценят превыше всего. К тому же, мы смертны. Как и люди. И никто из нас не хочет стать разумной марионеткой после смерти.

Едва слышно скрипнула дверь, и молодой человек в темном костюме внес в кабинет поднос с чайником и чашками. Знаменский довольно кивнул, собственноручно налил Эльдару чая и спросил:

— Где сейчас книга?

Эльдар осушил чашку одним глотком. Сразу стало легче — муть в голове развеялась без следа, слабость увяла. Ничего страшного, обычная усталость после бессонной ночи.

Видимо, чай был непростым.

— Я отдал ее своему товарищу. Взамен получил организацию побега от трибунала. Катю хотели казнить, сам бы я не справился.

— Шутить изволите, — тонко улыбнулся Знаменский, подливая чаю. — О вас ходят легенды со дня смерти Мамонтова. Признаться, я всегда искренне восхищался вашими методами.

«Только вот кто бы мог подумать, что Мамонтова заменит такой прыщ без умений и цели, — вскользь подумал Эльдар. — И теперь я вынужден читать этому прыщу лекции об элементарных вещах».

Он нашел в себе силы вежливо улыбнуться и со всем возможным пиететом сказал:

— Следовало подстраховаться, Всеволод Ильич.

— Что ж, — улыбнулся Знаменский, — это правильно. Вы приняли верное решение, Эльдар Сергеевич. Я еще раз — от себя и от своего работодателя — благодарю вас за спасение эндоры. Теперь Екатерина Дубцова — фигура федерального значения. Ее важность для страны в такой период нельзя переоценить.

— Вы гарантируете ее безопасность? — с нажимом спросил Эльдар. Знаменский кивнул.

— Разумеется. Вы можете больше не беспокоиться по этому поводу. Награда за ваш поступок будет по-настоящему щедрой.

— Я это сделал не ради награды, — устало перебил Эльдар. Знаменский понимающе улыбнулся.

— Хотите с ней попрощаться?

— А она что, здесь? — встрепенулся Эльдар. Знаменский отпил чаю и сказал:

— Пока да. Через час ее переведут в закрытый блок.

Катя сидела на диванчике в соседнем кабинете — маленькая, заплаканная, жалкая донельзя. На правой щеке красовался синяк: вероятно, постаралась группа захвата. Когда Знаменский открыл дверь, и Эльдар вошел, то Катя бросилась к нему, уткнулась мокрым лицом в грудь и заплакала еще горше. Эльдар гладил ее по спутанным темным волосам, негромко говорил что-то успокаивающее — он и сам не понимал, что — и Катя, вцепившись в него, рыдала, сотрясаясь всем телом. Знаменский понимающе кивнул и деликатно прикрыл дверь; тогда Эльдар отстранил Катю, мягко сжал ее лицо в ладонях

так, чтобы она смотрела ему прямо в глаза, и произнес:

— Кать, все хорошо. Ты в безопасности. Теперь — точно да.

— Я думала, они тебя убили..., - сбивчиво прошептала Катя. — Эльдар... Кто они все? Где мы?

— Ничего не бойся, — сказал Эльдар. — Кать, у меня очень мало времени. Слушай. Тебе ничего не угрожает. За твою безопасность ручается глава государства. Ты остаешься эндорой и делаешь то, что тебе говорят. Понимаешь?

Катя всхлипнула.

— Да... Понимаю. Эльдар, а ты? Как же ты?

Он улыбнулся. Сейчас ему было неважно, что с ним случится дальше. Возможно, Знаменский разрядит в него целую обойму из табельного, стоит Эльдару выйти в коридор. Это и в самом деле не имело значения.

— Я? — переспросил Эльдар. — А я тебя люблю, Кать. Все будет хорошо. Живи.

Потом... Эльдар не запомнил в деталях, что было потом. Вроде бы Знаменский приоткрыл дверь, и за его спиной толпилась целая компания молодых широкомордых ребят в костюмах и с оружием. Вроде бы Эльдар вышел, раскланялся с честной компанией, и один из костюмных очень вежливо, но очень твердо взял его под локоть и повлек по коридору в сторону лестницы, испытывая нескрываемую тягу приложить несколько раз да покрепче. Вроде бы потом был какой-то смутно различимый двор, непроглядная метель и холод, Эльдара посадили в знакомый джип и только что не перекрестились, когда машина поехала прочь. А потом был вокзал, до отправления поезда в Велецк оставалось еще два часа, и Эльдар нетвердым шагом двинулся в небольшое кафе, где напился до полного остекленения, чего за ним раньше никогда не водилось.

Дорога домой исчезла из памяти вообще. Кто-то просто взял и стер ее мягким ластиком. Почему-то Эльдар решил, что это хорошо.

Эльдар окончательно пришел в себя в тот момент, когда обнаружил, что стоит на почти пустой стоянке напротив «Picasso». Похоже, было раннее утро. В домах рядом горели редкие огоньки, возле клуба курили очень нетрезвые, но судя по одежде обеспеченные посетители. Шел снег. Крупные хлопья тяжело падали на землю; зима в этом году задержалась и теперь активно наверстывала упущенное. Тяжело вздохнув, Эльдар пошел в клуб. Ему даже не хотелось представлять, с какими лицами его встретит персонал.

Встретили, кстати говоря, радостно, с ликованием, поцелуями и поклонами в ноги. Освободившись от объятий и кое-как стерев отпечатки помады — официантки лбызали его настолько искренне, словно Эльдар вернулся, по меньшей мере, из космоса — он с непритворным удовольствием убедился, что все в клубе идет по распланированному до приключений с эндорой графику. Новогоднюю спецпрограмму на сегодня уже отыграли, и в клубе остались только самые стойкие и самые пьяные посетители. Ди-джей лениво гонял какую-то настолько колхозную музыку, что Эльдару резко захотелось продолжения банкета, начатого на вокзале в Москве.

В баре обнаружился Коля, и Эльдар этому от всего сердца порадовался: Вадим, второй бармен, почему-то вызывал у него определенную неприязнь. После приветствий Коля пошел к кофе-машине и сварил Эльдару огромную кружку густого кофе, черного, непроглядного, как сама тьма. Кружка была издевательски сдобрена двумя каплями коньяка. Задумчиво заглянув в кофейную ночь в кружке, Эльдар задумчиво сказал:

— Коля, я что-то не понял...

— Эльдар Сергеевич, — уверенно произнес Коля. — Просто поверьте мне.

Эльдар отпил кофе и в очередной раз признал, что Коля таки прав.

— Как дела? — спросил он. Бармен неопределенно пожал плечами.

— Да как... Сперва пришли очень вежливые люди. Вежливо всех нас положили мордами в пол. Нашли у вас в сейфе героин. Персонал — в бессрочный отпуск. А потом пришли другие вежливые. Вежливо сказали, что работаем, как раньше, все договоренности в силе. И вообще — новый год, некогда шашками махать, надо пить, гулять и деньги тратить. Так что вот, трудимся помаленьку. Я сегодня за смену не присел.

Эльдар подумал, что все постепенно возвращается на круги своя. Он будет жить, как раньше, словно никакой Кати в его жизни не случилось, и постепенно обо всем забудет. Воспоминания сгладятся, приобретут вид фотографий в рамках на стене, где уже никто не сможет разобрать, что за люди там застыли перед объективом. Вроде бы есть кто-то, и этот кто-то некоторое время был очень-очень важным, но теперь это уже не имеет значения.

Наверно, это было правильно.

— Только знаете, что, Эльдар Сергеевич... — смущенно начал Коля, но потом справился с робостью и сказал уже твердо: — Я от всего коллектива скажу, как есть. Вы уж выгоните эту мадам. Всем житья от нее нету, вот честное слово.

Эльдар вопросительно поднял бровь.

— Какую мадам?

— Елизавету Анатольевну, — с видимым неудовольствием произнес Коля, словно имя и отчество имели отчетливый неприятный вкус. — Лучше уж эти вежливые, чем она. Сказала, что ваша жена и будет руководить клубом, пока не вернетесь. И гоняет нас тут, как сидоровых коз, дело-не по делу.

Эльдар едва не рассмеялся. Ему всегда нравилась та яростная хватка, с какой Лиза бралась за дело, но тут она явно поторопилась.

— Ладно, — улыбнулся он. Допил кофе и поднялся со стула — все проблемы и заботы подождут до завтра, а пока лучше всего отправиться домой и попробовать выспаться. — Разберемся.

Коля довольно улыбнулся. Эльдар уловил хвостик его мысли «...так ей и надо, сучке» и пошел к выходу.

Эльдар оставил свою квартиру в полном разгроме после драки с эндорой, но сейчас, осторожно открыв дверь и войдя в коридор, обнаружил, что дома царит просто-напросто идеальный порядок. В воздухе пахло свежей выпечкой, апельсиновым маслом и зеленым чаем — уловив запах чая, Эльдар понял, кто именно находится у него в гостях.

Он разулся, повесил пальто на крючок. Посмотрел на себя в зеркало — да, с такой физиономией не по коридорам власти гулять, а в вытрезвителе сидеть. Из ванной доносился шум воды — Лиза, ранняя пташка, по обыкновению встала в половине шестого утра. Не включая света, Эльдар прошел по комнате и заглянул на кухню. Судя по всему, бывшая супруга обосновалась у него окончательно и бесповоротно. Посуда была расставлена на полке в строгом соответствии с цветом и размером, коробки с кофе оказались задвинуты в самый дальний угол, на столе в фарфоровой вазочке лежали булочки с корицей, кокетливо прикрытые кружевной салфеткой. Эльдар взял одну, понюхал и положил обратно. Его кружка обнаружилась на дне в ящике — включив кофемашину, Эльдар приготовил длинный эспрессо и стал ждать, когда Лиза выйдет из ванной. Разговор им предстоял долгий и очень серьезный.

Лиза не торопилась. Эльдар заглянул в холодильник — ни следа мясного, одни сырки, творожки и овощи, все очень полезное и низкокалорийное, но мужчине с этим делать нечего. Вторую кружку эспрессо он все-таки употребил с булочкой: из всего съестного выпечка была самой сытной. Когда Эльдар почти потерял терпение, воду в ванной выключили, и через некоторое время Лиза вышла в комнату — всю ее одежду составляло полотенце на голове. Эльдар пару минут смотрел, как она деловито выбирает крем в косметичке размером с вещмешок десантника, а затем произнес:

— Доброе утро.

От удивления Лиза подпрыгнула и обернулась к Эльдару с таким видом, словно он

застал ее на месте преступления. Почему-то ему подумалось, что она переигрывает — Лиза, матерая и чувствительная ведьма, наверняка ощутила его запах сразу же, как только он вошел в квартиру.

Потому, наверно, и одеваться не стала.

— Господи, как ты меня напугал, — выдохнула она. Эльдар хлопнул в ладоши, свет в комнате загорелся, и несколько минут они с Лизой смотрели друг другу в глаза. Конечно, она недолго продержалась в этом молчаливом поединке — отвела темно-зеленый нескромный взгляд, кокетливо взмахнув пушистыми ресницами, стянула полотенце, и влажная грива рыжих волос рассыпалась по плечам, выгодно оттеняя фарфоровую прозрачность светлой кожи.

— Ты бы оделась, что ли, — равнодушно посоветовал Эльдар. На лобке Лизы красовалась татуировка, которой он раньше не видел: олений череп с витыми рогами. Оригинально, что тут скажешь. Лиза прикрылась полотенцем и призналась:

— Знаешь, я так рада, что ты жив.

— Я уже семь лет как жив, — бросил Эльдар. — Но обрадовалась ты только сейчас. Оденься, есть разговор.

Он демонстративно отвернулся и стал внимательно изучать состав капсулы с эспрессо. Лиза столь же демонстративно пошуршала одеждой и спустя несколько минут постучала его по плечу.

— Кофе угостишь?

Темный длинный халат из тонкого кружева скорее обнажал, чем скрывал ее фигуру. Во всяком случае, олений череп Эльдар видел во всех подробностях. Чувствуя, как в нем против воли зарождается желание, Эльдар подошел к кофе-машине.

— Угощу. Откуда у тебя ключи?

Лиза села так, что халат легкомысленно соскользнул с правого плеча, почти обнажив маленькую грудь с дерзко торчащим темным соском.

— А вон там, на полочке взяла, — медовым голосом пропела она, указав на полку в комнате, где Эльдар хранил запасной комплект ключей. Кофе-машина гудела низко и успокаивающе, тонкая струйка кофе лилась в чашку, и Эльдар думал о том, сможет ли он угадать, какой именно далеко идущий план приготовлен Лизой.

— А в квартиру как попала? — спросил он, насыпая сахар.

— Так открыто было. Эльдар, слушай... Ну не сердись на меня, пожалуйста. Ты же знаешь, я всегда хотела, чтобы у тебя...

— Я не сержусь, — перебил Эльдар. — Я просто не хочу тебя больше видеть. Честное слово, с меня хватит. Так что пей кофе, одевайся и отправляйся.

Он надеялся, что был достаточно груб, чтобы Лиза принялась плакать и покинула его дом в печали. Однако она только вздохнула и сказала:

— Эльдар. Ты думаешь, мне семь лет не за кого было замуж пойти?

Эльдар пожал плечами. Сунул в кофе-машину очередную капсулу, мельком подумав, что такое количество кофе однажды перестанет служить топливом для камня меречи и погубит его.

— Откуда мне знать? — ответил он вопросом на вопрос. — Да и какая разница уже, было, не было...

Откуда-то со дна его души, из тех уголков, которые он тщательно прятал от себя самого, медленно и неотвратно стала выбираться застарелая горечь. Стоило ли столько лет добиваться этой женщины, чтобы теперь вот так, стоять на кухне, держаться за кружку с кофе, как за последний оплот гибнущего мира и понимать, что она, когда-то безоглядно,

безудержно, слепо любимая, сейчас пришла к нему сама — а он не знает, что делать, и не верит ни единому ее слову.

— Эльдар, — снова окликнула Лиза, и ее голос предательски дрогнул. Предательски и искренне. — Я хотела ехать за тобой в Велецк. Когда вернулась в город и узнала, что ты жив... Гамрян запретил мне даже думать об этом. Он сказал, что так я подставлю тебя под удар. Раз ты умер — так пусть все наши считают, что ты умер. Я очень хотела тебя увидеть..., — она всхлипнула, смахнула со щеки слезинку, — но мне не позволили даже написать.

Эльдар неприятно удивился, когда обнаружил, что нервно сжимает зубы так, что челюсти ноют. Сказанное Лизой было очень похоже на правду. Очень. Это было вполне в духе Гамряна, запретить ей производить любые движения в направлении беспокойного покойника — и Эльдар, честно говоря, считал такое поведение весьма и весьма разумным. Он и сам не знал, что мешает поверить Лизе до конца.

— Неужели сейчас это имеет значение? — глухо спросил он. Кофе почему-то оказался безвкусным.

— Для меня — имеет, — с прежней откровенностью отозвалась Лиза. — Эльдар, прости меня. Если можешь, прости. Я должна была написать тебе. Хоть букву...

Она отвернулась к окну и заплакала. Эльдар допил кофе, поставил чашку в раковину и, встав рядом с Лизой, опустил руки ей на плечи. Прикосновение отдалось в душе слабым воспоминанием о том, как когда-то очень давно, почти в другой жизни, они ездили в Прагу. Тогда их соединил взаимный приворот, и его власть закончилась именно в то время, когда почти незаметный червячок взаимной неприязни начал точить души. На память обоим осталась красивая сказка, только и всего.

— Я не твоя эндора, — едва слышно вымолвила Лиза. — Но я хочу начать все сначала. Не прогоняй меня, пожалуйста...

Метель усиливалась, и до рассвета было еще очень далеко. Они словно зависли во времени — часы остановили свой ход, и сейчас Эльдар не чувствовал ничего, кроме знобящего тяжелого чувства полной опустошенности. Вдохнув, Лиза поднялась и встала к нему почти вплотную. Запах зеленого чая неожиданно усилился, словно кто-то перевел рычажок обоняния на максимум.

— Ты ведь провидица, — устало произнес Эльдар, неторопливо потянув за легкомысленный поясик халата. — Что там, в нашем будущем?

Лиза пожала плечами, и кружево стекло с ее тела черной шелестящей волной.

— Я не смотрела, — с неожиданным, почти девическим смущением призналась она. — Мне страшно посмотреть. Но знаешь... что бы там ни было, я хочу прожить это время с тобой.

«Что ж, — отстраненно подумал Эльдар, слегка надавливая на ее чуть влажное плечо и принуждая опуститься на колени. — Клин клином?»

Сначала Лиза была осторожна и нерешительна, словно вступала на неизведанную территорию, но потом осмелела, и в ее плавных движениях появилась напористая уверенность. Эльдар запустил пальцы в длинные мокрые волосы Лизы и сцепил замком на затылке — не только для того, чтобы задать нужный темп, но и затем, чтобы прочесть изменения в ауре, которые привели к таким неожиданным переменам в отношении.

Эльдар не обольщался — он прекрасно понимал, что Лиза, прекрасная актриса и авантюристка, приехала в Велецк не по доброте душевной и вовсе не потому, что после семи лет разлуки, наполненной делами и отношениями, соскучилась по бывшему мужу. Отнюдь. Будущее готовило нечто действительно важное и наверняка опасное, иначе Лиза сейчас проводила бы время в другом месте и с другими людьми. Эльдар прикрыл глаза, и сияющий кокон ауры, который окутывал Лизу, рассыпался целым водопадом пестрых картинок. Мысленно подхватив одну из них, Эльдар всмотрелся в изображение и довольно улыбнулся. Увиденное пришлось ему по душе.

Постепенно Лиза стала уставать — медленно, но верно в движениях исчезала сосредоточенность, превращая их почти в трудовую повинность. Эльдар разжал руки и мягко отстранил Лизу; картинки ее воспоминаний замедлили бег и легли обратно в колоду. Сияние ауры угасло. Лиза смотрела на него снизу вверх, потерянно и немного испуганно — она как будто вынырнула из-под воды и снова получила возможность слышать звуки за окном, видеть краски и обонять запахи.

— Рудина сместят? — спросил Эльдар. Он помог Лизе подняться и теперь держал за предплечья: вроде мягко, любя, но при всем желании не вырвешься. Легкое ведьминское косоглазие и припухшие губы сейчас делали ее особенно растерянной и смущенной.

— Да, — еле слышно промолвила она. — За то, что созвал трибунал и хотел устранить эндору.

Эльдар сжал пальцы и подумал, что цепочка синяков будет очень похожа на татуировку. Лиза коротко ахнула.

— Кто займет его место в Велецке?

— Ты.

Видимо, она подумала, что Эльдар убьет ее — такой смертельный ужас сейчас отплясывал в Лизиных глазах. Эльдар улыбнулся. Разгадка была банальной, и в ней не было ни слова о любви. Он провел подушечкой большого пальца по ее губам и произнес:

— Никогда не ври мне. Никогда.

— Не буду. Никогда, — послушно кивнула Лиза. Эльдар криво усмехнулся, прислушался к возне камня меречи в груди и подумал, что все хорошо. Впервые за очень долгое время все действительно было хорошо. Он сумел спасти эндору, вернулся домой живым, и будущее не обещало ему сильной боли в качестве расплаты за удачу.

Если Катя иногда станет думать о нем, то это будет просто замечательно.

Он толкнул Лизу в комнату и, неторопливо расстегивая рубашку, двинулся за ней. Меречь ворочалась за спиной, меречь хотела вырваться на свободу, и Эльдар, похоже, не имел ничего против. Когда он буквально вмял Лизу в постель, практически похоронив под собой, она жалобно пискнула — ей, похоже, банально не хватало воздуха — и ударила его кулачком по плечу.

— Лучше не дергайся, — шепнул Эльдар в маленькое розовое ухо с бриллиантовой капелькой сережки. — Больно будет.

Вздохнув, она послушно подалась ему навстречу. Эльдар посмотрел на свои руки: превращение уже началось, и костяные иззубренные пластинки оставляли багровые царапины на коже Лизы. Кого он обманывал — ему действительно хотелось причинить ей боль. За все эти годы он не видел от Лизы ничего, кроме брезгливого страха и презрения — что ж, пожалуй, ей пора заплатить.

Каждое его движение, напористое и глубокое, было для Лизы мучительным, почти невыносимым, и Эльдар чувствовал невольную и очень язвительную радость. Сказала бы сразу: я поймала видение, ты скоро станешь очень важной шишкой, и мне ужасно хочется побыть в роли рыбы-прилипалы — так было бы намного честнее. Но, похоже, честность не для нее, Лиза предпочитает манипулировать и играть на чувствах. Вот и теперь сориентировалась быстро: на бледных поначалу щеках выступил румянец, гримаска боли разгладилась, уступив место кошачьей расслабленности, в дыхании появилась легкая хрипотца — получает искреннее удовольствие от ситуации.

— Кого ты хочешь обмануть? — усмехнулся Эльдар. Головы меречи за его спиной оскателись, с языка одной из них сорвалась капля слюны и упала Лизе на плечо. Маска показного блаженства растаяла без следа: содрогнувшись от омерзения, Лиза резко дернулась в сторону в отчаянной и напрасной попытке вырваться. Вот теперь она была собой — алчной самолюбивой стервой, и ее истинное лицо настолько пришлось Эльдару по душе, что развязка наступила почти сразу.

Кажется, Лиза всхлипывала. Чувство опустошения, нахлынувшее на Эльдара, было

приятным и спокойным — словно занозу вытащили. Он вытянулся на кровати, заложил руки за голову и негромко осведомился:

— Бумаги по смещению уже подписаны?

Лиза шмыгнула носом. Эльдар видел, как ее аура плещет во все стороны алыми брызгами ненависти и смущения. Она его презирала и ненавидела — но ей, черт побери, было хорошо. Да, надо было ее сразу за патлы таскать, может, тогда бы из их давних мучительных отношений и вышел толк.

— Да, — откликнулась Лиза. Она сидела на краю кровати, опустив голову и с преувеличенным вниманием рассматривая заусенец на пальце. Видимо, старалась изо всех сил не броситься на Эльдара с кулаками.

— Больше никогда не ври мне, — сказал он и закрыл глаза.

Глава 7

Рабочий кабинет Кати был белым: кафель пола, панели стен, натяжной потолок, мебель — все имело цвет свежавывавшего снега. Она настояла на этом и теперь считала, что поступила правильно. Белый никогда не был ее любимым, и сейчас Катя таким образом отделяла себя от эндоры. Эндоре — белый медицинский халат и белые стены. Кате — сбойную пестроту небольшого жилого помещения.

Такое разделение помогало ей хоть как-то оставаться в границах той реальности, которую Катя считала нормальной.

Каждый день начинался в семь утра. Катю вежливо будил молодой человек по имени Артем — он был чем-то вроде денщика, приставленным к ней в первый же день после перевода сюда. После душа и завтрака она отправлялась по длинному коридору к лифту, спускалась на несколько этажей вниз и входила в белый кабинет, где на столе ее уже ждал свежий труп. Артем, вооруженный планшетом с записями, вставал чуть поодаль, и Катя, надев халат, приступала к работе.

Душа болталась над трупом, как золотой воздушный шарик, привязанный за ниточку. Чем больше времени проходило со дня смерти, тем длиннее и тоньше становился этот сияющий канатик — Катя одним движением обрывала его, а вторым загоняла шарик в тело. Дальнейшее ее не интересовало; Катя садилась на крутящийся стул, разворачивалась спиной к ожившему мертвецу и надевала наушники. Артем собрал для нее целую коллекцию качественной музыки, но из нескольких тысяч треков в плеере Катя всегда выбирала только «Би-2». Ей казалось, что так она будет хоть немного ближе к Эльдару. Артем занимался допросом возвращенного, и иногда Катя слышала крики, стенания и даже рев, в другое время пробиравший бы до нутра. Пару раз раздавались выстрелы.

Потом, когда в мире за наушниками наступала густая липкая тишина, Артем деликатно дотрагивался до ее плеча: это означало, что труп увезли, грязь и кровь замыли, и Катю ждет новый мертвец.

Денщик сперва откровенно боялся Кати, старательно избегал смотреть на нее и на вопросы отвечал «Никак нет» и «Так точно», причем «никак нет» преобладало. Потом он пообвыкся, понял, что великая и ужасная эндора вовсе не собирается его жрать или вытягивать потроха, и стал общаться более многословно. Катя узнала, что несколько лет назад Артем попал в аварию и после черепно-мозговой травмы стал практически нечувствителен к магическому воздействию. Видимо, это и стало причиной, по которой его приставили к Кате. Он наводил порядок в занимаемой начальницей комнате без окон, вполне сносно стряпал на небольшой плите, организовывал стирку и, если Кате хотелось поговорить, отвечал на ее вопросы. Артем был не слишком разговорчив и, как предполагала Катя, довольно ограничен, так что развернутых бесед у них практически не получалось.

Жилые помещения и рабочая зона располагались под землей, и Катя даже предположить не могла, на сколько этажей вниз уходит здание: в лифте не было панелей с цифрами — возможно, он был запрограммирован индивидуально, в зависимости от задач каждого обитателя этажа. Иногда Катя видела соседей — такие же тени в белых халатах, как и она сама, изредка из-за стен доносилась музыка и голоса, однако завести с кем-то дружбу было невозможно: Артем сказал, что за любую попытку разговора с соседями и Кате, и ему зададут такую трепку, что мало не покажется.

Дни были настолько похожи один на другой, что Кате постепенно стало казаться, будто время замедлило бег, и это одни сутки все тянутся и тянутся. Ни конца, ни края, только белые стены ее кабинета, пестрый ковер на полу жилой комнаты, молчаливый Артем и безвкусная еда. Календарь, по которому денщик ежедневно старательно передвигал бегунок с пластиковым квадратиком, сообщал, что прошел январь, миновали февраль и март и наступил апрель. И как раз двадцать второго апреля время пошло быстрее.

Артем разбудил Катю не в семь, а в половине шестого, он был встревожен настолько, что Катя не удивилась бы, если бы снаружи доносились выстрелы и люди в форме.

— Собирайтесь скорее, — сказал он, протягивая Кате стопку одежды. — Уж извините, мы

сегодня не завтракаем. Начальство торопит.

Надев принесенную денщиком белую рубашку и темно-серый деловой костюм, Катя невольно задумалась над тем, насколько не попадают в стиль ее светлые рабочие кроссовки без шнурков. Когда она причесалась, Артем практически выволок ее за дверь и повлек к лифту. В здании, обычно полном каких-то звуков — разговоров, шагов, мелодичных сигналов невидимой аппаратуры — теперь царила напряженная тишина и, когда звякнул прибывший лифт, Катя чуть не подпрыгнула от неожиданности.

В просторном холле наверху их встретила вооруженная охрана. Стеклопакетные двери, ведущие во двор, были распахнуты настежь, по холлу вольно гулял сырой мартовский ветер и, пока Артем получал пропуск и расписывался в каких-то бумагах, Катя смотрела, как из-за высоких ворот на стоянку медленно заезжают машины представительского класса. Одна из них, крупная, черная, похожая на здоровенного хищного зверя, почему-то показалась Кате очень знакомой.

Потом она вспомнила, что видела эту машину, когда падала с крыши с Эльдаром — и этот черный внедорожник, криво припаркованный внизу, запечатлелся в памяти подчеркнуто контрастной картинкой. Когда из машины вышел Рудин, Кате уже было ясно, что хорошего ждать не приходится.

Артем предупредительно тронул Катю за локоть и, когда она обернулась, протянул бейдж с фотографией. «Дубцова Екатерина Александровна, — прочла Катя надпись, набранную жирным курсивом. — Главный специалист отдела некроформирования». Вот, значит, как называется то, чем она занимается каждый день...

— Пойдемте, — сказал Артем и потянул Катю к лифту. — Нам на восьмой.

Катя заметила, что небольшая группа людей в таких же серых костюмах, как и у нее, натурально шарахнулась от нее и Артема, и в лифт они вошли в гордом одиночестве. «Левицкий Артем Артурович, — задумчиво прочла Катя написанное на бейдже денщика. — Младший технический сотрудник отдела некроформирования».

— А что будет-то? — спросила она. Артем пожал плечами, делая вид, что не в курсе, но получалось у него плохо.

— Мне можно не врать, — заверила Катя, и Артем задумчиво произнес:

— Тут какой-то кипиш большой. Сам Знаменский приехал.

Катя бы села прямо на пол лифта от таких новостей, но тут двери поползли в стороны, и Артем вывел ее в холл к залу заседания. За закрытыми дверями горланил народ; Катя не видела этих людей, но чувствовала, что они готовы впиться друг другу в глотки. Казалось, что в воздухе витают невидимые молнии — настолько ощутимым было напряжение собравшихся. Стоявший возле входа старичок, маленький, благообразный и сонный, прочел написанное на бейджах Кати и Артема и вдруг посмотрел на них настолько пронзительно и цепко, что Катя ощутила мгновенно нахлынувшую волну тошноты и страха.

— Так, голем и эндора, — негромко проскрипел старичок, сделал какие-то быстрые пометки в блокноте и кивнул в сторону двери. — Проходите, господа, скоро начнем.

— Голем? — уточнила Катя, когда они вошли в зал и тихонько сели в кресла в самом конце помещения. Зал был полон, бурлил и волновался: несмотря на раннее утро, люди, собравшиеся здесь, были энергичны, решительны и крикливы. Катя вслушалась, но не поняла ни слова: скандал шел на неизвестном языке, полном шипящих. Артем безразлично пожал плечами. Даже если он и был големом, его это совершенно не интересовало.

— Не могу знать, что это.

Катя пристально посмотрела ему в переносицу — кожа там была самой обычной, чистой, без прыщей и шрамов, и тем более без магических слов, оживляющих глиняного человека. Значит, голем... Может, так в мире магов называют помощников и слуг?

Она еще долго размышляла бы о големах, но вдруг среди скандалящей группы магов

заметила знакомую фигуру — Эльдар, тощий, словно после тяжелой болезни, с коротким ершиком светлых, практически седых волос, бледный до синевы, самым натуральным образом строил какого-то не в меру борзого брюнета, который едва сдерживался, чтобы не прыгнуть на него с кулаками. Гамрян стоял чуть поодаль и активно поддакивал Эльдару, но было ясно, что вмешиваться сколь-нибудь серьезно он не намерен. Катю бросило в жар. Кровь отхлынула от щек и прилила снова, и отхлынула опять — Кате подумалось, что она сейчас потеряет сознание. Эльдар был совсем рядом. Можно было встать с кресла, пройти через зал и дотронуться до него.

Давешний старичок распахнул двери, и в зал вошел государь со свитой. Впечатление было именно таким: появился владыка, и все разговоры тотчас же прекратились, а скандалящие люди встали с кресел и вытянулись по стойке «смирно», глядя на идущего человека с такой умоляющей надеждой, что Кате стало очень не по себе. Рудин, на диво бодрый и энергичный, несмотря на раннее утро, прошел через зал, поднялся на небольшой помост и негромко, но очень отчетливо произнес:

— Прошу садиться, время дорого.

Собравшиеся бесшумно заняли свои места. Свита Рудина расположилась возле окна.

— Итак, дамы и господа, — взгляд Рудина скользнул по залу и, как показалось Кате, на какую-то долю секунды задержался именно на ней. Кате захотелось зажмуриться. — Я не имею права говорить тех громких успокоительных слов, которыми нас потчует господин Знаменский. Моя обязанность как *гхоула Совета* состоит в том, чтобы доносить до вас неприятную правду и искать пути решения проблем. Начнем с того, что наш мир впервые за много веков действительно стоит на пороге гибели. Это не фигура речи, это действительно так.

По залу пронеслась легкая волна вздохов и невнятных восклицаний и тотчас же увяла, повинувшись короткому жесту Рудина. Катя чувствовала, как от людей веет страхом и обреченностью.

— Все началось с появления такого артефакта, как фолиант Кадеса, — продолжал он. — Для тех, кто не в курсе, поясню: это не простой предмет, наполненный силой, а в некотором смысле разумное существо. Фолиант долгое время считался утерянным, поэтому, когда он появился вновь, очень многие приняли участие в охоте на него. В том числе и я — через посредников, разумеется. Но фолиант выбрал своего первого владельца сам. Нам очень повезло: нулевой пациент в нашем случае известен. Госпожа Дубцова, подойдите ко мне, пожалуйста.

Катя не сразу поняла, что Рудин обращается к ней, а весь зал обернулся и смотрит на нее с ужасом и ненавистью. Распорядитель вежливо, но твердо взял Катю под локоть и повлек в сторону Рудина, негромко инструктируя по пути:

— Не говорить, пока вас не спросят. В глаза господину гхоулу не смотреть. Отвечать только на заданные вопросы.

От страха у Кати мгновенно пересохло во рту, и она едва могла переставлять ноги. Вот будет позорище, если она сейчас хлопнется в обморок на виду у всех... Рудин натянуто улыбнулся и, взяв Катю за левое запястье, развернул к собравшимся.

— Прошу любить и жаловать. Дубцова Екатерина Александровна, в прошлом человек без малейших признаков магических способностей. Сейчас, как вы можете убедиться, это эндора. Начальная инициация произошла в день приобретения фолианта. Спустя три месяца госпожа Дубцова уже с легкостью использовала боевые заклинания и методики манипулирования, доступные только знающим магам второго посвящения.

На Катю смотрели так пристально и с такой оценивающей злобой, что она снова ощутила себя стоящей на площади перед толпой народа, только теперь с нее снимали не только одежду, но и кожу, снимали медленно и со знанием дела, точно дозируя боль и не позволяя ни упасть в обморок, ни умереть. Эльдар, сидевший возле окна, угрюмо смотрел куда-то вниз — то ли читал сообщение в смартфоне, то ли просто избегал встречаться с Катей взглядом.

Кате показалось, что ее пинком выбросили в студеную январскую ночь из жарко

натопленного дома.

— В судьбе госпожи Дубцовой принял участие лично Знаменский, а вы прекрасно знаете, чьим именно голосом он является, — продолжал Рудин. Люди в зале понимающе закивали. — Всем остальным эндорам, а после нового года их появилось девятнадцать, повезло меньше. По решению совета они были казнены. Фолиант Кадеса снова бесследно исчез, однако инициированные им эндоры продолжают появляться, и это уже подготовка к войне. Существует *Некто*, которому понадобится большое количество людей, способных управлять мертвыми. Все эти эндоры — его генералы на поле грядущего сражения. Присядьте пока, госпожа Дубцова.

Катя практически рухнула в кресло в первом ряду — нахлынувшая горечь потери не дала ей удержаться на ногах. Кажется, какой-то невысокий круглолицый мужчина с видом серьезного чиновника выскочил из него сразу же, как Рудин велел эндоре садиться. Один маг из свиты отделился от коллег и подал начальнику папку. Рудин небрежно подбросил ее в воздух, и листы, взмыв под потолок, не упали на пол, а повисли в воздухе так, чтобы все могли видеть написанное.

— Я прочту, если вы не против, — сказал Рудин. — Это доклад европейского совета. По их данным за два прошедших года в Европе выявлено тридцать пять эндор. Перед Второй мировой их было всего две дюжины, а теперь они растут, как грибы после дождя. А по данным моего чешского коллеги Томаша Новака за эти же два года в Европе пропало без вести шестьдесят пять тысяч человек. Самые обычные люди, которые просто взяли и исчезли. Новак полагает, что их следует называть уже не пропавшими, а вернувшимися. Наш загадочный Некто обзаводится не только генералами, но и армией.

Катя почти не слышала, что он говорил. На ткани брюк на колене расплылось маленькое темное пятно, затем второе. Я плачу, подумала Катя.

— Можно также упомянуть резкий упадок сил у большинства магов и ведьм, — продолжал Рудин, и люди в зале согласно и смущенно закивали, — возросшее стихийное появление и инициацию знахарей и травников, распоясавшуюся мелкую нечисть. Буквально вчера какой-то, простите, свинорыл попробовал меня укусить, — Рудин криво усмехнулся и продолжал: — Более того, поступает информация о том, что во многих местах происходят прорывы из Параллели. Полагаю, таким образом наши линии обороны проверяют на прочность.

Рудин сделал паузу — красивую, драматическую. В другое время и при других обстоятельствах Катя, пожалуй, подумала бы, что он очень видный мужчина. Практически идеальный, словно сошедший с экрана.

— Нам очень повезло, — произнес Рудин. — У нас есть нулевой пациент, и я имею все основания полагать, что, внимательно изучив госпожу Дубцову и проведя необходимые эксперименты, мы сможем сделать то же самое, что делает сейчас наш противник. Собрать собственную армию, поняв механизм обращения обычного человека в мага. Я как гхоул Совета даю вам гарантии того, что смогу вычислить, где находится наш удивительный Некто, и приложу все усилия, чтобы уничтожить его. Вы, — он широким жестом обвел зал, — все вы, господа, отдадите мне часть своих возможностей тогда, когда это потребуется. Любой из вас в случае необходимости соединится со мной *петлей Меркавы* при первой же просьбе. Согласны?

Общего гула голосов, обрушившегося на зал, Катя не услышала — шум в ушах заслонил все звуки, перед лицом мелькнул, закрываясь, серый занавес, и она потеряла сознание.

Обморок отступал очень нехотя и лениво. Сперва проявились звуки — шаги, какое-то металлическое звяканье и далекие голоса. Потом из тьмы выплыл запах дорогого одеколона, коснулся ноздрей и был таков. Последним пришло осознание — Катя поняла, что лежит на знакомой койке в своем жилом блоке и открыла глаза.

Артем что-то размешивал в стакане чая, и Катя надеялась, что из добавок там только сахар. Увидев, что она очнулась, денщик сел на край кровати и поднес к Катиным губам ложку с темной жидкостью.

— Ну-ка, — мягко сказал он. — Выпейте. Полегчает.

Катя подчинилась. Да, всего лишь очень крепкий и очень сладкий чай. Артем помог ей сесть и, взяв стакан, Катя услышала:

— Иногда люди так реагируют на мое присутствие, — Рудин, устроившийся в кресле в дальнем углу, задумчиво водил пальцами по экрану Артемова планшета. — Резким падением уровня сахара в крови.

— Что вам нужно? — прошипела Катя, вставая на ноги. Пол качнулся было под босыми ступнями, но обморок не вернулся. Рудин отложил планшет и тоже встал. Теперь в его улыбке было намного больше обаяния. Он, похоже, получал искреннее удовольствие от происходящего.

— Вы, Катенька. Вы, — промолвил Рудин. — Идемте.

Он дал ей обуться и взять халат, к которому Катя потянулась по привычке. Покидаешь жилой отсек — одеваешься в рабочее. Артем высунулся было с кухни, но Рудин зыркнул в его сторону так, что денщик юркнул обратно и, кажется, даже ойкнул. Они действительно отправились в Катин кабинет и почему-то, войдя в знакомое помещение, Катя почувствовала определенное облегчение. Как говорится, дома и стены помогают — пусть сейчас это и не дом, Катя ощущала спокойствие и уверенность. Рудин огляделся и закрыл дверь.

— Что дальше? — спросила Катя, стараясь придать голосу максимальное равнодушие. Меньше всего ей хотелось, чтобы Рудин понял, как у нее поджилки трясутся и сводит живот. Как говорилось в старом и глупом анекдоте, это не от страха, а от лютой ненависти — и Катя никогда не думала, что одновременно сможет испытывать и то, и другое. Сейчас она совершенно искренне ненавидела Рудина и, в принципе, не могла объяснить, почему: в принципе, он не успел сделать ей ничего плохого.

Рудин снял пиджак, небрежно бросил на спинку рабочего кресла Кати и принялся засучивать рукава. В его движениях было столько неторопливого палаческого спокойствия, столько равнодушного профессионализма, что Катя просто застыла на месте, не в силах ни бежать, ни бороться.

— Ничего страшного, — небрежно сказал Рудин. — Если, конечно, не будете дергаться.

— Не буду, — мрачно ответила Катя, прикидывая, чем бы сподручнее ударить его по голове в случае проблем. Конечно, вряд ли она сумеет удрать после покушения на гхоула Совета — даже до лифта не доберется, не говоря уже о выходе на поверхность.

— Тогда раздевайтесь до белья, — улыбнулся Рудин и указал на стол. — И ложитесь.

Некоторое время он наблюдал за выражением покрасневшего лица Кати: стыд, обида, гнев переплетались на нем в причудливых объятиях. В конце концов, она сумела взять себя в руки и напряженно выдавила:

— Это стол для мертвецов.

Рудин равнодушно пожал плечами.

— Он подходит мне по высоте. А будете выделяться — быстро перестанете отличаться от своих жмуrow. Для работы мне, честно говоря, и пальца вашего хватит.

— До сих пор не можете успокоиться? — съязвила Катя, расстегивая рубашку. Рудин и бровью не повел, но по его ауре прошла легкая волна досады, и, к своему великому удовольствию, Катя ее не упустила. — Ловко мы тогда вас с носом оставили.

— Ловко, да, — спокойно согласился Рудин. Видимо, он сделал все, чтобы не поддаваться на провокации. — Если больше нечем похвалиться, то давайте начнем.

Затем, видимо, сочтя, что Катя слишком долго копается с одеждой, он подошел и, схватив эндору в охапку, буквально вытряхнул из брюк. Катя взвизгнула. Ее самым натуральным образом стала бить дрожь от отвращения. Рудин устроил ее на столе и принялся демонстративно вытирать ладони носовым платком.

— Постарайся расслабиться, Катерина, — холодно посоветовал он, закончив ритуал

символического очищения от прикосновения к эндоре и брезгливо выбросив платок в ведро для бумаг. — Я буду строить рамку. Станешь метаться, она тебя разрежет. Мне-то все равно, решаю сама, как хочешь остаться...

— Приступайте, — процедила Катя. Металлическая поверхность стола леденила все тело, но Катя дала себе слово, что трястись не будет. Рудин, судя по всему, испытывает несказанное наслаждение, когда она готова расплакаться, и Катя не собиралась доставлять ему удовольствие. — Метаться не стану.

— Умница, — с неожиданной мягкостью похвалил Рудин. — Пока я готовлюсь, послушай. Итак, ты, грубо говоря, нулевой пациент, и есть все основания считать, что у тебя сохранилась максимальная связь с владельцем книги...

— Это я уже поняла, — перебила Катя. — В зале заседаний ты был очень красноречив.

Рудин, который тем временем разминал запястье правой руки, воззрился на нее так, словно в комнате заговорила мебель и сказала ему какую-то гадкую до невероятности чушь.

— Я не разрешал перебивать, — процедил он, и его холодный мрачный голос поставил бы на место любого выскочку — но не Катю. Ей, в общем-то, внезапно стало все равно, что с ней будет. — И не разрешал мне тыкать.

Катя пожала плечами.

— Я тоже не разрешала тыкать, — твердо сказала она. Улыбка Рудина была похожа на оскал очень опасного хищного зверя. Приблизившись к столу, он склонился над Катей, на какое-то мгновение оглушив и смяв тяжелым запахом усталости и откровенной злобы, и заговорил — медленно, отчетливо, так, чтобы не оставалось простора для толкований:

— Катя, мне тебя не жаль. Ты умная девочка, пойми правильно. *Людям во власти* ты нужна. Ты им важных свидетелей с того света приводишь. А вот мне все равно, жива ты или нет. Станешь раздражать — выпотрошу так, что закапывать будет нечего. А от Знаменского и его шефа отбрежусь, авось не в первый раз.

Он сделал паузу, оценивая выражение ее побледневшего лица, и добавил:

— Впрочем, все-таки можно на «ты». Меня зовут Сергей. Твое имя я знаю.

Катя зажмурилась. Рудин выпрямился и сделал несколько шагов в сторону, неприятно похрустывая пальцами. Почему-то Кате подумалось, что именно с таким отвратительным звуком он будет ломать ей кости, если понадобится, и Эльдар, так старательно избегавший смотреть в ее сторону, уже не придет, чтобы защитить.

Послышался легкий треск, и от пальцев Рудина отделилась сияющая бледно-голубая паутина, та самая рамка, которую он настраивал для работы. Когда сеть опустилась на Катю, та скорее догадалась, чем ощутила, что горит кожа. Боли почему-то не было — Катя обоняла отвратительный запах горящего мяса, но чувствовала только холод, идущий от поверхности стола.

— Не дергайся, — снова посоветовал Рудин. — Нарезает порционными кусочками. Сейчас еще немного пожжет и отпустит.

Катя и не дергалась — она лежала неподвижно, как мертвая или как деревянная кукла, у которой выдрали душу, брезгливо изучили, перебрасывая с ладони на ладонь, и небрежно запихали обратно. Вскоре сеть с неприятным чавкающим звуком отлепилась от ее тела и рассыпалась в воздухе пригоршней искр. Рудин, смотревший на Катю так, словно пытался отследить малейшие изменения в выражении ее лица, довольно кивнул и подошел к столу.

— Теперь терпи, — сказал он и прижал указательный палец к левой ключице. Вот это было действительно больно. Катя закусила губу, чтобы не заорать: кожу под пальцем жгло, словно туда попала кислота. Однажды в школе, во время лабораторной по химии Кате на руку попала кислота — впечатлений хватило надолго.

По виску стекла капля пота. Рудин перевел руку вниз и накрыл ладонью левую грудь Кати. «Если у меня сейчас остановится сердце, то я не удивлюсь», — подумала Катя. Рот наполнялся кровью из прокушенной губы, и Катя молилась только об одном: не кричать. Палач и садист не должен увидеть ее слез и услышать криков.

Рука легла ниже, под ребра. Катя смотрела вверх, туда, где устало гудела лампа, и старалась думать о мелочах. О странной картине на стене Эльдаровой квартиры. О запахе осеннего ветра. О шелесте книжных страниц. О чем угодно, лишь бы не о том, что несколько часов назад он был рядом — и в то же время невероятно далеко, в ином пласте реальности.

— Молодец, — сказал Рудин откуда-то издалека. — Еще немного.

Ладонь опустилась на живот. Теперь Катя точно знала, что вытерпит эту пытку, не закричав. Жжение усилилось настолько, что вместо огня Катя стала ощущать пронизывающий холод, а потом оборвалось, и расплывшийся перед глазами мир снова обрел резкость и четкость очертаний.

Рудин выглядел довольным. Катя смела надеяться, что теперь он отпустит ее с миром, раз уж получил все, что нужно. В губы ткнулась белая пластиковая соломинка — Рудин поднес Кате коробочку апельсинового сока.

— Пей, — приказал он и, когда Катя послушно сделала несколько глотков, промолвил: — Пока лежи, я еще не закончил.

— Я не тороплюсь, — сказала Катя. — Похоже, у меня сегодня выходной.

— У тебя даже больничный, — откликнулся Рудин. Запустив пальцы в карман, он достал смартфон, некоторое время что-то в нем искал, а затем сообщил: — На ближайшие две недели ты поступаешь в мое полное распоряжение. Завтра утром поедем на новую квартиру. Можешь взять с собой голема, если хочешь. Будет помогать тебе до сортира добираться.

Катя поморщилась. В последнее время она просто органически не переваривала грубости и хамства. Оценив выражение ее лица, Рудин удовлетворенно кивнул, помедлил еще минуту и засунул телефон обратно в карман.

— Тебе еще что-то нужно? Сейчас? — осведомилась Катя.

— Да, мы с тобой весь день проведем вместе. Пока я, так сказать, наживку забросил. Буду ждать клева.

— На здоровье, — процедила Катя и, когда Рудин помог ей спуститься с мертвецкого стола, принялась одеваться. Все суставы ломило, а глаза наполняло жжением, словно ей в лицо бросили пригоршню песка, и это ощущение жестокой простуды невольно заставляло Катю двигаться быстрее и бодриться. Если ей случалось заболеть, то она не отправлялась в кровать, а включала музыку и принималась танцевать — простуда и грипп пугались такого необычного подхода и довольно скоро убирались восвояси. Когда она застегнула последнюю пуговицу на халате, Рудин задумчиво промолвил — словно говорил не Кате, а себе:

— Я подозревал, что вы тогда смоетесь. Где Оборотень — там всегда какая-то заковыристая дрянь. Типа тебя.

Катя сделала вид, что не слышит. Рудин специально осыпал ее ядовитыми уколами — он явно чего-то добивался, но Катя никак не могла понять, чего именно. Может, просто хотел еще и еще раз причинять боль за тогдашний побег от трибунала.

Она и сама не осознала до конца, что произошло в следующее мгновение: буквально только что Рудин, нагло развалившись, сидел в ее кресле — и вот уже лежит в углу, не подавая признаков жизни. Бодро проскакав по кафелю, смартфон рассыпался горстью пластиковых брызг, и Катя испытала яростную радость по этому поводу. На сверкающей поверхности стеной панели она увидела свое размытое отражение — пылающую нестерпимо белым пламенем птицу, раскинувшую руки. Птица откинула голову назад и издала душераздирающий крик, в котором слились и боль, и горечь, и торжество.

Душа Кати дрожала натянутой струной. Золотые энергетические крючки, засаженные Рудиным ей под кожу, скрипели и вибрировали, пытаясь вырваться, выдрав куски плоти, и эта боль привела Катю в себя. Белое свечение погасло, и Катя рухнула на пол. По кафелю плеснуло красным — Катя с каким-то равнодушием поняла, что это ее кровь. Рудин неожиданно проявил невероятную прыть — он выполз из угла, морщась от боли, и приблизился к Кате. Его довольная улыбка настолько резко контрастировала со страдальческой гримасой, что Катя едва подавила дрожь.

Он был счастлив. Непередаваемо. Кажется, он готов был расцеловать Катю на радостях.

— Умница, — проговорил Рудин, расстегивая ее рубашку. — Моя ж ты умница, все отлично сделала. Максимальный прорыв способностей идет в моменты стресса, конечно... Ай, умница!

Катя обессиленно вздохнула и закрыла глаза. На груди пламенел отпечаток огромной шестипалой ладони, но она его не увидела.

Глава 8

Эльдара занял пост главы региона двадцать восьмого февраля — день выдался пасмурным, вьюжным, и ветер, швырявший пригоршни снега, несколько раз едва не выстегал ему глаза. Посвящение провели на крыше той самой многоэтажки, откуда совсем недавно Эльдар и Катя отправились в полет. Знаменский, приехавший из столицы в радость такого случая, собственноручно обрил Эльдара наголо и, когда светлые пряди волос с шипением и вонью обратились в пепел на дне маленькой жаровни, передал новому шефу велецких магов темный аметист на серебряной цепочке — знак власти и силы.

По большому счету, для Эльдара ничего не изменилось. Велецк был сонным городишкой, где и люди, и маги предпочитали находиться в каком-то душевном оцепенении — лишь бы их не трогали. Эльдар и не собирался наводить какие-то свои порядки. Он продолжил работать в «Picasso», и Коля, в первый раз увидев шефа в новом имидже, задумчиво прокомментировал:

— И Сизый полетел по лагерям...

Эльдар простил юному бармену эту вольность: видок у него действительно был протокольный, и уродливо торчащие уши, обычно скрытые за волосами, делали его похожим не на успешного предпринимателя, а на бывшего сидельца. Невольно представив, как Гамрян, которого побрили в те годы, когда он уже стал деканом и уважаемым гражданином Турьевска, ходил на лекции в таком интригующем виде, Эльдар не сдержал усмешки.

Он дал отставку Лизе сразу же, как только спустился с крыши. Эльдара весьма ощутимо покачивало, ритуал выпил практически все силы, и он понимал, что эта вязкая слабость — еще цветочки, дальше будет хуже, но у него уже не было ни времени, ни желания откладывать неминуемое. В выражениях простых и не поддающихся никакой цензуре он объяснил Лизе, что не желает иметь с ней ничего общего, она может отправляться куда угодно и тянуть профиты с кого угодно, но он повырывает ей руки и ноги, если она еще хоть раз появится в Велецке. Можно было полюбоваться ее истерикой и слезами, но Эльдар решил, что с него хватит и, едва не упав в сугроб — ноги не держали — добрался до ожидавшей его машины и поехал домой. Весь этот скандал с бывшей женой прекрасно вписывался в рамки их общего плана.

Несколько томительно долгих недель он провел дома, валяясь на кровати и литрами поглощая чай с разведенными в нем целебными порошками. От этих дней у Эльдара не осталось практически никаких воспоминаний, кроме таинственного звона колокольчиков, который долетал до него откуда-то издали.

Потом наступила весна — ранняя, теплая, стремительная, она ворвалась в Велецк с передовыми отрядами подснежников, первоцветов и крокусов. Копейщики-нарциссы, пока зеленые, без бутонов, шли за ними следом. Эльдар рассматривал цветы, пробившиеся на газоне неподалеку от клуба, и думал о том, что весна принесет новые заботы и тревоги.

Так, собственно, и вышло. Последствия посвящения еще давали о себе знать — глядя в зеркало, Эльдар понимал, что сейчас почти ничем не отличается от мертвеца, с посеревшей кожей, запавшими глазами и едва отрастающим ершиком белых волос, а постоянная слабость заставляла предметно думать о ком-то вроде няньки рядом — но пропустить большой Совет в Москве было нельзя. Разговоры о таинственных и пугающих переменах шли давно и по всей стране: их невнятный, глухой отзвук то и дело долетал до Эльдара, заставляя брать себя в руки и придумывать собственный план действий. Конечно, Рудин изрядно запугал магическое сообщество и наворотил невесть чего вокруг, в принципе, не самой критической ситуации. Прорывы Параллели случались почти каждый год — уж кто-кто, а Эльдар прекрасно об этом знал и понимал, что опасность не настолько велика, как ее показывает Рудин. Временная утеря сил у магов, равно как и усиление низших элементаров и знахарей, тоже не были катастрофой, но Рудин додумался сгрести все мелкие неприятности в одну кучу и практически на пустом месте раздуть такую проблему, что большая часть магов от испуга почти утратила способность критически мыслить.

Уже в зале заседаний Эльдар узнал, что к делу приложил руку его давний знакомец Томаш, светило европейской магии — и тогда рассыпанная головоломка собралась в целую картинку. У Томаша появился очень крупный заказчик с огромными деньгами, заказчик-человек, которому пришла в голову блажь обрести магические способности. Просто так, с пуста места, никто не дал бы разрешения на исследование механизма формирования мага из человека, но теперь, когда в воздухе отчетливо запахло зрадой, как выражался Коля, маги были готовы на все.

Эльдар спорил так, что охрип. Гамрян несколько раз порывался усадить его в кресло, пробовал вывести из зала заседаний — Эльдар не сдавался. Тридцать пять эндор на всю Европу, с учетом того количества народу, которое туда пожаловало в прошлом году — статистическая погрешность, которой не стоит бояться, говорил Эльдар, и на него смотрели так, словно само количество эндор было страшнее любой атомной войны и конца света. Шестьдесят пять тысяч пропавших без вести? С чего вы решили-то, что они вернутся по воле воскресителей мертвых? Почему их исчезновение обязательно связано с магией, а не, грубо говоря, с обычным человеческим криминалом? Проституция, работорговля, продажа органов, тривиальная бытовуха — почему нет? В этот момент начинался переход на личности, и Эльдару нехитрым и доступным языком объясняли, кто он есть и как именно от своих родителей произошел. В итоге Эльдар устал спорить, сел у окна и хмуро открыл какую-то из соцсетей на смартфоне, к полному удовольствию Гамряна.

Кому-то в Европе, очень большому и важному, необходим четко работающий механизм обращения человека в мага. Напуганный неминуемой войной с неизвестным, но могущественным противником Совет проголосует почти единогласно, и Катю отдадут Рудину на опыты.

Катя... Эльдар украдкой смотрел на нее — он всем сердцем, до болезненной алчности желал хотя бы улыбнуться этой бледной серьезной девушке в строгом костюме не по росту: дескать, не дрейфь, где наша не пропадала — но в то же время понимал, что это на корню загубит тот замысел, который начал зарождаться у него в голове. Для всех дело должно было выглядеть так и только так: Эльдара не интересуют никакие эндоры Кати, у него своих хлопот полон рот. Когда заседание закончилось, Эльдар вышел из зала, даже не оглянувшись в сторону обмякшей в кресле девушки, возле которой хлопотал голем с платочком и нашатырем.

У него было занятие намного интереснее.

Утром следующего дня автомобиль Рудина с несколькими машинами сопровождения покинул двор исследовательского центра. Эльдар к этому времени уже успел подготовить все необходимое и ждал возле одного из перекрестков, где движение было таким, что Рудин рисковал застрять там минут на пять, не меньше. Эльдар считал, что этого времени больше, чем достаточно.

Посвящение в главу региона дало ему возможность выхода на совершенно новый уровень работы. Сейчас, сидя в простенькой малолитражке, арендованной за такие смешные деньги, что было неловко вспоминать, Эльдар неторопливо перебирал нити вероятностей, создавая колодец в пространстве. Если бы кто-то сказал ему, что однажды он будет собственноручно строить колодец и не испытывать при этом абсолютно никаких затруднений, Эльдар, пожалуй, рассмеялся бы или покрутил пальцем у виска — этот обряд был под силу лишь группе магов, но вот ведь как вышло, сейчас он с легкостью необыкновенной прокладывает туннель в пространстве и не чувствует ровно никаких трудностей и проблем.

Когда Рудин и его свита подъехали к перекрестку и вполне предсказуемо встали в пробку, Эльдар уже закончил свой колодец. Кончики пальцев жгло: все-таки пока ему не хватало навыка для такой сложной работы, но Эльдар полагал, что это дело наживное. В ближайшее время им с Катей предстоит много путешествовать, и мастерство в построении туннелей вырастет, как на дрожжах. Эльдар всмотрелся — Катя сидела в пассажирском кресле рядом с Рудиным, смотрела на дорогу, и ее аура рассыпала во все стороны пригоршни тусклых зеленых брызг. Тоска и усталость.

Ну ничего. Скоро все изменится.

Малолитражка медленно и осторожно выехала с импровизированной стоянки: выбирая

именно такую, простенькую и унылую машинку, Эльдар думал, что ни Рудин, ни кто-либо из его спутников даже не задумается о том, кто именно может находиться за рулем — ни один маг в здравом уме не выберет для передвижения представителя отечественного автопрома, это стыдно. Поэтому крошечный пульсирующий вихрь, зародившийся над крышей Эльдаровой машины заметили только тогда, когда Катя хлопком исчезла с сиденья, а нелепый автомобиль, внаглую пытавшийся встроиться перед дорогими машинами, растаял в воздухе.

Разорванный ремень безопасности шмякнулся на пассажирское кресло. В ту же минуту все видеорегистраторы покрылись серой сеткой помех, а людей в радиусе десяти метров накрыло волной режущего уши свиста.

Рудин схватился за голову: не от нахлынувшей боли — от яростного гнева и разочарования. Того, что у него из ушей течет кровь, он пока не замечал. В пятидесяти километрах от него Эльдар торжествующе улыбнулся и утопил педаль газа.

Он немного не рассчитал траекторию движения Кати в колодце — девушка приземлилась не на пассажирское кресло, а рухнула на заднее сиденье. Эльдар обернулся, оценил ее состояние и довольно кивнул: жива, здорова, скоро придет в себя и сможет отдохнуть в небольшой придорожной гостинице, где Эльдар вчера вечером забронировал номер.

Завибрировал телефон — услышав в трубке свой собственный голос, Эльдар не смог сдержать улыбки. Он потратил неделю, окутывая Лизу плотной сетью заклинаний, и теперь, когда она приняла его облик, никто не смог бы распознать подмену. Без подобной маскировки весь план Эльдара мог рухнуть, даже не начавшись. Кинувшись на поиски драгоценной пропажи, Рудин первым делом возьмется за Эльдара — а тот сидит себе спокойно в родном Велецке, гоняет персонал клуба и в мыслях не держит похищать эндору. А выхватить девушку с московского перекрестка, находясь при этом в Велецке — для такого фокуса у Эльдара руки коротки.

— Все в порядке? — осведомился Эльдар. Лиза усмехнулась.

— Отлично, — ответила она. — Знаменский уже прислал официальный запрос о твоём местонахождении.

Вот как, сам Знаменский. Рудин действовал быстро.

— А ты что?

— Поговорила с ним по скайпу. Он остался доволен. Слушай, — Лиза сделала паузу и спросила: — Ты действительно отдашь мне клуб?

Эльдар хмыкнул, сворачивая с трассы к гостинице. На стоянке рядом почти не было машин, и он невольно этому обрадовался.

— Да, отдам, — сказал он. — Не забывай обновлять сеть. Каждое утро, в семь. И клуб твой.

Он не видел Лизу, но почему-то чувствовал, что она улыбается — довольно прищурив глаза, словно сытое животное.

Когда Катя открыла глаза и увидела светло-бежевые стены, задернутую цветастую штору на окне и маленькую лампу на прикроватном столике, то подумала, что каким-то образом провалилась в прошлое — почти в таком же простеньком гостиничном номере она с одноклассницами останавливалась во время школьной поездки в Питер. Потом пришла ломота в затылке, вязкая тошнота и ощущение падения в глубокий темный колодец — там на дне плескалась ледяная вода, и Катя продолжала лететь вниз, а вода отдалялась, и жажда, царапавшая горло, становилась все сильнее...

Сквозь очертания гостиничного номера проступили тени огромных деревьев, и Катя как-то отстраненно подумала: либо она научилась видеть сквозь стены, либо вчерашний эксперимент Рудина свел ее с ума.

— Тихо, Кать, тихо, — услышала она голос Эльдара откуда-то сбоку и едва не вскрикнула от радости. Эльдар был с ней, Эльдар был рядом, и значит можно надеяться, что все

будет хорошо.

— Что со мной? — спросила Катя и не услышала своего голоса. Она провела ладонью по покрывалу, стараясь поймать руку Эльдара, но нашла только пустоту. Покрывало и кровать теряли плотность и объем, становились призрачными, способными растаять от дуновения ветра.

— Ты падаешь, — откликнулся Эльдар. — Рудин что-то успел с тобой сделать?

— Да, — промолвила Катя. — Он вчера ставил какую-то сеть...

Эльдар выругался — очень крепко и зло. Катя ощутила его пальцы на груди — он расстегивал ее рубашку. Вчера Рудин щедро смазал ожог какими-то мазями с запахом болотных трав, но сейчас боль вернулась, и Кате казалось, что с нее сдирают кожу.

А потом все ушло — и жгучая боль в груди, и ощущение падения. Гостиничный номер пропал, словно его и не было; Катя обнаружила, что стоит среди цветущего ромашкового луга. По бескрайнему синему куполу неба проплывали легкомысленные пряди облаков, ветер пах мятой и медом, и крупные пчелы, трудолюбиво перелетая с цветка на цветок, деловито гудели о том, что наступило лето. Откуда-то справа доносилось веселое журчание воды — Катя пошла на звук и обнаружила бойкий ручеек. Беспечный, свободный, он бежал куда-то вперед, и Катя видела, как текущая вода то встречала преграду в корнях трав и цветов, вскипая горстью крупных и мелких пузырей, то продолжала вольный бег, унося куда-то вперед лепестки ромашек, мелкий сор и травинки.

Немного помедлив, Катя побрела вдоль ручья — просто потому, что на душе было очень хорошо, когда она шла вот так, тихо, не торопясь и ни о чем не думая. Руки двигались словно бы по своей воле, срывая ромашки и сплетая венки, в точности такой же, как тот, который давным-давно унесла вода другого ручья в совсем других краях. Когда венок был готов, Катя водрузила его на голову, и ее словно мягко, но решительно толкнули в плечо: она увидела, что ромашковый луг остался далеко позади, а ручей превратился в небольшую речку — Катя стояла у тихого омута с поваленным в него замшелым деревом, возле которого скользило множество жучков, рассыпая рябь по воде.

Полностью обнаженная девушка в таком же венке, как у Кати, поднялась из воды совершенно бесшумно — только что ее не было, и вот она уже сидит на дереве и с испуганным интересом рассматривает Катю. Из воды так же тихо показалась вторая девушка, на первый взгляд сестра-близняшка первой, с такими же рыжими волосами до пояса, бледным темноглазым личиком и маленькой грудью. В венке на ее голове ромашек не было — только папоротник и кровавые брызги клевера.

Все, что случилось потом, уложилось буквально в несколько секунд — но за это время вторая девушка успела соблазнительно улыбнуться, Катя, ощутив какое-то сонное оцепенение, увидела жемчужную россыпь человеческих черепов и костей на дне омута, среди водорослей и ила, а с неба рухнул бурлящий огонь и вибрирующий низкий рев. По спине ударила тяжелой волной горячего ветра. Катя свалилась в траву, девушки, пронзительно заверещав от страха, исчезли в воде, мелкие лепестки пламени закудрявились, охватывая поваленное в воду дерево, а земля рядом с Катей задрожала.

Когда, наконец, стало тихо, жар исчез, а странный кислый запах перестал царапать ноздри, то Катя осмелилась поднять голову и осмотреться. Прямо над ней нависало огромное изжелта-белое брюхо, покрытое блестящей мелкой чешуей, а чуть поодаль Катя увидела распластавшийся на земле хвост, усеянный грязными крючьями шипов. Она даже испугаться не успела — нырнувшая под брюхо уродливая темная лапа с множеством когтистых мосластых пальцев осторожно подхватила ее за плечо и потащила по траве.

Довольно вздохнув, меречь плюхнулась на землю, отпустила Катю, и одна из голов опустилась на лапы и сонно прикрыла глаза, а вторая фыркнула, выпустив из ноздрей тонкие струйки пара. Сейчас, в своем подлинном виде, меречь производила действительно потрясающее впечатление. Катя смотрела на дракона, не в силах отвести взгляда, и в голове у нее было пусто, словно кто-то провел тряпкой по исписанной доске и стер все мысли, слова и эмоции. В эту минуту во всем мире были только уродливая громадина двуглавого ящера и Катя, маленькая, жалкая, перепуганная до икоты.

По телу меречи пробежала волна дрожи. Съежились раскинутые перепончатые крылья, жирный лоснящийся хвост в последний раз ударил по траве и растаял, правая голова кинулась за шею левую, и обе растворились в туманном мареве. Вскоре от ящера не осталось и следа — Эльдар вздохнул и распластался по земле, блаженно раскинув руки. Катя бросилась к нему, упала рядом и, зажмурившись, уткнулась лбом ему в плечо.

— Я так тебе кричал..., - хрипло промолвил Эльдар через несколько минут. — Это же русалки, Кать. Затянули бы и привет...

Катя слушала его и не слышала.

— Кать, ты как?

— Нормально, — ответила Катя и не узнала своего голоса — мягкого, вкрадчивого, полного каких-то глубоких медовых ноток. Эльдар осторожно сел на траве: сейчас, глядя на него, Катя испуганно подумала, что он стал удивительно уродлив — все его лицо, серое, осунувшееся, казалось, состояло из углов. Пожалуй, так он мог бы выглядеть после нескольких дней в могиле. Эльдар ухмыльнулся.

— Красавица и чудовище, — заметил он. — Мы очень далеко от дома, Кать. Я думаю..., - голос сорвался в сип; Эльдар прокашлялся и продолжал: — Рудинские опыты запустили механизм связи с хозяином книги. Тебя утянуло в Параллель, Кать.

Катя молчала, задумчиво накручивая на палец травинку. Удивиться бы — но после всего, что случилось с ней за полгода, она, кажется, утратила способность удивляться чему бы то ни было.

— Мне повезло, — сказала она, — что ты оказался рядом...

Эльдар пожал плечами.

— Да нет, вряд ли это везение, — заметил он и, заслонив ладонью глаза от солнца, стал вглядываться куда-то вперед. На горизонте, там, где травяные волны захлестывали бледное выцветшее небо, неторопливо двигались крылатые серые тени — то ли живые существа, обитатели этих мест, то ли причудливые облака. Тени были не одиноки: на самом краю горизонта маячили алые искры: они прыгали то вверх, то вниз, становились крупнее и ярче, и вскоре Катя увидела, что это красные флажки на копьях всадников.

Почему-то теперь ей снова стало страшно. Катя вцепилась в запястье Эльдара и сдавленным шепотом спросила:

— Кто это?

Эльдар безразлично пожал плечами.

— Люди Кадеса, я полагаю. Слуги владельца книги.

Все тело Эльдара болело так, словно он попал, по меньшей мере, под поезд. Конечно — попробуй-ка помаши крыльями в облике меречи. Дракон, круживший над эндорой и периодически выпускавший ленты огня, действительно заставлял трепетать — разумеется, Эльдар мог остаться в человеческом облике и ехать вместе с Катей в небольшой повозке с алыми шелковыми стенками, расшитыми золотом, но решил, что огромный ящер, одновременно грациозный и пугающий, похожий на черную фигурку на гербе, заставит воспринимать и Катю, и Эльдара максимально серьезно.

Ну вот и довыпендривался. Хотя встречавшие их смуглые люди в бронзовых доспехах оценили его задумку, чуть не попадая от страха с лошадей. Лица всадников были совсем человеческими — исключая гроздь мелких шупалец под горбатыми носами, так что определенный трепет был взаимным. Впрочем, Катя довольно быстро взяла себя в руки — когда повозка в сопровождении всадников въехала в ворота замка, и командир отряда, самый носатый и уродливый, помог Кате спуститься на землю, эндора была совершенно спокойна.

Зато потом, когда служанка в пестром халате, не переставая кланяться, привела Эльдара и Катю в гостевые покои, самообладание покинуло девушку. Обессилено распластавшись на огромной мягкой кровати среди горы разноцветных одеял и подушек, Эльдар краем

уха слушал ее причитания и думал: Господи, скорей бы сдохнуть.

— У них же щупальца под носом...! Ты видел, видел?

— Видел, — откликнулся Эльдар. Из разлитой по всему телу боль постепенно концентрировалась в груди и плечах. Пожалуй, Гамрян, когда-то давно советовавший ему пойти в компании с Лизой на бальные танцы, был прав: хоть какая-то физическая подготовка для бизнесмена, который тяжелее ноутбука ничего не поднимает и передвигается в основном на машине.

— А Кадес? — Катя села рядом, бездумно положила на колени красную подушку с синими кистями по углам. — Он такой же?

Эльдар пожал плечами и тотчас же сморщился от очередной волны боли, принявшейся выкручивать суставы.

— Не видел.

Катя села рядом, и Эльдар увидел, что она дрожит. Он улыбнулся — даже улыбка сейчас вызывала боль — обнял девушку и негромко сказал:

— Какой бы он ни был, я тебя в обиду не дам.

Шмыгнув носом, Катя провела ладонью по щекам и промолвила:

— Съешь?

Эльдар прислушался к себе и убедился, что голоден.

— Обязательно, — произнес он и, когда давешний командир отряда вошел в комнату и с низким поклоном пригласил следовать за собой, то Катя была действительно спокойна. То ли поверила Эльдару, то ли решила, что в компании с ним можно бояться только его самого.

Их долго вели сперва вниз по лестницам, затем какими-то темными сырыми коридорами; Эльдар, поглядывая по сторонам и прикидывая возможности для побега, драки или внезапного нападения, заметил, что волглые стены местами покрывает какая-то желтоватая слизь и брезгливо подумал, что коридоры замка похожи на кишки огромного чудища. Резко пахло чем-то кислым, и неприятный запах усиливался. Катя взяла Эльдара за руку — ее пальцы были очень холодными, и впервые за все время, проведенное в Параллели, Эльдар отчего-то ощутил укол чувства, отдаленно похожего на страх. Должно быть, потому, что сейчас Катя не была собой — той славной девушкой, спасение которой вошло у Эльдара в привычку. Рядом с ним шла эндора. Владычица сил, внушавших ужас любому.

Потом сырые коридоры неожиданно кончились — сопровождающий вывел их в огромный зал. Здесь было много солнца и света; широкие окна плавно сливались с крышей, и становилось непонятно — то ли облака плывут рядом, то ли это пар, поднимающийся от воды в гигантском бассейне. В зале было душно и влажно; на Кате и Эльдаре моментально промокла одежда.

Зал с бассейном был пуст. Катя огляделась, отбросила за спину закудрявившиеся от сырости локоны и негромко спросила:

— Эльдар, что делать-то?

— Не знаю, — пожал плечами Эльдар и посоветовал: — На всякий случай держись у меня за спиной. Прикрою, если какой кипиш.

Катя хотела было что-то ответить, но вода в центре бассейна вдруг закружилась и вскипела, и эндора, сдавленно ахнув, стиснула руку Эльдара настолько сильно, что он сдавленно зашипел от боли. Откуда-то из-под воды донесся низкий гул — Эльдар не сразу понял, что это голос живого существа, а потом из бассейна ввысь ударили фонтаны воды, и показалась голова.

Катя взвизгнула. Гигантская безглазая башка была увенчана чем-то вроде ржавой

короны. Эльдар смотрел, не в силах отвести взгляда, и где-то на задворках сознания металась слабая мысль о том, что они с Катей сейчас умрут, а он ничего не успеет сделать. Он смотрел: бугристые плечи, покрытые темной гладкой кожей, тугие канаты мышц, две пары рук — Кадес был одновременно непостижимо чудовищным и прекрасным.

Эндора издала негромкий стон и осела на пол без сознания. Эльдар подумал, что она легко отделалась.

Глава 9

Входя в компании Рудина в административную зону «Picasso», Гамрян думал, что Эльдар допрыгался, и сейчас ему вряд ли можно помочь. Эндору похитили буквально из рук у Рудина; разумеется, он ни на миг не поверил в то, что Эльдар не имеет к этому отношения, и все заверения Знаменского, который буквально через четверть часа говорил с Эльдаром и подтвердил его личность и нахождение в Велецке, его не убедили.

Господин гхоул Совета сейчас был бледен и разъярен до крайности. Гамрян опасался, что Рудина хватит удар, и, когда они вошли в кабинет директора, а изумленный Эльдар поднялся из кресла к ним навстречу, его опасения стали вполне реальными — на щеках Рудина расцвели некрасивые пятна румянца, а правый угол рта оттянуло книзу.

— Добрый день, — произнес Эльдар с такой язвительной ухмылкой, что Рудин сжал кулаки. Он почти сразу овладел собой, но Гамрян на всякий случай приготовил сдерживающее заклинание. Конечно, его вряд ли хватит надолго, но все-таки можно надеяться, что дело обойдется без трупов.

— Где. Эндора. — прошипел Рудин. Он готов был размазать Эльдара по стенке и не нуждался в поводах — разодрал бы на клочки и испытал невероятное наслаждение. Эльдар невозмутимо пожал плечами.

— А я откуда знаю? Прощелкал девчонку, а я виноват? — он сел обратно в кресло, сложил руки на животе, и с каким-то странным презрением уставился на Рудина. — Знаменский звонил уже. Сказал, что господин гхоул изволили шумно обделаться на всю страну. Шумно и с брызгами. Да что Знаменский, его шеф в гневе...

Гамрян смотрел на Эльдара и не понимал, что именно неправильно в его старом приятеле. Вроде бы все было так, и высокий некрасивый человек в дорогом костюме был тем самым Эльдаром Поплавским, которого когда-то давно Гамрян вернул с того света — и что-то было не так. То ли наглость, с которой Эльдар осыпал Рудина градом ядовитых уколов, то ли золотистые нитки в ауре: Эльдар почему-то организовал себе дополнительную защиту. Но от чего?

Рудин прошел по кабинету, схватил Эльдара за грудки и выдернул из-за стола — сейчас он хотел убивать. Отквитаться за свою утреннюю потерю, за дерзкий зимний побег от трибунала, за все... Гамрян вскинул руки, и по его пальцам пробежали мелкие синие огоньки — сеть-ограничитель была готова к броску.

— Сергей Петрович, — предупреждающе окликнул Гамрян, но Рудин его не услышал. Кулаки, сжимавшие воротник Эльдара, побелели.

— Я спрашиваю в последний раз, — прошипел гхоул. — Где эндора? Мне наплевать, как именно ты это провернул. Где Дубцова?

Эльдар одарил его широкой белозубой улыбкой, и Гамрян, увидев эту улыбку, похолодел. Сеть задрожала и едва не растаяла. Кем бы ни был человек, которого сейчас тряс Рудин, Эльдаром он не был. Маскировка оказалась на диво хороша, вот только готовя ее, Эльдар упустил из виду крохотную деталь.

Правый верхний клык у настоящего Эльдара выдавался вперед и был крупнее остальных зубов — видимо, дань оборотнической природе. Эльдар, который сейчас болтался в руках Рудина, обладал идеальной улыбкой без каких-либо примечательных деталей.

Слава богу, подумал Гамрян, что Рудин этого не знает.

— Сергей Петрович, — твердо позвал он снова. — Отпустите его.

Рудин чуть повернул голову в сторону Гамряна и глухо откликнулся.

— Нет. Теперь уже нет.

В следующий миг в кабинете с легким хлопаньем развернулся колодец между мирами, и Рудин утянул Эльдара в сверкающее сиреневое марево. Гамрян успел лишь коротко вскрикнуть — колодец захлопнулся, и свечение угасло, оставив после себя едва

уловимый запах озона.

Гамрян почти без сил опустился на диванчик. Кем бы ни был тот, кто представлялся Эльдаром, ему оставалось только посочувствовать. Разъяренный Рудин вытянет из него правду — и не будет ограничивать себя в методах. Тяжело вздохнув — то ли в кабинете почему-то не хватало воздуха, то ли сердце решило заявить о себе — Гамрян вынул смартфон и выбрал номер Лизы. Бывшие супруги могли ломать комедию перед всеми, но Гамряна их шумный и пафосный разрыв не обманул ни на миг.

— Абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети, — бодро сообщил электронный голос. — Абонент...

Гамрян устало откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

Падение в колодец было быстрым и завершилось на полу кабинета в загородном доме Рудина. Эльдар, которого крепко приложило затылком о паркет, сдавленно шипел и матерился. Рудина, который удержался на ногах, изящно подпернул рукава и осведомился:

— Ну? И кто ты?

Эльдар поднялся, с болезненной миной потер затылок и, обнаружив кровь на пальцах, буднично сообщил:

— Ты, господин гхоул, псих, каких мало.

Рудин хмыкнул. Отошел к бару, плеснул минералки в стакан и провел ладонью над водой, тотчас же налившейся зловещим зеленоватым свечением.

— Я уже не спрашиваю, где эндора, — сказал он. — Где Эльдар?

— Глаза разуй, — мрачно посоветовал Эльдар. — Или протри.

Путешествие через колодец далось ему нелегко: он тяжело дышал, а на висках выступили крупные капли пота. Рудин довольно осклабился.

— Сколько ты вешишь? — поинтересовался он. — Килограмм пятьдесят, не больше?

Эльдар посмотрел на него, как на скорбного разумом. Снова дотронулся до затылка — при падении он рассек кожу на голове, и та боль, которую он испытывал сейчас, заставляла Рудина улыбаться — ухмылкой сытого и довольного хищника.

— Смирнов-то крупный мужик, — сообщил Рудин. — Восемьдесят килограммов в нем точно есть. Что, не думали, что мне придется его поднимать?

Вода в стакане забурлила с низким неприятным гулом. Лицо Эльдара исказило странной гримасой, и он отступил назад.

— Бефельская кислота, — Рудин взвесил стакан на ладони. — Растворяет любой наведенный морок. И рожу заодно. До костей. Заклятия спадут, а мучения останутся. До конца жизни, и вряд ли она будет особенно длинной.

Эльдар опустил глаза и нервно сглотнул. Рудин довольно улыбнулся и сделал шаг к нему, ласково покачивая стакан в ладонях. Кислота дрожала и переливалась всеми оттенками зеленого.

— Не надо, — негромко произнес Эльдар. — Давай поговорим спокойно.

Рудин кивнул, но стакана не убрал.

— Хорошо. Кто ты на самом деле?

Эльдар закрыл глаза и совершенно по-женски, жалобно, шмыгнул носом.

— Елизавета Поплавская.

Рудин весело ухмыльнулся. Дело начало принимать интересный оборот.

— Вы же с ним, говорят, разбредались в пух и прах? — приблизившись, он мягко взял Лизу под локоть, преодолев внутреннюю брезгливость — практически всегда Рудин был истинным джентльменом в общении с женщинами, но все-таки мужская физиономия заставляла его ежиться — и повел к дивану.

— Для вида, — сказала Лиза, усаживаясь и не отводя взгляда от стакана с кислотой. — Переписал на меня «Picasso» за то, что я побуду им какое-то время. Но на кислоту я не подписывалась. Я человек алчный, но не до такой же степени.

— Хорошо, — кивнул Рудин, сев рядом. — У тебя репутация в крайней степени здравомыслящей женщины, Лиза. Я рад, что она подтвердилась... в очередной раз. И где сейчас Эльдар?

— Я не знаю, — ответила Лиза и тотчас же нервно добавила, заметив, как угрожающе качнулась кислота в стакане: — Я отследила их до гостиницы на трассе, а потом обрыв всех нитей *здесь*, — пожав плечами, она закончила: — Скорее всего, они ушли в Параллель. Это единственное, что я могу предположить.

Кровь из ссадины на затылке продолжала сочиться; Рудин протянул руку к голове Лизы и, проведя пальцем по стесанной коже, залечил рану. Если меречь и эндора ушли в Параллель, то было бесполезно что-то делать, даже волноваться по этому поводу — здесь их уже не достать. Рудин вздохнул.

— Они вернутся там, откуда ушли? — спросил он. Лиза кивнула.

— Скорее всего. Это технически проще... насколько я знаю принципы Параллели.

Рудин не стал спрашивать, сколько у него осталось времени. Оцепить ту забегаловку так, чтобмышь не проскочила, нагнать и магов, и обычных человеческих ментов — и стрелять на поражение, как только замаячит хоть тень Эльдара. Это эндора нужна живой, а с магом-оборотнем церемониться не стоит. Организовать это — дело четверти часа.

Скопившаяся гневная тяжесть долгого дня давила под сердцем. Требовала выхода.

— И как снять эту личину? — поинтересовался Рудин. Лиза пожала плечами, усмехнулась — эта женская кокетливая усмешка на мужской физиономии была настолько противоестественной и неприятной, что Рудин невольно поежился.

— Поцелуй истинной любви, — с какой-то неожиданной, странной грустью промолвила Лиза. — Слышал о таком заклинании?

Рудин откинулся на спинку дивана и расхохотался. Если все темные и неопределенные слухи о долгих и странных отношениях Лизы и Эльдара — правда, то ей предстоит ходить в мужском обличье до конца дней своих. Никакой истинной любовью там никогда и не пахло.

— Древняя магия, — сказал он, отсмеявшись. — Очень древняя. Любовь сильнее колдовства, и этого нельзя недооценивать.

Она странно пахла — теперь, получив ответы на свои вопросы и относительно успокоившись, Рудин улавливал легкий флер зеленого чая, пробивавшийся сквозь мужской запах, и эта смесь вызывала в нем непривычное тягучее томление. Осторожно поставив стакан с кислотой на пол — Лиза тотчас же вздохнула с облегчением — он придвинулся к ней и, помедлив, мягко взял ее лицо в ладони. Сейчас Лиза была как туго сжатая пружина; Рудин закрыл глаза и поцеловал крепко стиснутые губы.

Сперва ничего не произошло, и он успел испугаться, брезгливо ощутив клубок тошноты, подступивший к горлу, но потом по кабинету словно пробежала теплая волна, и лицо в его ладонях стало мягким, девичьим, утратило резкую остроту мужских черт. Запах зеленого чая нахлынул и оглушил; по пальцам Рудина зазмеились рыжие кудрявые волосы, и сдавленный стон, который издала Лиза, был женским. Ей было больно, очень больно: снятие чужих заклинаний такой силы — весьма трудная и неприятная вещь, особенно для того, на кого они наложены. Тонкая рука скользнула по груди Рудина, желая не то оттолкнуть его, не то наоборот, притянуть к себе.

Рудин отстранился от Лизы и, открыв глаза, с удовольствием убедился, что превращение свершилось: рядом с ним сидела перепуганная и измученная девушка, утопавшая в мужском костюме.

— Больно? — почти заботливо спросил он, протянул руку и стер слезинку, пробежавшую по правой щеке Лизы.

— Как ты снял заклинание? — вопросом на вопрос ответила Лиза. Рудин ухмыльнулся и потянул за узел галстука.

— Подо мной земля горит, милая моя, — галстук, отброшенный в сторону, свернулся на ковре полосатой змеей. — Я в таких условиях не то, что тебя — черта лысого полюблю истинной любовью.

Она попробовала встать, но банально запуталась в своих тряпках не по размеру. Хищно ухмыльнувшись, Рудин толкнул Лизу на диван и рванул на ней рубашку — пуговицы брызнули в стороны и раскатились по полу, а Лиза взвизгнула и попробовала вырваться, но Рудин, навалившись сверху и вдавив ее в диван всем своим весом, негромко произнес:

— Не кричи. Тут на десять километров никого, кроме нас. И не дергайся, больно будет.

Девушка послушно перестала трепыхаться. Рудин выпрямился и стал неторопливо расстегивать рубашку. Яростная горечь и злоба, дрожавшие внутри, хотели выплеснуться прочь, и Рудин понимал, что сдерживаться дальше нет смысла. По лицу Лизы снова скатилась слезинка, потом вторая, и Рудин подумал, что ему это нравится. Очень нравится.

— Я тебя либо трахну, либо убью, — с совершенно холодными будничными интонациями сообщил он. — Мне все равно, выбирай сама.

— Это трибунал, — зажмурившись, прошептала Лиза. Она была права, но Рудину сейчас не было никакого дела до возможных последствий.

— Да наплевать на трибунал, — сказал он, бросив рубашку на пол. — Я сам трибунал.

Лиза всхлипнула. Сползла с дивана и принялась выбирать из чужой одежды. Когда она, обнаженная и дрожащая от испуга, подошла к нему вплотную, то Рудин поймал ее за руку и поцеловал холодное запястье.

— Умница, — одобрительно произнес он. Радость, заполнявшая разум, была острой, холодной и яростной. Повинуясь мысленному приказу хозяина, от ауры Рудина зазмеилась тонкая алая нить и обхватила руку Лизы изящным витым браслетом, закрепляя связь хозяина и его собственности. Лиза посмотрела Рудину в глаза, и в ее взгляде не было ничего, кроме недоумевающей растерянности жертвы перед охотником.

— Внакладе не останешься, — заверил Рудин и потянул свою добычу к себе.

— Это будет бефельская кислота, — сказал Эльдар, аккуратно вынимая полный кофейник из кофеварки. Свежий напиток издавал просто умопомрачительный аромат: уж что-то, а в выборе хорошего кофе Эльдар разбирался лучше всех Лизиних знакомых. Лиза опустила на высокий табурет, положила ногу на ногу и подумала о том, что напрасно бросила курить и, пожалуй, к старой привычке пора вернуться. — Я тебя уверяю, он никогда не блефует и пустит ее в ход. Не доводи до греха, сразу ему обо всем рассказывай. И я тебя очень прошу, даже не вздумай дать ему отпор! Сеть на его доме блокирует любую боевую магию, тебя просто разорвет.

Аромат кофе шершавым языком лизнул ноздри. Придвинув к себе кружку, Лиза осведомилась:

— А если он со мной расправится потом? Узнал правду и привет, на кой я ему нужна?

Эльдар только отмахнулся.

— Не расправится. Он, конечно, садист и урод, но убивать тебя не станет.

Лиза отпила кофе и не почувствовала вкуса. Эльдар подошел к окну и несколько долгих минут смотрел на спящий Велецк, раскинувшийся под ними. Кругом бурлила и цвела весна, и Лиза всем телом чувствовала движение потаенных течений природы — чувствовала и не могла справиться с ощущением странной потерянности. Она словно заблудилась в мире и не видела дороги назад.

— Механизм снятия заклинаний? — спросила она просто для того, чтобы разговор не прерывался. Эльдар усмехнулся.

— Если тебя поцелует мужчина, то сеть рассыплется, — он залпом выпил кофе и наполнил чашку снова. Камень меречи требовал топлива. — И вот я отсюда вижу, что Рудин захочет истории с продолжением.

Лиза брезгливо скривила губы. Она всегда считала, что цель оправдывает средства, но сейчас ощутила мгновенное омерзение. Темные слухи, ходившие о Рудине, внушали ей однозначные опасения за свою жизнь.

— Потом он наденет на тебя *браслет Коваччи*, — Лиза издала гневное и протестующее «Ну знаете ли..!», и Эльдар предупредительно вскинул руку: — Подожди, тут есть одна тонкость.

— Ты спятил, — мрачно сообщила Лиза. Кофе приобрел горькие нотки. — Мало подложить меня под Рудина, надо еще и в рабство ему продать?

— Да не рабство, — отмахнулся Эльдар. — Без браслета у него ничего не получится, — он усмехнулся и добавил: — А тонкость вот какая...

Лиза и сама не знала, почему тогдашний разговор с Эльдаром всплыл у нее в голове во всех подробностях именно теперь, когда она была максимально беззащитной, и Рудин при желании мог читать ее мысли, словно раскрытую книгу. За окнами хлестал дождь, ранние сумерки запеклись в комнате, словно кровь на ране, и черемуха в саду перед домом становилась на цвет. Рудин решил не тратить время на какую-то глупую предварительную нежность: поставив Лизу на колени перед диваном, он вошел в нее грубым толчком и, помедлив несколько мгновений — должно быть, привыкая к ощущениям, начал двигаться в ней, резко, глубоко и напористо. Жесткая сильная рука так впилась в Лизино плечо, что грозила раскрошить сустав, но хуже физической боли было то, что Лиза чувствовала себя вещью, неодушевленным предметом без собственных чувств и воли. Видимо, в этом и заключалась магия браслета — в абсолютной и ничем не ограниченной власти над человеком, и Лиза не знала, чего хочет: то ли того, чтобы Рудин остановился, потому что, в конце концов, это было унижительно и гадко, то ли чтобы он продолжал, и эта пытка, в которой сквозь муку стало пробиваться вполне отчетливое наслаждение, не заканчивалась...

...Потом, когда Эльдар закончил рассказ, Лиза вздохнула, в очередной раз пожалев об отсутствии сигарет, и спросила:

— Этим все и кончится? Ты опять спасешь свою эндору, а я снова утрюсь и пойду куда подальше?

Ей хотелось плакать — у Эльдара на лице было написано, чего именно он ждет, предлагая свой план. Ему в итоге достанется счастье с любимой женщиной, Лиза получит богатого покровителя, потому что всю жизнь искала, к кому бы прилепиться, а о таком сердечном друге, как господин гхоул Совета можно только мечтать. Лиза подумала, что сейчас встанет, даст Эльдару пощечину и уйдет, уедет в Турьевск, и пусть он сам разбирается со своими эндорами, Параллелями и проблемами. Однако вопреки ее ожиданиям, Эльдар печально вздохнул и с искренней грустью произнес:

— Лиз, ну почему ты не приехала раньше?

Она все-таки расплакалась — слезы полились сами собой, и Лиза ничего не сумела с этим поделать. Эльдар подошел к ней, обнял, прижал к себе так, что она с трудом могла дышать, и негромко, но отчетливо проговорил:

— Все упирается в деньги, Лиз. Я говорил с Томашем и перебил у Рудина заказ. Когда все закончится, мы с тобой уедем. В Турьевск, в Питер, в Прагу, куда захочешь.

Обещаю...

Тогда она поверила ему — может, потому, что всем сердцем желала поверить, но сейчас, когда пальцы Рудина безжалостно-издевательски мяли ее грудь, а в низу живота зарождалось дразнящее тепло, Лиза вдруг невероятно отчетливо поняла: тем вечером Эльдар врал — хотел использовать ее еще раз. Наверняка вся эта история с эндорой была продумана и срежиссирована им для того, чтобы максимально высоко подняться в ранге. Знающих магов в стране очень много, а вот руководить регионом — для этого надо очень сильно постараться. Вот он и постарался. И неизвестно, куда метит теперь.

Алая нить браслета на руке пульсировала и трепетала, словно по ней текла живая кровь. И, когда очередной резкий толчок Рудина прокатился по всему телу Лизы горячей волной болезненного удовольствия, она успела швырнуть в браслет маленькое, но мощное заклинание. Спустя несколько мгновений Рудин содрогнулся сзади и замер, уткнувшись горячим влажным лбом в Лизино плечо. Браслет распался и медленно потек обратно, в ауру хозяина, унося с собой дремлющие до поры до времени чары.

— Душевая в конце коридора, — сухо произнес Рудин, поднимаясь. — Приведи себя в порядок, мы уезжаем через полчаса.

Должно быть, перед этой скромной дорожной гостиницей никогда не останавливалось столько дорогих машин и полицейских автомобилей. Персонал разогнали; администратору, который попробовал уточнить, в чем, собственно, проблема, едва не проломили голову заклинанием: Рудин был зол. Очень зол. Даже верная свита старалась держаться на благоразумном отдалении — никому не хотелось попасть под раздачу.

— Да, отсюда они и сбежали, — сказала Лиза, входя в номер и осматриваясь по сторонам. Знакомое пальто, небрежно сброшенное на пол, ключи от машины на тумбочке, тоненькая кожаная куртка, принадлежавшая, по всей видимости, Кате — Лиза подошла к окну и выглянула на улицу. — По идее, здесь и появятся, колодцы очень плотно завязаны на вход-выход.

Рудин ухмыльнулся. Закрыл дверь на ключ, пнул Эльдарово пальто с таким видом, словно хотел ударить его владельца, и задумчиво потер запястье: Лиза невольно ощутила пробежавший по спине холодок.

— Ты была в Параллели? — осведомился Рудин. Лиза кивнула.

— Да, но с самого края. Мы не заходили глубоко.

— И кто ты там?

— Русалка.

Рудин вопросительно поднял бровь: он действительно был удивлен.

— Надо же, — сказал он, наконец. — А я думал, кто-то вроде гарпии.

Лиза отрицательно качнула головой и опустилась в неудобное твердое кресло. Посмотрела в сторону графина на столике — пусто.

— Там и гарпии бывают? — спросила она: из вежливости, просто играя роль покорной жертвы. Слабый как безропотная игрушка сильного — та модель, которая позволяет легко пустить пыль в глаза. Рудин кивнул. Прошелся туда-сюда по комнате, спрятав руки в карманы тонкого дорогого пальто.

— Сейчас, — с нажимом сказал он, — очень важно, чтобы ничто не помешало моему замыслу. Спрашиваю еще раз: они ушли именно здесь?

Лиза хотела было спросить, с чего это он вдруг усомнился в ее словах и почему сам не чувствует остаточных нитей от двух магов, провалившихся в иную реальность, но в итоге решила просто спокойно кивнуть.

— Да. Здесь, в этой комнате.

— Хорошо, — сказал Рудин с какой-то странной, необычной для него мягкостью в

голосе. — Я слишком много поставил на карту, видишь ли. Так значит, ты была в Параллели только с краю?

— Да, — откликнулась Лиза, не понимая, куда он клонит. Рудин снял пальто, сбросил его на смятую кровать и красивым жестом протянул Лизе руку, словно приглашал на танец. Лиза послушно встала, и Рудин притянул ее к себе и негромко, почти неслышно произнес:

— Тогда держись. И не бойся.

Некоторое время ничего не происходило, и Лиза, плотно прижатая к груди гхоула, слушала далекий размеренный стук его сердца, и думала о том, что ей не хватает воздуха. А потом неожиданно стало темно. Тьма была абсолютной, непроницаемой, не знавшей о том, что бывает свет. Лиза куда-то падала сквозь эту тьму и, кажется, кричала — умоляла Рудина не разжимать рук. Шелк рубашки, к которому она прижималась лицом, медленно менялся — грубел, обретая холодную непроницаемость металла, человеческая ладонь на плече Лизы покрывалась ледяными пластинками латной перчатки, и, когда свет ворвался во тьму, выжигая глаза, где-то далеко и рядом прозвучало влажное хлопанье тяжелых крыльев, а Лиза ощутила запах ветра чужого мира.

Крылатое существо, державшее Лизу в объятиях, скользило по воздушным потокам, то лениво ловя ветер, то срываясь в небо. Ветер то ласково покачивал их в прохладных ладонях, то безжалостно забивался в горло, не давая дышать. Голубой купол неба вставал на дыбы — а потом возвращался на прежнее место, чтобы в следующий миг снова изменить положение. Квадратики лоскутного одеяла земли внизу качались, словно земля была морем.

Пальцы Лизы скользили по влажной зеркальной глади лат в безнадежной попытке удержаться, если Рудину придет в голову блажь разжать руки и сбросить ее вниз. Кажется, Лиза кричала — до тех пор, пока окончательно не сорвала голос; кажется, откуда-то сбоку величаво выплыла выпуклая гладь моря с алыми соринками — парусами кораблей — и толстым шнуром впадавшей в него реки. Солнце, кокетливо укутываясь румяной шалью облаков, шло к закату. А потом Рудин сорвался вниз в пологом пике, и земля вдруг стала очень близко и бросилась в лицо, оглушив запахом цветущих растений, пролившегося дождя и солнечного ветра.

На какое-то время сознание Лизы помутилось — она снова стала четко воспринимать мир только после того, как человек в нестерпимо сияющих серебряных доспехах мягко опустил ее на траву и, отойдя в сторону, вскинул голову к небу, подставив лицо вечернему ветру. Закатное солнце залило его алым светом, и казалось, что серебряный нагрудник, богато украшенный резными фигурками, покрыт кровью. Огромные белые крылья медленно складывались за спиной перо к перу. Только сейчас, когда обветренное лицо нестерпимо жгло, а глаза, казалось, никогда не смогут закрыться, Лиза увидела тонкий зубастый обруч золотой короны на голове гхоула.

Рудин очень сильно изменился — стал выше ростом и шире в плечах, прежде коротко подстриженные волосы теперь свободно струились длинными темными прядями, а левую половину лица покрывала сеть причудливых шрамов, чем-то похожих на странную татуировку. Заметив, что Лиза относительно пришла в себя после перехода, он приблизился к ней и галантным движением протянул руку, закованную в шипастую латную рукавицу.

— Вставай, — произнес он. Голос изменился тоже, став бархатнее, богаче на оттенки. Где-то в его глубине извивалось обещание мучительной смерти в случае неповиновения. Опершись на руку, Лиза легко поднялась на ноги и подумала, что мучительно хочет воды. Любой, даже самой грязной и гнилой. Хотя бы в лужу лицо опустить.

— Вы очаровательны, мадам, — здоровая половина лица Рудина дрогнула в улыбке, вторая, испещренная белыми росчерками шрамов, осталась неподвижной. — Добро пожаловать домой.

Лиза жалко улыбнулась: желание погрузиться в воду становилось нестерпимым, и она почему-то знала, что Рудин прекрасно это понимает. Откуда-то сзади появился мелкий дробный звук, неприятно стегнувший по натянутым нервам, и, оглянувшись, Лиза

увидела белый отряд всадников. Серебряные латы тускло блестели в свете заходящего солнца, молочные растрепанные султаны на головах лошадей трепетали на ветру, треугольные знамена казались высунутыми окровавленными языками. Всадники приблизились и, взяв Рудина и Лизу в кольцо, дружно сняли шлемы и склонили головы.

— Приветствуем тебя, владыка, — прошелестели голоса. Рудин скользнул по ним тяжелым пристальным взглядом и произнес:

— Приветствую достойных.

Глава 10

— Ох, тысяча богов... Ну что вы, дорогая моя, что вы. Не стоит так пугаться, это всего лишь медицинская капсула. Что вы...

Катю похлопали по щекам — осторожно, но достаточно сильно, чтобы привести в сознание. Открыв глаза, она вздохнула с облегчением: безглазого многорукого исполина, поднявшегося из воды бассейна, нигде не было. Над Катей склонился невысокий пухлый человечек, одетый, как и все здесь, в красное с золотым одеяние. Его длинные седые волосы были уложены в замысловатую прическу, перевитую нитями алых бусин, а количество перстней было таким, что Катя невольно задалась вопросом, как у него не ломаются пальцы.

— Хвала тысяче богов! — воскликнул человечек и с величайшей осторожностью помог Кате подняться на ноги. — Ну, вот! — довольно воскликнул человечек, когда Катя испуганно осмотрелась по сторонам и снова не обнаружила ни следа чудовища. Эльдара, впрочем, тоже не было видно. — Я рад приветствовать вас, дорогая эндора, в своем скромном жилище. Я Кадес, хозяин здешних мест.

— Здравствуйте, — сказала Катя. — А это существо... где оно? И где Эльдар, мой спутник?

Кадес расплылся в довольной улыбке, словно Катя невольно похвалила то, что он сделал сам.

— Это не существо, — произнес он. — Оно не живое. Это медицинская капсула, я вынужден проводить в ней большую часть дня. И да, это плод моих долгих изысканий и трудов. А сейчас к его услугам прибегает и ваш друг дракон. У него, насколько я понял, сильное растяжение мышц правого крыла.

По воде бассейна пробежала легкая, едва заметная рябь, словно нечто огромное пришло в движение на дне, и Катя почувствовала, как внутренности охватывает холод. Чем бы ни было многорукое уродливое создание, живым существом или каким-то прибором, она не горела желанием увидеть его снова.

А что, если оно просто сожрало Эльдара, пока Катя валялась на полу без сознания? Можно ли доверять этому Кадесу после того, что с ней сотворила его книга?

Кадес понимающе улыбнулся и, взяв Катю под руку, вежливо, но твердо повлек ее к выходу из зала.

— Нет, вашего друга не сожрали, — весело откликнулся он. Катя услышала дробный перестук и, опустив глаза, увидела, что на ногах Кадеса надеты крохотные туфельки на высокой платформе, похожие на изящные копытца. Причудливые цветы и звери, вышитые на них, казалось, двигались и пытались убежать — но, возможно, Кате это просто почудилось от страха и усталости. — И да, мне можно доверять.

— Вы читаете мои мысли, — с неудовольствием произнесла Катя, когда высокие резные двери распахнулись перед ними с мелодичным звоном, и Кадес вывел ее в небольшой обеденный зал. Там проворные темнокожие слуги бесшумно накрывали на стол, выставляя вазы с фруктами и цветами, серебряные горшки и горшочки, от которых поднимался душистый пар, и белые фарфоровые тарелки, расписанные птицами и растениями.

— О, ни в коем случае, — покачал головой Кадес. — Это было бы попросту неприличным, дорогая эндора, неприличным и недостойным хозяина. Но у вас, простите, все на лице написано, а читать с лица дело совсем нетрудное. Однако же давайте присядем и отдадим должное трапезе. Уверю, вам понравится здешняя кухня.

Он был прав: Катя проголодалась настолько, что опустошила целое блюдо ароматного кушанья, чем-то похожего на плов — конечно, если в плов будут добавлять розовые лепестки и оранжевые зерна неизвестных на Земле растений. Один из слуг с поклоном предложил добавку, и Катя не отказалась. Кадес с искренним удовольствием наблюдал за тем, как она ест: перед ним самым почему-то стояла только маленькая мисочка с бульоном, в котором сиротливо плавал ломтик мяса в компании щепотки сушеных трав.

— Благодарю вас за угощение, — только и смогла выдохнуть Катя, когда слуги убрали тарелки и внесли чарки с дымящимся хмельным варевом и подносы с бесчисленными сладостями. Десерт источал такие умопомрачительные ароматы, что, несмотря на сытость, ей хотелось есть снова и снова. Кадес довольно кивнул.

— Сколь радостно хозяину видеть такой превосходный аппетит гостя, — сообщил он. — Я счастлив, дорогая эндора, что вам понравился этот скромный обед. Как говорят мудрецы, если доктор сыт и удовлетворен, то и больной невольно чувствует облегчение.

Катя покосилась на нетронутую мисочку с бульоном и с искренней заботой осведомилась:

— Вы плохо себя чувствуете?

Кадес печально склонил голову.

— Я умираю, дорогая эндора, — Катя издала изумленный вздох, и он промолвил: — Несколько лет назад подосланный убийца ударил меня ножом, смазанным ядом. Рана моя смертельна, и исцеления нет.

Катя действительно удивилась: Кадес не выглядел больным, тем более, умирающим от яда.

— Поэтому я и создал тот фолиант, который, попав к вам в руки, совершил все эти удивительные метаморфозы с вашей сущностью, — признался Кадес. Слуга бесшумно убрал нетронутый бульон и поставил перед господином хрустальный бокал с водой. — Только эндора, создание, подобное вам, способно управлять смертью. После того, как вы меня исцелите, я с радостью верну вас домой, не забыв и о достойных дарах.

Казалось, Катя давно утратила способность удивляться чему бы то ни было, однако теперь ее изумление было огромным и очень искренним — и удивлялась она самой себе. Человек, расположившийся напротив, был причиной всех ее бед и страданий. Хотела найти виноватого — ну вот он, сидит рядом и не отрицает своей вины. Теперь можно орать на него, кричать, что он взял и разрушил ее жизнь, даже оплеух надавать. Да что там примитивные оплеухи! — это слишком уж просто, арсенал магов был богат на нетривиальные способы выражения неприязни. Но Катя смотрела на Кадеса и не чувствовала ничего, кроме искренней жалости и желания помочь. Это ее и поражало.

— Скажите, господин Кадес, — медленно проговорила Катя. — После того, как я помогу вам, вы сможете вернуть все, как было? Лишить меня магических способностей?

Кадес посмотрел на нее с откровенным удивлением, словно всей его природе было невероятно чуждо и дико желание стать простым человеком, когда существует магия, выкинуть прочь все невероятные возможности и покинуть волшебную сказку, чтобы каждый день к восьми утра ездить на работу в набитом людьми транспорте.

Потом он, кажется, понял.

— Разумеется, — кивнул Кадес. — Разумеется, дорогая эндора. Не хочу представлять, что вам пришлось пережить, если вы добровольно отказываетесь от всего, что может дать магия. Я заберу у вас все способности к чародейству завтра утром, после того, как закончится ритуал. И сочту за честь выполнить любые другие ваши пожелания.

Катя задумчиво ковыряла двузубой вилкой кусочек ноздреватой пышной лепешки. Яркий запах ванили и клубники мягко щекотал обоняние, но недавний острый аппетит куда-то пропал.

— Нет у меня никаких пожеланий, — с горечью призналась Катя, в конце концов. — Я хочу вернуться домой и снова быть собой. Обычной Катей Дубцовой, а не эндорой.

Скрипнула дверь, и в обеденный зал резким решительным шагом вошел Эльдар. Катя невольно поежилась: она никогда не видела его настолько разгневанным. Казалось, по кончикам его коротких волос пробегают мелкие потрескивающие молнии.

— Как это мило, дорогой Кадес, — с подчеркнутой вежливостью промолвил Эльдар, садясь за стол рядом с Катей, — запихать меня в брюхо вашей барракуды. Как это, черт

возьми, гостеприимно!

Кадес примирительно вскинул руки ладонями вверх.

— Я хотел побеседовать со своей прелестной гостьей наедине, — спокойно, но очень твердо, голосом человека в своем праве произнес он. — Без вашего живого участия, дорогой друг, уж простите мне эту вольность хозяина дома. К тому же, вашей руке стало гораздо лучше, разве нет?

Эльдар медленно кивнул, словно прислушивался к себе, оценивая результаты пребывания в брюхе чудовища. Бесшумный слуга поставил перед ним высокий бокал с вином.

— Да, — сказал он. — Да, за это спасибо. Так что же вы решили?

— Я помогу Кадесу, — негромко вымолвила Катя. — Взамен он избавит меня от способностей и вернет нас домой.

Эльдар медленно повернулся в ее сторону. Катя не могла заставить себя посмотреть на него, но чувствовала, что он глядит на нее так, словно встретил впервые.

— Это моя жизнь, Эльдар, — тихо проговорила Катя. — Это моя жизнь, и я хочу прожить ее просто и без приключений. Хватит с меня магии.

От Эльдара так и веяло глухим раздражением непонимания. Катя боялась посмотреть: она знала, что он поражен до глубины души, даже разочарован. Для него лишиться магии — то же, что и руку отрубить.

Но она-то, Катя, другая.

— Я могу забрать у вас способности эндоры, — подал голос Кадес, — и сделать, например, знахаркой. Или травницей.

— Нет, — откликнулась Катя, и вряд ли она когда-либо еще ощущала подобную решимость. Кадес мягко улыбнулся и понимающе кивнул. Эльдар откинулся на спинку стула, помолчал и произнес:

— Кать, не руби плеча. Подумай.

— Вот поэтому я и хотел поговорить с ней наедине, — промолвил Кадес. — Вы слишком подавляете, друг мой. Чего вы боитесь? Что не сможете ее любить, если она станет обычной человеческой девочкой? Или что она не сможет любить вас? Ваши опасения напрасны, уверяю.

Эльдар неприятно ухмыльнулся. Катя вдруг почувствовала, как за его спиной дрогнули и зашевелились оскаленные головы меречи — невидимые, но вполне осязаемые.

— И напрасны они, в первую очередь, потому, что вы ее не любите, — продолжал Кадес, задумчиво водя пальцем по краю бокала. Резной хрусталь откликнулся тонким мелодичным звуком, будто вздыхал. — Потому что любовь — это желание блага, прежде всего, любимому, а не себе. Разве не так?

Вопрос остался без ответа. Эльдар молчал, глядя куда-то в сторону. Катя сидела ни жива, ни мертва. «Скажи хоть что-нибудь! — кричала Эльдару ее душа. — Хоть слово!» Не может ведь быть так, чтобы все, что случилось за эти полгода, произошло потому, что у него были какие-то другие мотивы, что он спасал ее, например, ради личной выгоды и никакой любви там и близко не было.

— Пройдите мимо, дорогой друг, — с искренней горечью посоветовал Кадес. — Пройдите мимо, и оставьте человеческую девочку с ее выбором и с ее счастьем.

Покосившись в сторону Эльдара — она еще не осмеливалась посмотреть на него прямо — Катя увидела браслет с серебряными драконами на его правом запястье. Как давно это было, — браслет, так и не наступивший Новый год в старой питерской квартире, их любовь, которая могла бы случиться только тогда — и как далеко отсюда, и насколько теперь не имеет смысла. Катя вдруг осознала, что скоро все действительно закончится, и

она потеряет Эльдара навсегда.

— Это не так, — глухо произнес Эльдар. — Вы не можете об этом судить. Ей лучше знать о моих чувствах.

Кадес горько усмехнулся, но ничего не сказал. Откуда-то издалека донесся хрустальный звон сотен колокольчиков, и Эльдар вдруг встрепнулся, словно его окликнули, словно этот тонкий звук предназначался лично ему.

— Могу, — сказал Кадес. — Поэтому пусть она выполнит то, для чего я ее создал, и спокойно пойдет своей дорогой. Если вы готовы, дорогая моя, то я готов тоже. Не будем оттягивать неминуемое.

Катя отодвинула нетронутую чарку и поднялась. Мысли метались, как встревоженные птицы. Она не знала, какая из них окажется единственно правильной.

Что, если Кадес прав?

Что, если без магии она не интересна Эльдару? И он забудет о ней, как только они вернутся домой — потому что, о чем, черт возьми, может говорить великий колдун со студенткой-третьекурсницей?

И разве только в разговорах дело?

— Да, я готова, — негромко, но твердо промолвила Катя. — Идемте. Эльдар, ты... ты подожди меня. Все равно домой вместе ехать.

И только сейчас она набралась достаточной храбрости, чтобы взглянуть ему в лицо — усталое, опустошенное, мертвое

— Воды..., — прохрипела Лиза. Звуки царапались в иссушенном горле и не могли вырваться; собравшись с силами, она повторила: — Воды...

И тотчас же водопад обрушился ей на голову — вода была студеной, в ней, кажется, похрустывали мелкие льдинки, но Лизе никогда не было настолько хорошо. Она встрепнулась, ожила, снова смогла воспринимать мир и увидела, что стоит напротив небольшого, но изысканного дворца. Лиза сделала несколько глубоких вдохов и уловила тонкую алую нить оставленного Рудиним следа — владыка дворца сейчас был на втором этаже, за раскрытыми окнами: оттуда доносились звуки неуловимо классической музыки, тонкие ароматы еды, звон посуды и столовых приборов, а еще выплывали легкие паутинки ауры старинных потрескавшихся фресок, экзотических живых птиц, мраморных статуй богов, наборного паркета и золотой причудливой лепнины стен и потолка.

«Красиво жить не запретишь», — подумала Лиза. Под ногами поскрипывал светло-серый гравий дорожки, словно впивался в босые ступни русалки тысячей острых зубов. Поморщившись и переступив с ноги на ногу, Лиза подняла голову и увидела костлявые шпильки тонких башенок, вгрызавшихся в алое закатное небо. Красные языки флагов жадно слизывали синеву с неба. Откуда-то издалека, со стороны пышного парка, веяло сыростью и прохладой. За деревьями клубился туман, и кто-то невидимый пробирался по дорожкам, стараясь ступать как можно тише. Человек, выливший на Лизу воду, опустил негромко звякнувшее ведро и осведомился:

— Все в порядке, мадам?

— Теперь да, — с искренним облегчением ответила Лиза. Дорога сюда полностью стерлась из ее памяти: она могла вспомнить только огромного черного жеребца, закованного в серебряный доспех и сердито сверкающего красными огненными глазами, легко вскочившего в седло Рудина, и ветер, стегавший по щекам.

— Владыка велел проводить вас в оранжереинный зал, — человек с ведром смотрел с опаской, словно боялся, что русалка начнет петь, зачарует его, и он ничего не сможет поделать, когда она разгрызет его голову и с жадностью примется выедать мозг.

— Мы хищники в своей среде обитания, — негромко промолвила Лиза, повторив фразу, когда-то сказанную Эльдаром по сходному поводу, и человек с ведром в ужасе

шарахнулся в сторону: похоже, она прочитала его незатейливые мысли. — Где этот ваш зал? Провожать меня не надо, не заблужусь.

— Прямо и направо.

Лиза неприятно ухмыльнулась, подмигнула, вызвав у человека с ведром состояние, близкое к истерике, и послушно побрела туда, куда было указано, периодически останавливаясь и отдыхая, когда особо острый камушек впивался в босую ступню. В дворцовых окнах загорались мягкие золотые огни, за стеклами двигались человеческие тени, занятые своими делами, там бурлила жизнь — теплая, сытная, готовая наполнить голодный рот горячей кровью — но Лиза решила, что первое время ей лучше попоститься. Главное, чтобы в оранжерейном зале нашлась вода, это для русалки намного важнее. А там видно будет.

Миновав ту часть здания, которая, по всей видимости, была жилым крылом — с резными балкончиками, маленькими темными окнами, витыми лесенками и статуями хищно раззявивших клювы гарпий по фронтому — Лиза вышла к огромному стеклянному куполу, за прозрачной гладью которого кипела и влажно трепетала тропическая зелень. Из оранжереи доносился негромкий плеск воды, там работал большой фонтан, и Лиза, войдя внутрь, несколько минут любовалась тем, как в воде движутся мраморные наяды и тритоны, выплескивая бурлящие ручьи из своих узорных раковин. Подхватив подол тонкого длинного платья, в которое превратился ее Эльдаров деловой костюм, заботливо подогнанный по размеру простеньким заклинанием, Лиза легко вспрыгнула на бортик фонтана и нырнула в воду.

Механизм, приводивший фонтанный комплекс в действие, остановился. Наяды замерли, последние капли упали на водную гладь из их раковин. Лиза легла на прохладное мраморное дно и подумала, что Рудин сделал правильный выбор, отправив ее сюда, а не в дворцовые покои. Вода, пропитанная тонким духом гниющих растений, была для русалки действительно королевским подарком. Мелкие красные рыбешки шустрой стайкой подплыли к Лизе и принялись смешно тыкаться шершавыми рыльцами в ее раскрытые ладони — так домашние животные выпрашивают что-нибудь вкусненькое у хозяев. Но Лизе нечем было их угостить: она осталась без ужина и имела все основания полагать, что позавтракать тоже не получится, и рыбки, покругив возле русалки, в конце концов, уплыли по своим делам.

Неизвестно, сколько времени Лиза неподвижно пролежала на дне, наслаждаясь тишиной и покоем, но, в конце концов, через эту сонную тишь стал пробиваться медленный пульсирующий звук. По запястью, на котором недавно змеился браслет Коваччи, пробежала быстрая огненная нить — ее жгучее прикосновение заставляло морщиться от боли, но в то же время восстанавливало связь с хозяином браслета, и Лиза услышала далекие-далекие слова:

— ...же у Кадеса. Соглядатаи видели, как отряд и меречь прибыли в замок. Дракон здоровущий!

— Хорошо, — если первый говоривший был ей не знаком, то уж голос Рудина она не перепутала бы ни с каким другим. — Обряд проведут в полночь, готовьтесь к выходу ранним утром. Боюсь, сегодня никому не придется спать.

Первый голос подбострастно хихикнул.

— Отдохнем после коронации, ваше величество.

Звуки иссякли, и в мире Лизы снова воцарилась глухая вязкая тишина. Вынырнув из воды, и усевшись на теплом мраморном боку морского змея, беззаботного спутника фонтанных наяд, Лиза увидела, что прежде темная оранжерея озарена мягким золотым светом — круглые жирные кхаадли, светлячки-переростки со сморщенными человеческими личиками, парили под потолком, то сбиваясь в кучу, то рассыпаясь во все стороны. Их отражения на водной глади казались рассыпанными звездами.

— Смените ваши латы на что-то более подходящее, Сергей Петрович, — улыбнувшись, посоветовала Лиза: Рудин стоял у фонтана, и шрамы на его лице сейчас были не белыми, а огненно-алыми, словно из-под кожи выступал потаенный огонь. Длинные волосы были подхвачены темной лентой. — Поплаваем.

Рудин пожал плечами.

— Плавать с русалкой? Это надо окончательно рехнуться.

Лиза снова обворожительно улыбнулась. В ее интонациях, жестах, мимолетных движениях лица — независимо от ее воли — появились нотки того древнего соблазна, который заставляет моряков с ликующими воплями бросаться в объятия голодной смерти и стирает блаженную улыбку на лице только тогда, когда русалка сгрызет ее.

— Вам ли бояться, ваше величество? — промолвила Лиза. — Вам, великому государю, повелителю небес и тверди?

Белая грудa крыльев за спиной Рудина едва заметно дрогнула. Кхаадли наверху разразились испуганными трескучими воплями, сбились в кучу, осветив фонтан, словно мощным прожектором.

— Не люблю воду, — признался Рудин, присаживаясь на бортик фонтана. Лиза пожала плечами.

— Имеешь полное право, — сказала она, раздумывая, есть ли смысл перебраться поближе. — Значит, властелин двух миров? У нас ты гхоул Совета, а здесь почти государь.

Она ожидала, что Рудин как-то накажет ее за это «почти», однако он только кивнул и равнодушно сказал:

— Осталось недолго. Эндора уже встретилась со своим создателем и попросила его о небольшой награде. Когда они разберутся со своими делами, я получу ее вместе с действующим механизмом преобразования, и новая армия мертвых магов посадит меня на трон.

Лиза не смогла удержать усмешку. Тонкую, едва заметную.

— Все детали плана нельзя раскрывать даже накануне победы. Даже друзьям, — сообщила она и решила, что теперь можно переместиться поближе. Спрыгнув с мраморной спины морского змея, Лиза тонкой свечкой повисла в воде, не касаясь дна. — Знаешь, был когда-то такой человек, Илья Мамонтов. Я не знаю его настоящее имя, но он держал в кулаке оба мира и мог их раздавить по малейшей прихоти. Да и человек ли он был? Не знаю... И он погиб — в основном, от самоуверенности. Эльдар не самый сильный маг, прямо скажем, но справился.

Рудин тихо улыбнулся, словно рассказ Лизы пробудил в нем какие-то исключительно приятные воспоминания. И в этой улыбке что-то было неправильным — она будто соскользнула на его губы с другого, смутно знакомого лица.

— Я знаю, — просто сказал он. — Илья Мамонтов был моим отцом.

Лиза издала негромкий удивленный стон. Теперь она поняла, кого именно напоминал ей Рудин все это время — венценосную тень с черным провалом на месте немолодого одутловатого лица. Парадная мантия, на мгновение появившаяся на плечах Рудина, была соткана из болотной паутины и богато украшена тускло светящимся жемчугом, сгустившимся из слез бесчисленных жертв его кровавых забав. На месте золотого обруча возникла другая корона, в которой тусклая желтая проволока скрепляла грязно-серые кости отрубленных пальцев посягнувших на престол — возникла и растаяла.

— И поэтому ты наследник двух миров, — выдавила, в конце концов, Лиза.

— Именно так, — согласился Рудин. — Я, конечно, не раздавлю оба мира в кулаке по малейшей прихоти... Но это пока.

— Но если тебе так нужна была эндора, — неторопливо проплыв по водной глади, Лиза вынырнула и устроилась на бортике рядом с Рудиным, — то зачем ты тогда организовал трибунал?

Он усмехнулся и принялся снимать латные перчатки — медленно, бережно, словно каждое осторожное движение причиняло ему нестерпимую боль.

— Ты когда-нибудь видела, как проходит казнь? — осведомился Рудин. Лиза отрицательно мотнула головой, и он продолжал: — Глава трибунала должен собственноручно наложить заклятие на приговоренного.

Перчатки с тяжелым глухим звуком упали на плиты пола. Длинные узловатые пальцы Рудина действительно были изуродованы — покрыты ссадинами и пятнами, а кожа на костяшках висела потемневшими сухими лохмотьями. Он легко взмахнул рукой, и в воздухе возник пламенеющий знак Вечного огня — Лиза ахнула, и знак тотчас же рассыпался.

— Прах к праху, — сказал Рудин. — Пепел к пеплу. Но я бы просто выбросил эндору в Параллель — а горстку золы на ее месте создать проще простого. Пришлось идти обходным путем. Я не ожидал, что наш дракон похитит девчонку с крыши.

— Никто не ожидал, — призналась Лиза. У нее до сих пор замирало сердце при воспоминании о том, как Эльдар схватил девушку и рухнул вниз. — Я так понимаю, тебе нужен секрет Кадеса?

Рудин улыбнулся — тепло, чуть ли не смущенно. Эта улыбка тоже была чужой на изуродованном лице, и она пугала намного больше призрачной ухмылки Мамонтова.

— О, Кадес, — проговорил он с такой тоскливой и темной алчностью, что Лизе невольно захотелось отодвинуться подальше. — Кадес ученый, философ... и очень упрямый ученый. Веришь ли, я не раз пробовал договориться с ним по-хорошему, но он никак не соглашался. Дескать, выдать секрет превращения человека в мага и мага — в человека — значит, подставить под уничтожение спокойную и безопасную жизнь во всех мирах. Пришлось сделать так, чтобы он стал трястись за свою шкуру, — задумчиво прикрыв глаза, Рудин запрокинул голову к стеклянному потолку. Кхаадли снова сбились в трескучую щебечущую кучку и рассыпались причудливым веером здешних созвездий. — Эндора загонит его добрую старую душу в новое тело, Кадес сделает эндору человеком, а я заберу ее вместе с тайной.

— Как интересно, — выдавила Лиза. Сейчас ей хотелось не задавать вопросы, чтобы хоть как-то разобраться в ситуации и понять, как вести себя дальше, а удрать со всех ног. Хоть в пустыню, хоть на северный полюс, лишь бы Рудин не дотянулся. Конечно, в этом не было смысла: при желании Рудин извлек бы ее и с того света. — Впрочем... впрочем, вряд ли Эльдар отдаст ее просто так.

— Знаешь, самая сильная волшебница, которую я когда-либо встречал, уже тридцать лет живет с Геворгом Гамряном, — произнес Рудин. — Вся магия Софы заключена в ее любви к мужу. Ничего больше. Дорогая моя, любовь это тоже сила, и ее нельзя недооценивать.

Лиза не улыбнулась — почувствовала, как лицо скривилось в какой-то жалобной усмешке.

— Ты прав, — выдавила она через силу. — Ты прав, да. Эльдар ее действительно любит. Любит и не отдаст без борьбы.

Рудин посмотрел на нее, как на лишенную разума. Вопросительно поднял правую бровь. Крылья за его спиной дрогнули и величаво развернулись во всю ширь, легко скользнув по воде кончиками перьев — белые, с тонкими росчерками позолоты. От них веяло сонной прохладой, той самой, которая копится в тени и безмолвии старых заброшенных кладбищ, где тишину нарушают только пляски фей да шаги ветра.

— Дурочка, — ласково сказал Рудин. — Разве я о ней говорю?

Лицо Лизы исказила горькая некрасивая усмешка.

— А о ком? Неужели обо мне?

Рудин осанисто повел крылатыми плечами, и серебряные пластины доспехов с мелодичным шуршанием рассыпались в воздухе, оставив владыку в тонком алом одеянии. Лизе казалось, что Рудин с ног до головы залит кровью.

— Конечно, — ответил он так, словно речь шла о таких элементарных вещах, которые

даже стыдно обсуждать в приличном обществе. — Думаешь, зачем я приволок тебя сюда? Кадеса я проучу за упрямство, он заслужил хорошую взбучку. А тебя предложу на обмен...

Шершавые ледяные пальцы пробежались по ее ключицам, скользнули ниже, к груди — в этом движении не было ничего, имеющего хоть какое-то отношение к желанию: так патологоанатом мог бы прикоснуться к труп, намечая, где начать разрез. Так могла бы прикоснуться смерть, чтобы отторгнуть душу от тела.

— Будь умницей, — негромко сказал Рудин, и свечение, наполнявшее шрамы на его левой щеке, медленно угасло. Лизе казалось, что мокрая ткань платья высыхает под его прикосновениями — высыхает и рассыпается. Прах к праху, пепел к пеплу. — Я не люблю убивать напрасно.

Русалка может обходиться без воды всего пять часов. Потом ее ждет смерть, хоть и быстрая, но мучительная. Лиза, которая трезво оценивала свою судьбу не партнера, но заложницы, просила Рудина только об одном: не лишать ее воды. Она сделает для него все возможное и невозможное, но ради тысячи богов, пусть он не лишает ее живительной влаги.

Государь согласился. Когда, по выражению Рудина, «небольшой отряд» — размерами с армию какого-нибудь европейского государства — выдвинулся в поход на замок Кадеса, охранники Лизы, здоровенные латные мордовороты, везли серебряные фляги с водой, притороченные к седлам. Лиза, едва не падавшая из седла — все-таки верховая езда, тем более, на таком грозном и норовистом животном, как жеребец из государевой конюшни, никогда не входила в список ее достоинств — едва заметно улыбалась. Весь этот жалкий торг проигравшего служил одной-единственной цели: использовать воду в нужный момент, когда сражение достигнет точки, в которой обитателям замка понадобится удар из засады. Маленькое боевое заклинание способно было превратить воду в некое подобие греческого огня, а уж распылить полыхающий неугасимый дождь над рыцарями Рудина было проще простого.

Отряд пересек границу земель Кадеса ранним утром, еще даже не развиднелось, лишь на востоке стыдливо зарумянилась полоса рассвета. Земля гулко дрожала под тяжелыми копытами коней, клочья тумана, пропитанные серебряными искрами, в страхе расползались в стороны, и мелкие духи, исконные обитатели этих мест, спешили уткнуться в землю и закрыть головы, когда на них падала огромная крылатая тень, что была чернее ночи.

Владыка летел забрать свое — себе.

Замок Кадеса выглядел так, словно кто-то снял с плеч и швырнул на ветер тонкую кружевную шаль, а она, вместо того, чтобы поплыть по воздуху, застыла причудливыми извивами бесчисленных башен и башенок, мостиков и балконов. Облитые золотом рассвета стены казались хрупкими, бумажными, не приспособленными к войне — это действительно было жилище мудреца и философа.

И даже двуглавый дракон, прихотливо извивающийся на румянце неба, не казался чужеродным на этом полотне. Глядя на него, Лиза ощутила легкое прикосновение к вискам, быстро оформившееся в слова, зазвучавшие в голове:

«Все хорошо? Ты готова?»

«Любовь тоже сила», — отстраненно подумала Лиза — так, чтобы дракон ни в коем случае не уловил ее мысли — и откликнулась:

«Все хорошо. Я готова».

Дракон взревел.

Глава 11

Кадес долго вел Катю и угрюмого Эльдара по бесконечным коридорам. Они то осторожно спускались по лестницам, покрытым красно-золотыми коврами, то пересекали огромные гулкие залы с темными погашенными каминами и батальными полотнами на стенах, то оказывались в крошечных комнатках без мебели, где идти приходилось, согнувшись в три погибели, чтобы не зацепить головой потолок и витые лампы. Откуда-то доносилась музыка — кто-то играл на клавесине, раз за разом повторяя незамысловатый мотив — клекот птиц, запах чего-то, похожего на цветы — хотя Катя подумала, что его источник может не иметь никакого отношения к цветам. Однажды где-то за стеной грозно взревел хищник, наверняка, огромный и голодный. Одним словом, обиталище Кадеса оказалось весьма экзотическим и достаточно беспокойным. Когда, в конце концов, их путь закончился в лаборатории, Катя невольно вздохнула с облегчением.

Большая лаборатория, до потолка забитая и заставленная книгами, ларцами, сундуками и коробками всех размеров, горами бумажных свитков, скелетами неизвестных животных, чучелами птиц, бабочками в стеклянных ящиках, темными портретами на стенах, чертежами и рисунками, банками и баночками, наполненными разноцветными жидкостями, действительно производила впечатление. Припадая на правую ногу, Кадес прошел в самый конец помещения и с усилием надавил на не заметный сразу рычаг — повинуясь ему, книжный шкаф с разномастными фолиантами легко отодвинулся в сторону, и навстречу Кате и Эльдару бесшумно выплыла огромная прозрачная капсула. Там, погруженный в бледно-зеленую жидкость неподвижно висел второй Кадес — такой же маленький и пухлый. Глаза его были закрыты: он то ли еще не ожил, то ли спокойно спал.

Как зачарованная, Катя приблизилась к капсуле. Впечатление неподвижности оказалось ошибочным: сейчас Катя видела, что пальцы Кадеса-второго едва заметно шевелились, безволосая грудь тихонько поднималась и опускалась, а глазные яблоки за тонкими, почти прозрачными веками быстро двигались то влево, то вправо — гомункул смотрел сон. Длинные волосы колыхались в жидкости, словно водоросли, волнующие течением. Ассоциация с утопленником была настолько явственной, что Катя невольно сморщилась и отошла в сторону.

— Вы создали его сами? — сухо осведомился Эльдар. Кадес довольно кивнул, и тогда Эльдар решил снизойти до похвалы: — Право же, это колоссальное достижение. Аплодирую стоя.

— Тело без души есть труп, как вам известно, — откликнулся Кадес, и Эльдар сурово посмотрел в его сторону, словно ученый отпустил в его адрес небольшую, но очень неприятную шпильку. Кадес мягко похлопал себя по груди и продолжал: — А душа скоро покинет это печальное пристанище и отправится на новое место жительства.

Он взял с низенького круглого столика пухлый исписанный блокнот, что-то уточнил в своих заметках и приблизился к капсуле. Катя с интересом смотрела, как Кадес пристально изучает цвет жидкости, должно быть, анализируя состояние своего нового пристанища.

— Ваша книга успела наплодить сорок эндор, — холодно сообщил Эльдар. — Зачем так много?

Кадес пожал плечами.

— Рано или поздно одна из них попала бы сюда. Я просто увеличил свои шансы... надеюсь, вы не будете обвинять умирающего в том, что он хочет получить исцеление.

— Все, кроме Кати, погибли, — сказал Эльдар. Подтекст был ясен: девушка спаслась только благодаря мне, а ты имеешь наглость утверждать, что я ее не люблю.

— Как жаль, как жаль, — спокойно откликнулся Кадес, и было понятно, что судьба уничтоженных эндор волнует его примерно так же, как прошлогодний снег. — Право, я не ожидал этого... Но ведь невозможно приготовить омлет, не разбив яиц и не нарезав ветчины.

— Цель оправдывает средства, — глухо произнес Эльдар. Кадес отложил свой блокнот, довольно посмотрел на гомункула — видимо, все шло так, как запланировано — и, дотронувшись до руки Кати, промолвил:

— Итак, дорогая моя, слушайте. Я провел слишком много времени вдали от моего медицинского аппарата и думаю, что в течение пары часов моя нынешняя оболочка придет в полную негодность. Как, я полагаю, вам известно, душа покинет тело с последним вздохом, но некоторое время останется привязанной к своему прежнему вместилищу. Ваша задача — пристально наблюдать за выходом души и, как только она окажется на свободе, незамедлительно перехватить ее и поместить в новое тело.

Катя кивнула. Поставленная задача практически ничем не отличалась от того, чем ей приходилось заниматься каждый день в лаборатории Знаменского.

— Это потребует от вас большой отваги, — продолжал Кадес. — Не знаю, как обстоят дела в вашем мире, но здесь вокруг умирающего тела начинают кружить хищные даймонии, душееды, невидимые людскому взору. Они жаждут ухватить душу и растерзать ее. Вам понадобится вся ваша смелость, чтобы противостоять им, но я уверен, что вы справитесь.

— Я помогу, — произнес Эльдар, но Кадес тотчас же вскинул руку, приказывая ему молчать.

— Любое постороннее вмешательство разрушит обряд, — с несвойственной ему жесткостью сказал Кадес. — Даймонии пожрут душу, а эндора в лучшем случае лишится рассудка, а в худшем тоже станет их жертвой. Уверяю, вам лучше остаться среди зрителей, друг мой. Что скажете, Катя?

Несколько минут Катя молчала, задумчиво глядя на висящего в капсуле Кадеса-второго и не видя его. В голове не было ни единой мысли — только звонкая пустота, как при гриппе.

— Да, я согласна. Я хочу домой, пора закончить со всем этим, — сказала она, когда тяжелое молчание стало почти физически ощутимым. Кадес торжествующе улыбнулся, словно и не ожидал другого ответа. — Эти даймонии могут как-то навредить мне, или они охотятся только за вашей душой?

— Пока вы не боитесь, они не сделают вам ничего плохого, — уверенно отчеканил Кадес.

— Хорошо, — кивнула Катя. — Я постараюсь не бояться.

Эльдар взял ее за руку — прикосновение отдалось легким ударом тока. Перед внутренним взором мелькнули наряженная новогодняя елка в питерской квартире, пустая бутылка коньяка, плед, сброшенный на пол — мелькнули и погасли, словно их и не было.

— Вы говорите, что осталась пара часов, — негромко произнес Эльдар, не глядя на Кадеса. — Дайте нам четверть часа, я должен поговорить с Катей.

Кадес понимающе кивнул.

— О, разумеется, разумеется, — торопливо заговорил он. — Я пойду готовиться к обряду, а сюда скоро придут мои слуги — займутся подготовкой госпожи эндоры. Как раз четверть часа, да...

Когда Кадес, заметно покачиваясь, вышел из лаборатории мелкими семенящими шажками, Катя отступила к шкафу, набитому бутылками с мутным содержимым и тихо произнесла:

— Эльдар, не говори ничего. Не надо.

Эльдар задумчиво сжал переносицу — этот жест был настолько полон какой-то глухой обреченности, что Катя едва сдержала стон.

— Я все-таки скажу, — промолвил он. — Послушай... Все не так, как видит наш хозяин. Далеко не так. Я люблю тебя, Катя. Эти полгода я только тем и занимаюсь, что

доказываю это делами. Не слушай Кадеса, не верь ему.

Он хотел было сказать еще что-то, убедить, подобрать единственно правильные слова, чтобы любые, даже мельчайшие сомнения навеки покинули Катю — но посмотрел на нее и осекся. Протянув руку, Катя дотронулась до оскаленных драконьих пастей на браслете и сказала:

— Даже если я лишусь магии?

Эльдар закрыл глаза, словно взгляд в сторону Кати причинял ему жестокую боль.

— Я полюбил тебя, когда в тебе не было ни капли магии, — откликнулся он. — И буду любить, что бы ни случилось. Какой бы ты ни стала, каким бы я ни был...

Катя с замиранием сердца ждала, что душа дрогнет, радостно раскрываясь ему навстречу, но этого не произошло. Высокий, коротко подстриженный человек в темном плаще, в который превратился его дорогой костюм, был для нее чужим, абсолютно чужим, и Катя не знала, как это получилось, да и не хотела знать. Корочка льда, охватившая ее сердце в обеденном зале, когда Кадес сказал неприятную правду, а Эльдар не стал ее оспаривать, становилась все больше, наливалась студеной водой, как слезами.

— Прости, — прошептала Катя и не услышала своего голоса. Слезы заструились по щекам, но их она не почувствовала тоже. — Эльдар, я не знаю, что со мной такое. Прости.

Он взял ее руки в свои и осторожно — так, едва дыша, смотрят на бабочку, опустившуюся на плечо — прикоснулся к пальцам губами.

— Сделай то, о чем просит Кадес, — негромко произнес Эльдар. — А потом мы отправимся домой, и ты выйдешь за меня замуж.

Катя ахнула — она ожидала всего, чего угодно, но не того, что Эльдар сделает ей предложение в другом мире, в алхимической лаборатории, за пять минут до прихода молчаливых людей с щупальцами под носами, которые выкатят капсулу с гомункулом и поведут Катю туда, где ей предстоит защитить душу Кадеса от незримых, но от этого не менее опасных чудовищ. Она шмыгнула носом и улыбнулась: улыбка получилась тихой и жалкой.

— Странное место и время для предложения руки и сердца, — промолвила Катя. Эльдар осторожно стер слезинку с ее щеки и сказал:

— Почему бы и нет? Жизнь завела нас в сердце другого мира, а в нашем за нами охотится самый могущественный и опасный маг страны. По-моему, попросить любимую девушку стать любимой женой — самое нормальное, что я могу сделать. Ты согласна?

— Да, — выдохнула Катя и удивилась тому, с какой легкостью дала ответ. — Да, я согласна.

Ей хотелось сказать Эльдару так много, но на язык и сердце словно положили печать, и Катя поняла, что больше не сможет сказать ни слова — да и не нужно, она уже дала ответ на главный вопрос в своей жизни.

Зашуршали, открываясь, двери. В лабораторию вошли слуги.

Когда синяя круглая чашка неба наклонилась, выплескивая розово-золотистое варево заката и открывая унизанные звездами стенки, обитатели замка собрались на смотровой стене, там, откуда открывался удивительный вид на небольшое круглое озеро. По берегам зажглись низенькие фонари, поставленные прямо в траву: сидевшие внутри, за матовыми стеклами, кхаадли недовольно потрескивали крылышками и ворчали. Им хотелось на волю, туда, где девушки, облаченные в светлые прямые платья, опускали венки на неподвижную вечернюю воду. В венках вспыхивали свечи, словно звезды открывали сонные глаза — повинувшись незатейливой огненной магии, венки отплывали от своих хозяек и неторопливо скользили по озеру туда, где из воды поднимался огромный плоский камень.

Две богато украшенные погребальные ладьи уже стояли у причала. В одну из них осторожно погрузили носилки с телом Кадеса — хозяин замка был еще жив, но Катя, сидевшая в соседней ладье, имела все основания полагать, что агония не за горами: осунувшееся лицо Кадеса заострилось, приобрело неприятный восковой цвет и покрылось крупными каплями пота. С трудом повернув голову, Кадес уловил взгляд эндоры, и его тонкие высохшие губы дрогнули в улыбке. Катя скорее догадалась, чем услышала, что он едва слышно промолвил:

— Все будет хорошо...

Полуобнаженные гребцы, чьи смуглые тела были расписаны ритуальными рисунками, прыгнули в ладьи и неслышно погрузили весла в воду. Медленно и осторожно ладьи покинули причал и двинулись в сторону камня — венки на озере соединились в огненные дорожки, указывающие путь, а девушки затянули негромкую печальную песню. Тихие горестные звуки полетели над озером, и откуда-то издалека, словно откликаясь на зов, послышалось хлопанье бесчисленных крыльев. Услышав его, Кадес содрогнулся, и Катя поняла, что это даймонии снялись с насиженных мест и ринулись туда, где душа готовилась покинуть тело.

Вздохнув, Катя запустила руку в складки белого церемониального платья, в которое ее облачили перед обрядом, и вынула крошечный пузырек темного стекла. Тугую пробку пришлось вытягивать зубами — густая жидкость в пузырьке, вылившаяся на язык, остро пахла травами и еще чем-то знакомым, но названия этого чего-то Катя не могла припомнить, как ни старалась. Она зажмурилась и проглотила содержимое пузырька. Пустая склянка выпала из ее безвольно разжавшейся ладони в воду и бесшумно ушла на дно.

На бархатном синем фоне ночи замок казался сейчас двухмерным, плоским, вырезанным из бумаги. Катя знала, что в этот момент на нее смотрят сотни глаз, но не видела никого из зрителей. Ночь была теплой, летней, мягкой, но Кате казалось, что ее вытолкнули в зимнюю метельную тьму. Выпитое раскатывалось по телу студеной волной — вскоре Катю тряс такой озноб, что гребец был вынужден сильнее работать веслами, чтобы удержать ладью на плаву. Катя с трудом вцепилась в борта ладьи, изо всех сил стараясь не свалиться в воду, но озноб вскоре иссяк, вытек ледяной водой из кувшина, и огоньки на венках замигали, рассыпаясь пригоршнями золотистых искр.

Озеро погрузилось во тьму.

Гребцы причалили к камню, и двое перенесли из ладьи носилки с умирающим Кадесом, а третий, осторожно поддерживая эндору под руку, перевел ее на камень. Катя не видела абсолютно ничего: окутавшая ее тьма была непроницаемой, в ней никогда не было ни света, ни даже знания о свете. Гребец бережно усадил ее на теплую поверхность камня, впитавшую ласку солнечных лучей, и, протянув руку, Катя нащупала холодную влажную ладонь Кадеса.

— Мы на месте, — с трудом разобрала она свистящий шепот. — Мое новое тело справа от вас.

Катя повернулась, но не увидела ничего: ни озера, ни тела Кадеса-второго, ни замка. Тогда она пошарила справа и в конце концов наткнулась на человеческое плечо — горячее, крепкое, здоровое.

— Вот так, — сипло выдохнул Кадес. — Это он, да. Даймонии уже вылетели сюда.

— Я слышала, — откликнулась Катя, на ощупь перебираясь к Кадесу вплотную. Его лицо под ее пальцами казалось восковой маской, игрушкой, не имеющей ничего общего с живым существом. Запавшие глазницы, острый нос, ввалившиеся щеки...

— Страшно? — осведомился Кадес, и Катя услышала, что он смеется — тихо, едва различимо.

— Страшно, — призналась она.

— Мне тоже, — промолвил Кадес. — Не бойтесь, я буду бояться за нас обоих, а вы... вы просто делайте свое дело.

Катя кивнула, надеясь, что Кадес увидит этот жест во тьме.

— Скажите мне, когда все, — попросила она.

— Хорошо, — произнес Кадес. — Осталось недолго.

Мир окончательно погрузился во тьму и тишину. Не плескались воды озера, не дышали гребцы в ладьях. Тонкий запах маков в пышном венке на голове Кати казался единственным признаком того, что существует еще что-то, кроме мрака и безмолвия. И, когда Кадес, наконец, окликнул ее, Кате казалось, что прошла тысяча лет, не меньше.

— Пора..., - сдавленно прошептал Кадес, и затишье раскололось и рассыпалось стеклянными дождем: кругом завывало, заревело, загоготало бесчисленное незримое воинство. Над камнем захлопали неисчислимые мокрые крылья, и в зародившемся неверном свете Катя увидела отряд летучих мышей, круживших над ней и умирающим.

Конечно, существа, мерно нарезавшие круги над озером, не имели ничего общего с земными летучими мышами — Катя назвала их по первому впечатлению, увидев сморщенные тела, кожистые крылья и раззявленные рты, усеянные мелкими острыми зубами в несколько рядов. Даймонии исторгали невыносимые ликующие вопли, и Катя увидела, что источником света было серое лицо Кадеса — в нем будто бы зажегся тихий внутренний огонь.

Душа, трепетавшая за сжатыми губами, готовилась вырваться с последним вздохом. Даймонии торжествующе визжали — никакая жалкая смертная эндора не могла им помешать, они не обращали на нее внимания, никакого.

Да и кто бы отважился встать у них на пути?

Катя склонилась над Кадесом, почти вплотную приблизившись к его лицу. И, когда иссохшее лицо содрогнулось, а скопившийся огонь — теперь Катя отчетливо видела, что это мелкие искры, обладавшие, кажется, собственным разумом и волей — потянулся на свободу, она зажмурилась и прижалась к ледяным губам в поцелуе.

Даймонии зашлись в недоумевающем хриплом гомоне. Теперь они хаотически метались над камнем, и Катя чувствовала, как острые кончики их крыльев задевают ее по голове, срезают кончики трав и цветов в венке. Искры безжалостно обжигали язык — Кате казалось, что она хлебнула кислоты, и на какое-то мгновение теплая поверхность камня обморочно поплыла у нее под ногами.

Когда Катя уже думала, что не справится, боль прекратилась. Душа Кадеса в ней обрела собственную силу и волю, и на какой-то мимолетный миг внутреннее зрение Кати охватило все. Действительно все.

Параллель была огромной, и Катя сейчас видела каждый ее уголок. По далекому океану плыли корабли под алыми парусами, а на дне, в заросших илом развалинах древнего города, ворочалось во сне чудовище, состоявшее только из рук, пастей и щупалец. Изогнутый позвоночник горного хребта пересекал отважный маленький караван, и груз, притороченный к седлу одного из всадников, способен был разорвать тонкую золотую нить, на которую была нанизана и Земля, и Параллель, и бесчисленное множество других миров. В болотах, на невообразимой глубине среди гниющих трав и останков животных, по яйцам меречи пробежали первые трещины — крошечные двуглавые драконы рвались на волю. Русалки в ручьях глодали кости мертвецов и играли с резвящимися рыбами. Созвездие Древо Болотного Господа раскинуло по небу сияющие пальцы, и смертоловы неумоимо неслись по следам тех, кто отваживался противостоять их безымянному и безликому повелителю. По самой грани горизонта брели шестикрылые и шестирукие великаны, вращающие заржавленные колеса времени.

Переполюскавшая Катю сила оторвала ее от поверхности камня и медленно подняла вверх. Даймонии летали вокруг, скалясь щербатыми ртами, но ничего не могли сделать: впервые за долгое время стаю охватил колющий страх. Теперь Катя не чувствовала ни ужаса, ни боли — впервые за долгое-долгое время ей действительно было хорошо и спокойно, как в детстве, когда душа и тело пребывают в полном согласии, и все, что случается — правильно. На кончиках ее пальцев вспыхнули яркие синие огоньки. На краю сознания мелькнула мысль, что сейчас она может все.

Разбудить чудовище на дне океана и с веселым гиканьем прокатиться на его спине.

Пройти вместе с шестирукими туда, где на вершине сияющей пирамиды разложен дымящийся жертвенник — и загасить его навсегда.

Отмотать время на полгода назад и никогда не взять в руки книгу Кадеса.

Жонглировать сверкающими шарами звезд, создавать и разрушать миры — она сама была и звездами, и мирами, и океаном, и чудовищем.

Она была — всем.

«И от этого ты хочешь отказаться? — мягко шепнул незнакомый голос. — Ты хочешь лишиться всего этого? Потерять себя?»

Катя улыбнулась. На смотровой площадке замка стоял человек в черном плаще, и его пальцы, вцепившиеся в металлическую ограду, побелели от напряжения. За спиной человека извивались уродливые драконьи головы, кусали друг друга за шеи и плевались пламенем.

Катя не знала его, но он смотрел на озеро, туда, где над камнем — алтарем, на котором с незапамятных времен приносились жертвы тысяче спящих богов — парила девушка в белом ритуальном платье. Смотрел и шептал что-то неразборчивое, но невероятно важное.

«Разве ты откажешься?» — шепнул все тот же искушающий голос, и Катя ответила:

— Да.

Тогда мощь, наполнявшая ее, смирилась и мягко опустила Катю вниз. Она все-таки не удержалась на ногах и свалилась рядом с телом Кадеса-второго. Где-то далеко-далеко разочарованно заверещали даймонии, и Катя поняла, что ей следует поторопиться.

Когда последняя обжигающая искра перетекла из ее губ в рот гомункула, Катя вздохнула с облегчением и растянулась на камне — силы покинули ее, полностью утекли в неизвестном направлении. Зато ушла и тьма: кругом снова была теплая летняя ночь, усеянная звездами и светлячками, наполненная оранжевым светом двух спелых лун и плеском воды. Катя увидела, как Кадес-второй содрогнулся всем телом и быстро сел, слепо шаря руками перед собой. Некоторое время он трясся, как в лихорадке, но довольно быстро его мутный взгляд приобрел осмысленность и знакомую лукавую мягкость.

«Значит, все получилось», — подумала Катя, но у нее не осталось ни сил, ни желания обрадоваться: была только тяжелая тупая усталость, как если бы она весь день таскала камни на стройке. Кадес медленно поднялся на ноги, осваиваясь в новом теле, несколько минут постоял на камне, а затем сделал знак гребцам, сидевшим в ладьях. Вскоре обессиленную Катю со всей возможной осторожностью и почтением положили на носилки и спустили в ладью. Кадес ловко спрыгнул следом и довольно произнес:

— Благодарю вас, моя дорогая. Вы все сделали просто идеально. Ловко же вы придумали обмануть даймоний!

Катя попробовала улыбнуться, но не смогла. «Кажется, я умираю», — подумала она. Перед глазами все расплывалось и двоилось, мир снова лишился основ и потек куда-то туда, где скользили странные пятна и неуловимые, но смутно знакомые образы. Прохладная ладонь Кадеса опустилась на ее влажный лоб, и Катя услышала:

— Ничего, это ничего. Сейчас доберемся до замка, и я верну вам и здоровье, и силы. Насчет того, чтобы лишиться волшебства — не передумали?

— Нет, — прошептала Катя, и Кадес удовлетворенно качнул головой: он и не ожидал иного ответа.

Катя почти не запомнила обратную дорогу. Вроде бы в венках на воде снова зажглись огни, и песня девушек, стоявших на берегах и бросавших в озеро цветы, была уже не тягучей и грустной, а торжествующей. Вроде бы люди на стене замка кричали,

приветствуя возвращающегося хозяина и его спасительницу. Вроде бы возле причала стоял Эльдар.

Но Катя не могла сказать, было ли это на самом деле или просто привиделось.

Ее отнесли в ту самую лабораторию, в которой совсем недавно гомункул ожидал пробуждения, и устроили на высоком металлическом столе, близнец которого находился у Кати на работе. Две служанки принялись срезать с Кати ритуальное одеяние, складывая светлые лоскуты на дно небольшой жаровни. Туда же отправились и остатки венка. Кадес, энергичный, хлопотливый, с пятнами здорового румянца на круглых щеках, смешивал в фарфоровой чашке зелье, пахнувшее так омерзительно, что Катя едва сдерживала тошноту.

— Еще раз благодарю вас, моя дорогая, — произнес Кадес. И голос был другим: молодым, звонким, без следа болезненной слабости и хрипотцы. — Все-таки подумайте. Не хотите быть эндорой — я могу сделать вас травницей, знахаркой или слабенькой ведьмочкой.

Катя вспомнила, что когда-то давным-давно Эльдар сокрушался именно по этому поводу.

Он ведь сделал Кате предложение, которое было принято. Но почему-то сейчас это казалось неважным. Эльдар, встретивший у причала погребальные ладьи, казался Кате чужим, словно, охватив весь мир и заключив его в себе, она разом утратила нечто очень важное.

— Нет, — негромко ответила Катя. «Самое время расплакаться», — отстраненно подумала она, но не расплакалась. — Нет, хватит с меня магии.

— И чем же вы будете заниматься дома? — поинтересовался Кадес. Служанки унесли жаровню куда-то за двери, и Катя вскоре уловила тонкий запах дыма. Средство, которое Кадес неустанно перемешивал то по часовой стрелке, то против, стало вонять еще сильнее.

— Вернусь в институт, — сказала Катя. Сознание постепенно прояснялось. — Буду учиться дальше. Работу найду.

— После того, как вы оживляли мертвецов и попали в другую вселенную, вас по-прежнему влечет жизнь обычного человека? — задал риторический вопрос Кадес. Отложив потемневшую ложку, он осторожно поднес свою чашку к Катиным губам. — Вот, отпейте-ка.

Несмотря на омерзительный запах, густая жидкость оказалась довольно приятной на вкус — что-то вроде земляники со сливками, легкая, почти неуловимая кислинка, растворенная в облачной сладости.

— Влечет, — призналась Катя. Кадес улыбнулся, и в его руке блеснула узкая рыбка скальпеля. Катя невольно поежилась, и он, заметив ее дрожь, поспешил улыбнуться и заверить:

— Нет-нет, больно не будет. Просто подумайте о доме, о родных. Закройте глаза, Катя, и думайте.

Катя послушно смежила веки и вспомнила свою маленькую двухкомнатную квартиру на городской окраине. Она не появлялась там с декабря. Наверно, оставленные конспекты и пиджачок, небрежно сброшенный на диван, так и лежат — нетронутые и никому не нужные. Катя вспомнила лица однокурсниц: наверняка они до сих пор завидуют ей, по легенде уехавшей в Лондон. Интересно, что все-таки случилось с Кириллом? Умер ли он окончательно или по-прежнему пьет, захаживает на лекции, чтобы уснуть на последнем ряду, и ничего не помнит...

Скальпель опустил на ее запястье. Катя не почувствовала боли.

Глава 12

Когда огненные шары, расплевывая во все стороны жирные полыхающие кляксы, сорвались с рук передовых магов из отряда Рудина и устремились в сторону замка, распарывая утреннюю синеву смертоносными кометами, Катя не испугалась. Хотя образины были те еще: авангард отряда составляли высоченные люди в звериных масках — Кате хотелось надеяться, что это именно маски. Шерсть на них свалилась неопрятными окровавленными лохмами, а огненные шары, которые маги небрежно лепили из воздуха и перебрасывали на закованных в железо ладонях, словно боялись обжечься, казались горящими головами.

Когда кто-то на башне истошно, захлебываясь тем страхом, который хуже смерти, завопил:

— Кахвитор! Кахвитор идет! — и тотчас же получил по голове затрещину от соседа, еще способного держать себя в руках, Катя не испугалась.

Когда сразу несколько витых белых башенок охватило огнем, ей не было страшно. Совсем, хотя она сейчас стояла как раз на такой башне и смотрела, как нестерпимо сверкающий серебром лат отряд Рудина — Кахвитора, по-здешнему — собирается рассыпанным бисером у стен замка. В последнем ряду гарцевала бойкая кауряя лошадка, и ее рыжеволосая всадница внезапно показалась Кате знакомой. Она всмотрелась и на мгновение изумленно оторопела: это же Лиза собственной персоной! Кого-кого, а ее Катя не ожидала здесь увидеть, тем более, среди нападавших. Катя смотрела на нее и невольно чувствовала тот тягучий томный зов, похожий на разлитый мед, пропитанный солнцем, какой она ощутила у русалочьего омута. Что же получается, Лиза здесь — русалка?

Кадес, молодой, сильный, энергичный, явно не питал никаких иллюзий по поводу внезапного появления Рудина. Он зычным голосом отдавал команды, и, повинаясь ему, женщины и дети со всех ног побежали к озеру, где у причала уже теснились лодочки, готовые увезти их в укрытие, а мужчины, суровые и отрешенные, с оружием в руках — на стены замка. Лабораторные слуги медленно и осторожно вели к озеру слепое многорукое чудовище, едва удерживая его в цепях — Кадес рассудил, что медицинскую капсулу надо спасать в первую очередь. Отдав все необходимые распоряжения, он взял маленький круглый щит и вышел на караульную стену. Воины приветствовали его радостными криками. И кто бы сейчас сказал, что этот маленький пухлый человечек — кабинетный мудрец, а не воин? Кадес выглядел так, словно всю свою жизнь провел на полях сражений.

Двуглавый дракон взмыл в небо, выдыхая низко гудящие струи огня — первый ряд всадников Рудина попросту смело и развело пеплом по ветру, как подгоревшие крошки со стола. Воины на стенах замка разразились радостными воплями, приветствуя Эльдара и поливая грязной руганью осаждающих, и дракон, красиво прянув под облака, вернулся и выжег еще дюжину всадников. Двое магов попытались было поразить его огненными шарами, но дракон сумел увернуться.

Когда лучники Кадеса осыпали всадников дождем мелких пылающих стрел, попадавших в спайки панцирей и в забрала, Катя почувствовала только восторг и странную, прежде незнакомую ей горячку боя. Будь она эндорой, непременно поддержала бы лучников чем-то вроде болотного огня.

Ей не было страшно ровно до той минуты, когда над замком с величавой медлительностью пролетела крылатая тень и легким, почти небрежным толчком сбросила меречь на землю. Закувыркавшись, дракон покатился по траве, правое крыло распласталось рваной мокрой тряпкой, и вот тогда, когда золотистые глаза меречи стали мутными, словно у вываренной рыбыны, Катя поняла, что до этой минуты не знала, что такое настоящий страх.

Она сорвалась с места и, покинув крошечную башенку, где ее спрятал Кадес, бросилась вниз, к выходу. В голове не было ни единой мысли, только звонкая холодная пустота понимания, что сейчас, в это самое мгновение Эльдара убивают, а она, Катя, ничего не может с этим поделать. Мелькали коридоры и коридорчики, кто-то попытался было схватить ее за руку и не дать кинуться на верную смерть — Катя вывернулась и

побежала дальше, не видя, куда бежит, но полностью доверившись чутью, которое и вывело ее в охранный коридор, а затем — из замка.

Кажется, она слышала голос Кадеса — голос, пропитанный ужасом.

— Катя, нет! Катя! Стой!

Потом, когда за ней захлопнулась дверь, Катя снова стала осознавать себя. Было утро — свежее, ясное, росистое. Солнечный свет величаво растекался по небу, ветер, шагавший по полям, пах цветами и травами, и в нем почти не чувствовалось запаха гари и крови. Катя шагнула по сырой траве туда, где Рудин занес над распластавшимся раненым драконом нестерпимо сияющее золотое копьё, и негромко, едва уловимо промолвила:

— Тебе ведь я нужна? Ну вот она я. Бери.

И он услышал.

Когда меречь сбросило с небес на землю, и дракон, беспомощный, как выброшенный из гнезда птенец, закувыркался по выгоревшей траве, с жалобным ревом захлебываясь собственным пламенем, Лиза поняла, что пора действовать.

Делай раз! — и нетронутые серебряные флаги с водой, вроде бы надежно защищенные от любой магии рунами, выбитыми на круглых боках, с громким металлическим стоном рассыпаются на мелкие капли. Те всадники, которые ехали с ней рядом, даже успевают удивиться. На то, чтобы выхватить оружие и попробовать хоть как-то защитить себя, у них уже не остается времени.

Делай два! — и освобожденная вода, повинаясь движениям русалки, взмывается в утреннее небо шипящим фонтаном зеленого огня. Лиза смотрела и думала, что иногда даже смерть бывает красивой — правда, мало кто сможет оценить ее красоту во всем великолепии.

Делай три! — пылающие капли обрушиваются на отряд Рудина, и победные крики обрываются — на их место приходят вопли и стоны боли. Впрочем, они достаточно быстро прекращаются. Не только Рудин умеет превращать воду в бефельскую кислоту.

«Знай наших», — с неприятной кривой усмешкой подумала Лиза, спрыгнув на землю и уверенно отправившись туда, где владыка, серебряный рыцарь, поразивший дракона, с неторопливой величавостью спускался из-под дымных темных облаков, застилающих рассвет. Кто-то из всадников, поняв, что произошло, швырнул в нее серебряный метательный нож — Лизе хватило небрежного, почти танцевального жеста, чтобы отбить смертоносную иззубренную пластинку и отправить нож в горло его хозяина. Хрип, падение тела в траву — далеко, почти на грани восприятия.

Пришло время Троянского коня, небольшого, но мощного заклинания, которое еще вчера Лиза вбросила в браслет и отправила гулять по крови своего господина.

Кажется, кто-то из всадников снова попробовал остановить ее. Лиза небрежно взмахнула рукой, и любителя рисковать, связываясь с русалкой, вышвырнуло из седла. Больше желающих не нашлось, хотя она прекрасно понимала, что это временно. Сейчас они окончательно опомнятся и изрежут ее дождем метательных ножей — до этого надо успеть выполнить свою задачу, и Лиза прекрасно знала, что успеет. А там видно будет. Во всяком случае, отведенную роль она сыграет безукоризненно и до конца.

Она вспомнила, как давным-давно, чуть ли не в прошлой жизни, они с Эльдаром были в Праге. Что бы ни случилось, как бы она своей алчностью и глупостью ни испортила жизнь и себе, и ему, у нее все-таки была та майская Прага, наполненная солнцем и светом, поцелуй на Карловом мосту, весна и любовь. Конечно, Эльдар безбожно врал и манипулировал, обещая, что они вернутся туда, и все будет хорошо — но она позволяла ему так поступать. Позволяла дергать себя за ниточки.

Возможно, просто хотела верить в свое прошлое и будущее счастье. Хотя бы в самую возможность счастья.

Лиза вскинула руку и отдала приказ.

Боль, пронзившая ее, была настолько сильной, что русалка споткнулась и упала на колени — зато Рудин, обвитый пылающей алой лентой, тоже рухнул в траву, и искреннее изумление на его мертвенно бледном изуродованном лице воистину дорогого стоило.

Серая пелена обморока застилала глаза. Почему-то земля, истоптанная копытами коней, была слишком близко.

— Эльдар, да шевелись ты! Шевелись, скотина крылатая! — беззвучно кричала Лиза. — Я все сделала!

Дракон лежал неподвижно. Кончики крыльев едва заметно двигались, словно их встраивала судорога. Золотые глаза медленно затягивало смертной мутью.

— Шевелись, ради тысячи богов, — прошептала Лиза, а потом перед глазами сомкнулся серый занавес, и она погрузилась во тьму.

— Троянский конь, значит. Троянская кобыла, точнее. Что ж, этого следовало ожидать, — с брезгливым неудовольствием произнес Рудин, обрывая шипящую алую ленту. Там, где она прикасалась к доспехам, серебро почернело, выдержав магический удар. Тело русалки валялось в траве, и сейчас Лиза не подавала признаков жизни; Рудин хотел было на всякий случай пригвоздить ее копьём, словно бабочку к обоям, но передумал. Не о верной служанке меречи сейчас разговор.

Дракон едва дышал. Там, в небе, Рудин окатил его заклинанием такой силы, что и сам сейчас едва держался на ногах. Вернее сказать, его поддерживала ярость и жажда мести. Он сейчас забыл все, что спланировал с такой тщательностью — все прошлые планы в эту минуту не имели значения.

Пока Рудин возился с лентой, меречь содрогнулась и медленно растаяла, оставив после себя черное выгоревшее пятно на земле и кислый смрад в воздухе. Человек, который много лет назад отправил на тот свет великого и страшного Илью Мамонтова, повелителя обеих вселенных, сейчас корчился в ногах нового владыки полураздавленным червем. «Идущий за мною сильнее меня», — подумал Рудин и с удовольствием представил, как будет выглядеть отделенная от тела голова Эльдара. Он увидел эту картинку, словно наяву: грязные волосы, разметавшиеся вокруг головы подобно некрасивому нимбу, когда-то были светлыми, мутные карие глаза смотрели прямо и вверх, почти закатываясь под веки, изо рта стекла ржавая струйка крови и застыла, оставив дорожку, как свежий шрам.

Изумительное зрелище.

— Ваше величество..., - робко начал было кто-то из рыцарей за спиной, но Рудин даже не обернулся.

— Падаль не трогайте, — проговорил он, и двое спешившихся всадников, которые направились было к телу русалки, послушно замерли. Эльдар попытался встать, опершись на локоть, но сразу же рухнул обратно — изломанное тело не слушалось.

— Еще пробуешь сражаться, — промолвил Рудин. — Уважаю.

Здоровую половину лица Рудина скривило в той самой знаменитой ухмылке, которая заставляла даже самых могучих и отважных воинов бежать без оглядки и молить тысячу богов о пощаде. Он подошел к поверженному сопернику вплотную. Поддел ногой, переворачивая с живота на спину — пусть видит того, кто наконец-то отправит беспокойного покойника на тот свет.

— Ну вот и все, — с обманчивой мягкостью произнес Рудин и выбросил правую руку вверх, к солнцу, словно хотел вырвать сноп его лучей. Должно быть, оружейное заклинание действительно отнимало сияние у светила: копьё, сгустившееся в его ладони, жгло нестерпимо, кажется, прожигая руку до костей даже через латы.

— Шевелись, Эльдар, — хрипло выдавила русалка, и рыцарь, стоявший рядом, небрежно пнул ее и, не дожидаясь приказа государя, опустил ногу на голову. До Рудина донесся неприятный хруст. Что ж, поделом. Тварь, которая одним ударом уничтожила дюжину его людей, не должна оставаться на земле.

Эльдар действительно шевельнулся, словно хотел подняться на зов. Куда там!

— Это за отца, — негромко произнес Рудин и занес копьё. Вот и все. Прах к праху.

Он почти ударил — но тут над выжженным полем еле слышно прозвучал новый голос.

— Тебе ведь я нужна? Ну вот она я.

Девушка в светлом ритуальном платье когда-то была эндорой, но сейчас, как с удовольствием убедился Рудин, в ее ауре не было ни единой нити магии. Самая обычная человеческая девчонка шла к нему по траве, и Рудин торжествующе улыбнулся.

— Бери, — сказала Катя Дубцова, и золотое копьё рассыпалось пригоршней солнечных зайчиков. — Я сделаю все, что ты захочешь. Только отпусти Эльдара.

«Ни капли магии, — удовлетворенно подумал Рудин, пристально рассматривая бывшую эндору. К его искреннему изумлению, девушка не плакала, хотя он предполагал, что в такой ситуации героине, спасающей всех, следует в буквальном смысле слова обливаться слезами. — Ни капли, ни единой ниточки».

Ему вдруг стало удивительно легко. Настолько, что он, казалось, мог взлететь без всякой магии и крыльев. Ему наконец-то удалось дать хороший урок дерзкому выскочке, эндора превратилась в обычную человеческую девушку, а значит, механизм преобразования лег ему в руки, и все шло по плану.

Все было хорошо.

— Блажен, кто душу положит за други своя. Что ж, нам пора домой, Катя, — с невероятной деликатностью произнес Рудин и протянул ей руку. Помедлив, Катя опустила тонкую влажную ладонь на его почерневшую латную рукавицу — тогда Рудин закрыл глаза и резким движением вбросил себя и бывшую повелительницу мертвых в колодец между мирами.

Дальнейшая судьба его уцелевшего отряда уже не имела значения — доберутся до дома сами, не маленькие — как и то, что возрожденный Кадес, наконец-то выбежавший из замка с прытью, удивительной для его комплекции, скомандовал:

— Русалку и дракона — в лабораторию. По счастью, их раны не смертельны.

Когда Эльдар услышал чей-то надрывный пронзительный крик, то искренне обрадовался: он жив, он может слышать, бескрайняя непроглядная тьма все-таки не забрала его. Изгрызла мелкими острыми зубами даймоний, исхлестала их ледяными крыльями, изорвала на лоскутки, но не забрала окончательно. Он был собой, Эльдаром, и, несмотря ни на что, он был жив. Это уже хорошие новости.

— Тише, тише, — проговорил мягкий женский голос, и тонкая, почти невесомая рука провела по его лбу влажной тканью, остро пахнувшей местными травами. «Это ведь я кричал», — понял Эльдар. Камень меречи трепыхался и вибрировал, едва не выпрыгивая из груди, он, кажется, перепахал все его внутренности, и это было так больно, что Эльдар снова не сдержал вопля.

— Тише, — негромко и ласково повторила женщина. — Это пройдет.

Потом снова была тьма с запахом лекарственных трав. Эльдар пробирался сквозь нее на ощупь, словно брел по извилистым подземным ходам, проложенным неведомыми существами в незапамятные времена — ему оставалось лишь надеяться на то, что когда-нибудь впереди все-таки забрезжит свет.

Так и случилось — это был оранжевый огонек маленькой настенной лампы, крохотный мотылек, неторопливо плававший за матовым стеклом. Тьма отступила окончательно, утекла прочь, с неохотой признав собственное поражение, и Эльдар увидел, что лежит на широкой койке, затянутой белым полотном, и молодая женщина в темно-синем одеянии сестры милосердия, державшая в руках темную глиняную плошку, старательно отжимала светлую тряпку, пахнущую травами. Заметив, что Эльдар смотрит на нее, женщина радостно улыбнулась.

— Видишь меня? — спросила она. — Хорошо видишь?

— Да, — откликнулся Эльдар. Вместо голоса из пересохшей глотки вырвался тонкий сип; Эльдар откашлялся и повторил уже отчетливее: — Да, хорошо. Где я?

Женщина белозубо улынулась.

— В замке Кадеса, где же еще, — протянув в его сторону тонкую шестипалую руку без ногтей, похожую на скрюченную птичью лапку, покрытую светло-серой мелкой чешуей, она продемонстрировала три пальца и спросила: — Сколько?

— Три, — хрипло ответил Эльдар, снова кашлянул и быстро осведомился: — Чем все закончилось?

Сестра милосердия отставила свою плошку на прикроватную тумбочку и осторожно опустилась на край постели.

— Кахвитор забрал девушку-эндору и ушел темными путями, — ответила она. Женщина говорила неторопливо и спокойно, словно старалась подобрать слова так, чтобы не расстроить и не испугать своего пациента. — Его отряд отступил от замка. Они решили не воевать без предводителя. Им пока нечего делить с нами.

— Забрал..., — отрешенно повторил Эльдар и не узнал своего голоса. Женщина кивнула.

— Девушка-эндора вышла сама, — сказала она. — Вышла на поле боя и предложила взять ее, но пощадить тебя и всех обитателей замка. И Кахвитор принял такое предложение... Кадес смотрел их следы и сказал, что они уже очень далеко. Он не видит, где в твоём мире закончился их путь.

Горечь, накатившая на Эльдара, была настолько сильной и раздражающей грудь, что он зажмурился и закусил губу, чтобы не закричать от боли снова. Он ничего не успел сделать. Ничего. Рудин сбросил его с неба, как котенка, не оставив и шанса на сопротивление. И все, что должна была сделать Лиза, оказалось напрасным.

И Катя снова попала Рудину в лапы.

Самые темные и страшные опасения сбывались.

Женщина смотрела на него с искренней жалостью и сочувствием. Как ни крути, он ведь был героем, защитником замка — жаль только, герой не смог сделать и четверти того, что собирался. Эльдар снова подумал о рыжеволосой всаднице на бойкой каурой лошадке в последнем ряду отряда Рудина.

— Там была русалка, — проговорил он. — В отряде Кахвитора была русалка. Где она сейчас?

Лицо сестры милосердия исказило горестной гримасой, и Эльдара охватило холодом.

Он ведь, в сущности, никогда не переставал бояться за Лизу. Даже когда уверял себя, что ненавидит и презирает ее. Даже когда они провели семь лет в разлуке. Даже когда его убивал маг-недоучка, по совместительству Лизин любовник.

Наверно, это и есть любовь — постоянный страх за того, кого любишь. И при этом неважно, насколько взаимно твое чувство. Совершенно неважно.

— Русалка сожгла дюжину рыцарей бефельским огнем, — с печальной гордостью сказала сестра милосердия. — И сбросила Кахвитора на землю огненной лентой. Но он поразил ее заклинанием, и русалка ослабла, а один из рыцарей ранил ее.

— Где она сейчас? — с нажимом повторил Эльдар. Страх пропитывал его; Эльдар не знал, что будет делать, если сестра милосердия скажет, что Лизы больше нет.

Он и о Кате-то забыл — настолько большим и горьким был его страх.

Но женщина вздохнула и ответила:

— В лаборатории Кадеса. Пока она жива, но Кадес боится, что его искусства не хватит.

Эльдар некоторое время лежал неподвижно, молча, как марионетка, у которой одним ударом ножниц обрезали все ниточки, и по лицу сестры милосердия было видно, что она следит за своим пациентом со страхом. Даже камень меречи перестал ворочаться, замер, будто вслушивался. Потом Эльдар медленно, преодолевая боль во всем теле, сел на койке и негромко произнес:

— Помоги мне дойти туда. Я должен ее увидеть.

Женщина поняла, что с ним лучше не спорить.

Дорога до лаборатории никак не отложились в его памяти: Эльдару потом казалось, что, опираясь на сестру милосердия, он добрался до дверей и сразу же очутился в сумрачной вечерней лаборатории, там, где в капсуле, недавно занятой гомункулом Кадеса, плавало обнаженное женское тело. Рыжие волосы медленно качались вокруг головы, как связки причудливых водорослей, глаза Лизы были закрыты, и бледное красивое лицо ничего не выражало. Это было лицо прекрасной фарфоровой куклы, которую разбили дети. Правую половину головы закрывала сверкающая металлическая пластина.

— Вы рано встали, — негромко сказал Кадес. Он сидел за столом у высокого распахнутого настежь окна, и выражение изможденного посеревшего лица говорило о том, что хозяин замка смертельно устал, но пока не может позволить себе отдых. — Вам надо лежать, дорогой друг.

— Как она? — спросил Эльдар. Кадес был прав, ему следовало остаться в постели — силы почти покинули его, и Эльдар едва не упал, но смог опереться на стеллаж, заставленный банками с заспиртованными уродцами, и сумел-таки устоять на ногах. Кадес смотрел на него с грустью.

— Моего искусства недостаточно, чтобы помочь ей, — сказал он, и Эльдар услышал искреннюю печаль в голосе Кадеса. — Я полагал, что моя капсула сможет залечить ее раны, но, увы, я ошибся. Все, что я смог сделать — это погрузить ее в подобие сна и оставить здесь.

Эльдар обернулся и долго смотрел на Лизу в капсуле. Должно быть, именно так и выглядят русалки, когда умирают — висят в зеленоватой толще воды, тихое течение колеблет их волосы, рыбы проплывают между пальцев.

Его русалка умерла. Все манипуляции, которые произвел Кадес с телом Лизы, в конечном итоге только оттягивали неизбежное признание: она пришла за Эльдаром в другой мир и погибла, выполняя его просьбу.

Он не имел права так поступать с ней. Не имел.

— Простите меня, — голос Кадеса дрогнул, и он повторил: — Простите.

— Я любил тебя больше, чем ангелов и Самого, — еле слышно промолвил Эльдар, — и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих.

Лиза действительно была далека — дальше некуда. Поди догони ее за порогом Смерти, да и не Смерти даже — безвременья. Со Смертью еще можно как-то договориться.

Понимание того, что нужно сделать, пронзило Эльдара сильнее, чем могло бы поразить копье Рудина, и он даже рассмеялся, настолько легким и правильным было единственно возможное решение. Кадес содрогнулся, когда Эльдар быстрым движением перебросил себя к его письменному столу и практически незаметным, действительно молниеносным жестом схватил скальпель из лотка. Впрочем, почти сразу Кадес облегченно вздохнул: Эльдар держал скальпель витой рукояткой вперед.

— Камень меречи, — медленно и отчетливо проговорил Эльдар. Слова сопротивлялись, слова приходилось силой выталкивать из глотки, они сопротивлялись, повинувшись древнему инстинкту самосохранения, но он знал, что скажет Кадесу все, чего бы это ни стоило. — Я живой мертвец, и мою жизнь поддерживает камень меречи. Достаньте его. Это то, что спасет Лизу.

Кадес смотрел на него с удивлением и испугом.

— Достаньте, — повторил Эльдар и рванул шнуровку своей рубахи, обнажая шрамы от вскрытия. — Я не смогу сам. Достаньте его, он прямо под сердцем.

Некоторое время Кадес сидел молча, глядя на протянутый скальпель и не проявляя никакого желания взять инструмент. Эльдар ждал, чувствуя, как немеет правая половина лица, а левую скривляет и дергает неприятная и жалкая усмешка. В конце концов, Кадес принял скальпель и спросил:

— А как же Катя?

Эльдару понадобилось целых три секунды, чтобы вспомнить, о ком говорит хозяин замка.

— Катя далеко, — сказал он, наконец. — Я при всем желании ничем не могу ей сейчас помочь. К тому же Кахвитор сделает все, чтобы она была жива и здорова. А Лиза умирает из-за меня, но не заслужила смерти.

— Вы ее любите, — понимающе кивнул Кадес. — Любите, и вечно будете осуждать себя за ее гибель...

— Пусть так, — согласился Эльдар. Он сейчас признал бы все, что угодно — что дважды два десять, что день — это ночь, а ночи не существует — лишь бы Кадес перешел от слов к делу. — Да, люблю. Уже много лет. Давайте не будем тратить время на разговоры?

— Хорошо, — согласился Кадес, и было видно, что это согласие ему дорого стоит. Протянув руку, он принял скальпель, и Эльдар наконец-то рассмотрел рисунок, украшавший ручку: драконьи головы, почти такие же, как на его браслете.

Браслет, кстати, не изменился после перехода из одного мира в другой. Серебряные головы остались прежними.

— Хорошо, — повторил Кадес и указал на металлический стол. — Устраивайтесь поудобнее, если, конечно, можно так сказать.

— Спасибо, — ухмыльнулся Эльдар и на негнущихся ногах поплелся в сторону стола. Должно быть, именно на нем Кадес собирал Лизу по частям и закреплял серебряную пластинку на ее раздавленной голове.

Холодная поверхность стола оказалась неожиданно приятной. Эльдар устроился поудобнее, вытянул руки и закрыл глаза. Прах к праху, мертвое к мертвому — когда-нибудь любая история должна закончиться, и Эльдар был только рад, что его наступающий финал будет именно таким. Кадес копался в ящичке с тихо звенящими инструментами — должно быть, простенького скальпеля для предстоящей операции было недостаточно. Наконец, он приблизился к столу и вскоре Эльдар почувствовал прикосновение к груди жесткой губки, пропитанной прохладной маслянистой жидкостью.

— Думайте о хорошем, — посоветовал Кадес, и Эльдар услышал искреннее уважение, прозвучавшее в его голосе.

— Легко сказать, — усмехнулся он, и эта усмешка отдалась легким всплеском боли в груди, словно камень меречи понял, что с ним собираются сделать, и категорически заявил об отказе менять место жительства.

— У вас с ней не было того, о чем можно подумать перед смертью? И вы все равно хотите отдать за нее жизнь? — глухо осведомился Кадес. Эльдар улыбнулся снова.

— Вы все равно не поймете, дорогой Кадес, — ответил он. — Так что просто режьте.

Эльдар почти не почувствовал прикосновение скальпеля к коже — так, что-то холодное быстро протекло по груди. Он почти не боялся того момента, когда лишится камня и станет трупом семилетней выдержки, и совсем перестал бояться после того, как волна памяти вынесла его в сонный зимний день, когда всеобщая меланхолия не поддается даже скорому наступлению нового года.

Рыжеволосая девушка сидела в дальнем углу небольшого, но очень модного кафе, перед ней стояла нетронутая чашка кофе и изящный, почти французский круассан на белом

фарфоре. Девушка читала какую-то книгу в яркой обложке, и Эльдара вдруг обожгло до глубины сердца: Лиза. Это же Лиза. Только она может так задумчиво и печально наматывать огненный локон на палец — она ведь всегда так делала, когда ей было одиноко или тоскливо.

Сейчас Лиза казалась самым олицетворением грусти. Эльдар, как и все турьевские маги, прекрасно знал ее печальную историю: короткий яркий роман оборвался на пике со смертью возлюбленного, и в довершение всего Лиза стала жертвой многоступенчатой интриги, которая полностью лишила ее магии. Все способности к волшебству вытекли из нее, как вода из кувшина с трещинкой.

Ей нельзя было не сочувствовать. Эльдар пару раз хотел позвонить Лизе, но так этого и не сделал. Лиза решила бы, что он не разделяет ее боль, а издевается.

Заметив, что он смотрит, Лиза со вздохом закрыла книгу и сказала:

— Ну здравствуй, Эльдар. Составишь компанию.

Это было произнесено нарочито утвердительно, словно Лиза просто констатировала факт, и Эльдар все равно бы подошел к ней, а хочет она этого или нет — не имеет значения. Взяв свою чашку кофе, Эльдар пересел за ее столик и с искренней заботой осведомился:

— Как самочувствие?

Лиза пожала плечами. Задумчиво ковырнула ложечкой круассан, но есть не стала.

— Живу потихоньку, — сказала она без выражения и добавила: — Небо копчу.

— Не говори так, — с искренней горечью произнес Эльдар, хотя прекрасно понимал ее состояние и знал, что если бы сам лишился магии и всех возможностей, которые она давала, то просто вышел бы в окно откуда-нибудь с девятого этажа или сунул голову в духовку, не забыв включить газ перед этим. Это действительно невыносимо: уметь летать и вдруг потерять крылья — а память о том, что есть небо и полеты в нем, до сих пор с тобой, и ты смотришь, как летают другие, и можешь только плакать.

— А что мне остается? — горько усмехнулась Лиза. — Вот, веду светскую ленивую жизнь. На каток хожу... И вообще, Эльдар, если ты пришел поглумиться, то лучше сразу иди к черту.

Эльдар вздохнул. Наверно, в ее ситуации лучшая защита — действительно нападение.

— Я кофе пришел попить, — сказал он и продемонстрировал свою чашку. — А глумиться над любимыми людьми это не мой стиль.

Лиза взяла чашку, поболтала в ней ложечкой, но пить не стала — отставив, наконец-то посмотрела Эльдару в лицо. Несмотря на все уловки и хитрости косметологии, она выглядела изможденной и уставшей. Да и как, в самом деле, смириться с такой потерей?

— Я что, твой любимый человек? — губы Лизы скривились в неприятной болезненной усмешке. Эльдар кивнул. Отпил кофе.

— Я думал, это давно ни для кого не секрет, — ответил он. Лиза раскрошила-таки круассан и отложила ложечку. Должно быть, эти мелкие движения не помогли ей успокоиться, а только действовали на нервы.

— Мне ведь Гамрян работу на кафедре предложил, — сменила она тему. — Представляешь? Подумать только. Где я и где алгебра?

— Он ведь о тебе беспокоится, — мягко произнес Эльдар. — И я тоже.

Лиза вздохнула. Серый свет зимнего дня, с трудом пробивавшийся сквозь затемненные оконные стекла кафе, делал ее удивительно красивой и печальной. Подперев щеку ладонью, Эльдар смотрел на девушку так, как смотрят на картину.

— Тебе сейчас лучше не оставаться одной, — сказал он, в конце концов. Лиза

вопросительно изогнула левую бровь, и Эльдар предложил: — Поехали ко мне. Елку нарядим.

Лиза жалобно улынулась, и Эльдар вдруг подумал, что она похожа на бродячую собаку, которой неожиданно предложили и стол, и кров — хочется взять, хочется прыгнуть на руки, но в то же время страшно сделать шаг навстречу: вдруг ударят, оттолкнут, обругают.

— Новый год только через месяц, — сказала Лиза, и сквозь ее лицо проступил бледный лик мертвой русалки в капсуле Кадеса.

— Держитесь, — промолвил Кадес откуда-то издалека. — Я вынимаю камень.

Глава 13

— Не бойтесь, — сказал Артем: его голос доносился, будто из-под воды. Катя ожидала услышать все, что угодно, но только не своего бывшего денщика. Хотя, возможно, он до сих пор был представлен к ней. — Не бойтесь, все в порядке. Все хорошо.

Он говорил с теми мягкими успокаивающими интонациями, с какими ребенка уговаривают не бояться темноты, убеждая, что ни в шкафу, ни под кроватью не затаился монстр. Постепенно сквозь мрак, окружавший Катю, пробился запах простенького дезинфицирующего средства, которое Артем всегда использовал при уборке, аромат свежесваренного кофе, показавшийся Кате просто божественным, и тот неуловимый неопределенный дух, едва уловив который, сразу же понимаешь, что ты находишься дома. Потом пришел щелчок кнопки, выключающей закипевший чайник, мягкие шаги Артема и голос:

— Господин гхоул сказал, что вам лучше кофе попить.

Мрак окончательно развеялся, и Катя увидела, что сидит в кровати в той комнате в центре Знаменского, которую она привыкла называть своей. Здесь ничего не изменилось, даже пачка печенья на столе, оставленная Катей несколько дней назад, лежала нетронутой. Заметив направление ее взгляда, голем взял печенье и протянул Кате вместе с кружкой кофе.

— Может, чего-то посытнее приготовить? — предложил он. Катя пожала плечами и отпила кофе. Есть не хотелось.

— Слушай, Артем, — поинтересовалась она, — а почему тебя называют големом? только руками развел.

— Я не знаю, — ответил он. — Правда. Ну, то есть это после того, как я в аварию попал. Еще в больнице стали так называть. Голем да голем. Я сперва думал, что это матерное, хотел в рожу прописать. А потом сказали, что не матерное, ну и слава богу. Знаете, как мой дед говорил? Хоть горшком назови, только в печь не ставь.

— Голем это человек из глины, — сказала Катя. Она не понимала, почему вдруг решила об этом заговорить — особенно теперь, когда умирающий Эльдар остался в другом мире, а она больше ничем не могла ему помочь. Возможно, уже некому было помогать. — Оживленный магией.

Артем пожал плечами.

— Я не из глины, — уверенно произнес он. — Кровь течет. Но что оживленный — это правда. Только магия тут не при чем. Люди лечили. Врач тогда сказал, что еле меня вытащили.

Катя подумала, что вот-вот расплачется. Артем пересел к ней поближе и осторожно погладил по плечу, словно неловко и робко пытался успокоить. Кате подумалось, что так собака могла бы ласкаться к расстроенному хозяину.

— Вы не волнуйтесь, — сказал Артем мягко. — Все будет хорошо.

Катя грустно усмехнулась. Отпила кофе.

— Мне все только и говорят, что все будет хорошо, — с грустью призналась она. — Да только становится все хуже и хуже.

Артем улыбнулся.

— Наверно, иногда надо немного подождать, — промолвил он.

Денщик ее не торопил: Катя спокойно допила кофе, и только после этого он принес ей уже знакомую рабочую одежду — футболку, брюки и халат, все, как и потребовала когда-то Катя, белоснежное. После того, как она переоделась, Артем, как обычно, вооруженный блокнотом, повел ее к лифту. После того, как створки лифта беззвучно закрылись, он негромко произнес:

— Знаменский тут. И Рудин. Вы, самое главное, не волнуйтесь, делайте то, что они попросят.

Катя криво усмехнулась. Только сейчас она заметила, что у голема вьющиеся рыжеватые волосы и россыпь веснушек на острых скулах. Надо же, они прожили бок о бок несколько месяцев, но как человека, равного себе, Катя осознала его только сейчас. Наверно, сделать это раньше мешала эндора.

— Я теперь ничего не смогу сделать. Ну да ты, должно быть, в курсе, — промолвила Катя. Артем серьезно посмотрел на нее и произнес:

— Да, слышал. Знаете, я вроде уже ничему не удивляюсь. Всякого насмотрелся по долгу службы. Раз уж мертвые оживают, то поражаться вроде больше нечему. Но другие миры..., - он усмехнулся и добавил: — это все-таки удивительно.

Кате вдруг захотелось поблагодарить его за ту тихую доброту и спокойную неустанную заботу, которой он окружал ее все это время, но двери лифта открылись, и она увидела группу вооруженных людей, стоявших в коридоре. На мгновение Катя опешила, потому что все они развернулись в ее сторону, и взгляды из темных армейских масок были весьма красноречивыми. Однако Артем сориентировался мгновенно, постучав по бейджу на груди, и четко отрапортовал:

— Сотрудники отдела некроформирования по приказу товарища Знаменского прибыли.

Стоявшие в коридоре бесшумно, словно их тут и не было, расступились, позволяя пройти. Аккуратно придерживая Катю под локоть, Артем провел ее к одной из дверей, постучал и открыл.

— Можно? — поинтересовался он, сунув голову внутрь.

— Тем, подожди пару минут, — услышала Катя холодный женский голос. На какое-то мгновение ей показалось, что это Лиза, и Катя успела вспотеть с перепугу, пока не поняла, что Лиза осталась в мире Кадеса и вряд ли вообще жива. Когда она видела вдову Эльдара в последний раз, один из рыцарей Кахвитора как раз наступал ей на голову.

Артем согласно кивнул, прикрыл дверь и сообщил Кате:

— Сейчас пустят.

Катя хотела было спросить, что там происходит, но тут из кабинета послышался голос Рудина, твердый и властный, который она точно не могла перепутать с чьим-то еще. Катя не сумела разобрать слов, но было ясно, что говорят о ней, и ничего хорошего ждать не приходится. Наконец, дверь открылась, и Катя увидела самую типичную секретаршу: в белой блузке и мини-юбке, тощая, рост под два метра без учета каблуков, утиные губки и тонна косметики. В другое время и в другом месте Катя без всяких сомнений приняла бы ее за элитную проститутку. Секретарша одарила их белозубой улыбкой и официально отчеканила:

— Госпожа Дубцова, господин Левицкий, вас ждут.

Следом за Артемом Катя вошла в самую обычную приемную — большой высокий стол, компьютеры, негромко гудящий принтер, шкаф, доверху забитый папками, портрет Президента на стене и кулер. На какое-то мгновение Кате показалось, что она попала в деканат собственного факультета, даже растрепанная шевелюра фикуса Бенджамина в огромном горшке в углу у окна была в точности такая же. Артем предупредительно открыл перед ней дверь в кабинет, и, войдя, Катя первым делом увидела невысокого, какого-то блеклого человека, сидевшего за столом. Судя по тому, что денщик, вошедший следом, практически поклонился ему в ноги, это и был тот самый великий и ужасный Знаменский, но вот хоть убей, он не производил никакого сколь-нибудь серьезного впечатления. Так, менеджер среднего звена, который всю жизнь торчит в конторе с девяти до шести, и никто не может сказать точно, чем именно он там занимается.

— Доброе утро, Катя, — мягко, по-отечески произнес Знаменский. — Как самочувствие?

— Здравствуйте, Всеволод Ильич, — со всем возможным почтением промолвила Катя. Неважно, что Знаменский выглядел серой мышью, с ним следовало быть максимально

уважительной. Именно от него зависело, выйдет ли в итоге Катя из этого здания живой. — Все хорошо, спасибо.

— Присаживайтесь, — Знаменский указал на кресла и, когда Катя и Артем заняли места, вошла секретарша с чаем. Здесь не было ничего, хотя бы отдаленно имеющего отношение к магии, и Катя, прекрасно понимая, кем именно является хозяин кабинета, чувствовала странное неудобство. Чашка чаю, которую она взяла из вежливости, была прохладной, хотя от самого напитка поднимался пар — Катя решила не задумываться над этим. Очередная магическая штучка, облегчающая быт.

— Итак, — произнес Знаменский, когда секретарша вышла. — Я искренне счастлив, Катя, наконец-то познакомиться с вами лично. До этого я всего лишь наблюдал за результатами вашей работы и, смею заверить, глубоко поражен. Не буду вдаваться в детали, скажу просто: вы сделали очень многое для страны. Родина вас не забудет.

«Ты им важных свидетелей с того света приводишь», — прозвучали слова Рудина в голове; Катя хотела было произнести что-то вроде «Служу России», но в итоге решила промолчать.

— Там было страшно? — спросил Знаменский.

— Где именно? — не поняла Катя.

— В Параллели, — улыбнулся хозяин кабинета. — Сергей Петрович рассказал, что вы там сражались с демонами, защищая могущественного мага.

— А, вот вы о чем, — откликнулась Катя, отпив чая — ароматного, заваренного на травах. Сейчас, когда она сидела в кабинете солидного чиновника в центре столицы, все, что произошло в Параллели, казалось ей странным сном. Вот стол красного дерева, вот разноцветные тонкие папки на столе, вот ноутбук с обкусанным фруктом на крышке, вот тонкая фарфоровая чашка в руках — это реально, это настоящее. А стая даймоний, двуглавый дракон в утреннем небе, замки и всадники — разве это было на самом деле?

Катя вдруг заметила, что взгляд Знаменского изменился — теперь в нем была искренняя взволнованность. Артем тоже смотрел на нее с испугом.

— Катенька, что с вами? — встревоженно спросил Знаменский. Катя не ответила. Она не могла отвести взгляда от чашки чая в руках и понимала, что ощущает себя мушкой в янтаре: нельзя пошевелиться, звуки и запахи мира долетают до тебя, словно через преграду, и непонятно, живешь ли ты, или все кончено.

— Сергей Петрович! — беспокойно позвал Знаменский. — Скорее!

В дальнем конце кабинета открылась дверь, на которую до этого Катя не обращала внимания, и к столу быстрым шагом подошел Рудин, имевший сейчас самый обычный человеческий вид. Катя смотрела на него, думала о том, что не может пошевелиться, и видела призрачного крылатого гиганта с бледным лицом, испещренным странными шрамами. Рудин посмотрел ей в глаза, и вязкое ощущение мухи в плену янтара усилилось.

— Что с ней? — испуганно спросил Знаменский. Теперь стало ясно, кто именно настоящий хозяин положения. Рудин осторожно извлек из Катиных пальцев чашку, понюхал ее содержимое и осведомился:

— Много она выпила?

— Буквально глоток, — подал голос Артем. Если он и волновался, то по нему это было почти не заметно. Рудин кивнул.

— Всеволод Ильич, кончайте поить ваших гостей отваром искренности, — холодно посоветовал он. — Особенно тех, кто только что вернулся из других миров. Как правило, экстракт барбадосской вишни их затормаживает.

Знаменский смущенно кивнул, словно его поймали на чем-то предосудительном. Катя почувствовала прохладное прикосновение к вискам и услышала далекий голос Рудина в своей голове:

«Сиди спокойно и молчи. Все нормально».

Она при всем желании не смогла бы произнести ни слова. На лице Артема, заботливо державшего ее за руку, было написано, что он сейчас готов сделать все, что угодно — броситься в атаку на Рудина с голыми руками, например — лишь бы Кате стало лучше. Катя почувствовала искреннюю признательность и подумала, что вряд ли Артем когда-нибудь узнает, насколько она ему благодарна.

— А, экстракт барбадосской вишни, конечно, — откликнулся Знаменский: он, судя по всему, уже успел успокоиться, убедившись, что драгоценной сотруднице ничто не угрожает и ее жизнь вместе с ответами на его вопросы вне опасности. — Разумеется, как же я сразу не подумал.

Рудин посмотрел на него очень выразительно. Не надо было быть магом, чтобы понять, насколько велика разница между этими двумя, и какую войну не на жизнь, а на смерть они ведут во имя власти и всех возможностей, которые она открывает.

— Тем не менее, Сергей Петрович, вы правы, — продолжал Знаменский. — Сейчас перед нами обычная человеческая девушка. Ни следа магии, ни крошечки.

Катя невольно этому обрадовалась. Наконец-то она стала собой, а не чудовищем, поднимающим мертвецов из могил.

Ее губы дрогнули, и, услышав сиплый свист, Катя не сразу поняла, что это ее голос:

— Эльдар жив? — спросила она. Рудин вопросительно поднял бровь, и Катя, титаническим усилием развернувшись к нему, повторила, глядя в потемневшие прищуренные глаза:

— Эльдар... жив?

Рудин безразлично пожал плечами, и это равнодушие хлестнуло Катю, словно многохвостая плеть. Ей все стало ясно — яснее некуда.

— Откуда мне знать? — вопросом на вопрос ответил он. — Я ушел оттуда вместе с тобой и понятия не имею, что там происходит. Однако, если он вздумает вернуться, ему не поздоровится.

Знаменский согласно кивнул.

— В конце концов, это действительно переходит всякие границы, — сказал он. — Катенька, вижу, вам уже лучше. Еще один вопрос, и голем отведет вас обратно, вам нужно отдохнуть. Нешуточное дело, такие прыжки по мирам.

Катя снова ощутила легкое прикосновение к вискам и услышала:

«Чего на самом деле хочет добиться Рудин?»

«Власти над двумя мирами», — подумала Катя и пролепетала:

— Какой... вопрос?

Уголки губ Знаменского едва заметно дрогнули: то ли он торжествовал, то ли печалился — этого Катя не могла сказать точно.

— Совершенно верно, — кивнул он. — Обычная человеческая девочка, не имеющая магии и не воспринимающая ее. Спасибо вам, Катя. Молодой человек, отведите ее обратно в блок.

Потом Артем осторожно вывел ее в коридор и провел мимо вооруженных людей к лифту. Катя послушно шла, едва переставляя ноги, на нее смотрели с какой-то профессиональной ненавистью, и, когда створки лифта сомкнулись, она прислонилась к стенке кабины и спросила:

— Чья это охрана, Рудина или Знаменского?

— Знаменского, — промолвил Артем. — Он, честно сказать, побаивается, когда господин

гхоул тут.

— Странно, — сказала Катя. Тяжелое мучительное ощущение прошло, и теперь, когда вернулась ясность мысли, а наведенный морок выветрился, она чувствовала, как слегка кружится голова — только и всего. Артем пожал плечами.

— Не знаю, — откликнулся он. — Они все власть делят, никак не поделят.

Когда створки лифта разошлись, и Катя увидела знакомый коридор, ведущий к жилому отсеку, то обрадовалась ему так, словно вернулась домой.

— Что дальше? — спросила она у Артема. Тот отпер дверь, снова деликатно пропустил Катю вперед и произнес:

— Мне сказали, что на сегодня ничего не планируется. Вы очень нестабильны, можете обратно в Параллель загреметь.

Катя невольно вздохнула с облегчением. Избавившись от белых кроссовок и халата, она взяла со стола плеер с наушниками, легла на кровать и, отвернувшись к стене, включила музыку. У плеера была функция случайного выбора песни, и отчего-то, когда зазвучал «Сплин», Катя подумала, что не ожидала ничего другого.

Я живу в ожидании чуда как маузер в кобуре,

Словно я паук в паутине, словно дерево в пустыне, словно черная лиса в норе.

Холодно мне в горнице,

Двери не откроются,

Ключи у рака, а рак на горе

Артем, добрая душа, не стал приставать к ней с расспросами и предложениями, и Катя, оставшись в одиночестве, наконец-то дала волю слезам. Катя боялась, что у нее начнется истерика, если она таки заплачет, но этого не произошло: нахлынувшее и охватившее ее горе выходило не в мелодраматическом крике и бессвязных воплях, а вытекало со слезами — тихо, почти неслышно. Она и подумать не могла, что ей когда-то придется оплакивать Эльдара — в том, что он мертв, она не сомневалась.

Я бежал сквозь подзорные трубы от испуганных глаз детей.

Я хотел переспать с русалкой, но не знал, как быть с ней.

Я хотел обернуться трамваем и въехать в твое окно.

Ветер дует с окраин, нам уже все равно.

Ветер дует с окраин, а нам все равно.

Чувство бессилия и невозможности что-то исправить сдавливало грудь, Катя плакала, стирала слезы, а они набегали снова и снова до тех пор, пока горечь и тоска не притихли. Нельзя же плакать вечно, когда-то приходится вставать и приниматься за дело.

Именно в этот момент Катю осторожно тронули за плечо. Она выключила музыку и, обернувшись, увидела Знаменского, склонившегося над кроватью. Чуть поодаль стоял Артем с неизменным планшетом в руках.

— Как самочувствие? — осведомился Знаменский, когда Катя вынула наушники и села.

— Нормально, — ответила она и, смахнув слезы со щеки, повторила: — Нормально, спасибо.

— Рудин приедет за вами только завтра. Сейчас он уже отправился домой, — промолвил Знаменский и покосился в сторону кресла. Артем тотчас же убрал из него Катин халат, и Знаменский сел. — А это помещение закрыто от любой магии, кроме моей. Давайте поговорим, Катя.

— Конечно, — кивнула Катя. — Я так понимаю, вы хотите узнать, что планирует Рудин.

Знаменский важно качнул головой.

— Именно. Он уверяет всех, что процесс превращения человека в мага нужен ему исключительно для того, чтобы защитить нас от неведомого нечто из Параллели. А вы утверждаете, что Сергей Петрович хочет заполучить власть над двумя мирами.

— Насколько я понимаю, да, — подтвердила Катя. — Кадес, владелец фолианта, в одном из разговоров упомянул, что Кахвитор непризнанный государь Параллели. Какие-то области признают его, а какие-то нет.

Во взгляде Знаменского мелькнула смутная тень.

— Кахвитор, значит..., — раздумчиво промолвил он, словно это имя было ему знакомо. — Откровенно говоря, внутренние дела Параллели меня не слишком тревожат. Может, и напрасно. Однако я больше обеспокоен проблемами нашего мира, чем соседнего. И мне не больно-то нравятся такие удалые господа.

Катя не могла с ним не согласиться.

— Что же делать? — спросила она, полностью признав за Знаменским право решать и распоряжаться. — Завтра он опять возьмет меня на опыты. Кадес говорил, что механизм превращения теперь можно считать по моей крови.

Знаменский улыбнулся, и в его глазах Катя увидела отблеск какого-то необычного молодого задора, словно когда-то давно человек с мирной внешностью менеджера среднего звена был лихим корсаром, плавал по всем морям и первым бросался в бой с саблями наголо.

— Вам — пока ничего. Отдыхайте. Дадим Рудину сделать то, что он задумал. И знаете, Катя, как бы ни складывались обстоятельства — делайте то, что сочтете нужным. Как совесть подсказет.

Катя посмотрела на него с искренним изумлением. Привыкнув быть марионеткой у невидимого кукловода, она сейчас действительно удивилась.

— Я вам верю, — произнес Знаменский, поднялся с кресла и направился к выходу. Катя пожалала плечами и, дождавшись, когда за Знаменским закроется дверь, легла на диван и снова надела наушники.

Будь моей тенью, скрипучей ступенью,

Цветным воскресеньем, грибным дождем.

Будь моим богом, березовым соком,

Электрическим током, кривым ружьем.

Я был свидетель тому, что ты — ветер,

Ты дуешь в лицо мне, а я смеюсь.

Я не хочу расставаться с тобою

Без боя, покуда тебе я снюсь -

Будь моей тенью.

На краю сознания робко шевельнулась чья-то тихая тень. Открыв глаза, Катя увидела, что Артем заглядывает в комнату. Заметив, что она смотрит, он дождался, когда Катя вынет наушники, и спросил:

— Может, кофе?

Катя улыбнулась, пожала плечами.

— Наверно, нет.

Артем помедлил. Было видно, что он хочет задать какой-то вопрос, но стесняется, и предложение кофе было просто поводом заговорить. Катя испытующе посмотрела на него, и он все-таки спросил с совершенно очаровательной застенчивостью:

— Катя... А вы мне про Параллель не расскажете?

Выключив плеер, Катя поднялась с кровати и промолвила:

— Расскажу, конечно. И давай на «ты», что ли?

Потом Артем все-таки принес с кухонки чайник, несколько тугих белых булок и нарезку колбасы — Катя признала, что он прав: с едой и чаем любой разговор клеится гораздо лучше, чем всухомятку. Денщик слушал ее, натурально приоткрыв рот от изумления, и Кате почему-то подумалось, что так же она могла бы сидеть с братом, которого у нее никогда не было. Когда рассказ дошел до описания сражения, Артем от удивления, смешанного с испугом, даже жевать забыл, и это было настолько добрым и трогательным, что Катя вдруг сделала паузу и сказала:

— Знаешь, спасибо тебе.

Артем посмотрел на нее настолько пораженно, как будто она отколола просто невероятный по степени неожиданности номер.

— Вы... то есть, ты о чем? — спросил он: сейчас денщик был искренне изумлен.

— Ты очень много для меня делал и делаешь, — серьезно сказала Катя. — Думаю, ты должен знать, что я тебе очень благодарна, — она взглянула на стену, туда, где, по идее, должно было располагаться окно, и продолжила: — Мне было очень тяжело все это время. А ты всегда был рядом и всегда заботился. И продолжаешь это делать.

Лицо Артема как-то странно дрогнуло, словно он боролся с каким-то давно скрываемым чувством, и Катя подумала, что, может быть, она зря сказала ему все это.

— Люди дерьмо, Катя, — негромко промолвил он, наконец. — Настоящее дерьмо, и чем выше, тем его больше, и тем сильнее оно воняет. Я ведь думал, что ты такая же, как они все. Как Знаменский, как Рудин...

Подобное сравнение заставило Катю неприятно поморщиться, словно от зубной боли. Впрочем, подумалось ей почти сразу, он прав. Какой еще может быть повелительница мертвых, которая заставляет покойников говорить? Конечно, одного поля ягодой с остальными магами на верхушке власти.

— А потом оказалось, что нет, не такая, — продолжал Артем. Он говорил медленно, стараясь тщательно подбирать слова, и в его голосе звучала очень тихая и очень искренняя горечь. — Все они сволочи. Мертвые самолюбивые сволочи. А ты живая, Катя. И я очень хочу, чтобы ты отсюда выбралась и все это забыла. У тебя парень-то есть?

Катя шмыгнула носом. Почему-то ей вспомнился не Эльдар, а Кирилл, с механической настырностью звонивший в дверь Эльдаровой квартиры. Катя вдруг поймала себя на мысли, что не может вспомнить, как он выглядел. Был такой человек, ходил с ней на лекции, потом она безответно влюбилась в него и, не получив взаимности, изувечила волю и сломала жизнь Кирилла — и вот теперь память отказывается показать его лицо. Перед внутренним взором сейчас маячил какой-то мутный серый силуэт, и только. Неразличимое лицо на старой фотографии, которое может принадлежать кому угодно.

Два человека, которых она любила, с вероятностью в девяносто процентов были мертвы.

— Уже нет, — откликнулась Катя и вдруг поняла, что плачет, в который уже раз за сегодня. — Я убила его, когда стала эндорой. Я его убила.

Артем почему-то не удивился — или просто не показал вида, что удивлен. Он отставил в сторону свою чашку, сел рядом с Катей и, помедлив, обнял ее. В этом движении не было ни любви, ни страсти, ни желания — просто понимание того, что иногда, чтобы облегчить боль, нужно всего лишь прикоснуться к живому. Это было больше любого сочувствия и любой любви; Катя уткнулась носом в его плечо и заплакала.

Так они и сидели вдвоем, пока дверь не открылась, и в комнату не вошел Рудин собственной персоной. Компанию ему составляла женщина в таком же белом халате, как у Кати. В руке она держала маленький пластиковый ящик без маркировок, похожий на те, в которых переносят анализы. Знаменский ошибся, утверждая, что Рудин уехал домой — он, судя по всему, решил форсировать события и отправился за врачом.

— А, смотрю, у вас тут романтический момент, — с приторной язвительностью промолвил Рудин и добавил: — Извините, надо было постучать.

Катя одарила его таким гневным взглядом, что Рудин сгорел бы на месте, имей она возможность испепелять тех, кто вызывает у нее ярость. Артем хмуро отодвинулся от Кати и мрачно сказал:

— Никак нет, товарищ Рудин.

— Девушка, садьте за стол, пожалуйста, — потребовала женщина в белом и, пока Катя усаживалась на табурет, успела развернуть на столе походно-полевой пункт сдачи крови: достала контейнер с пробирками, конвертики с иглками, жгут и резиновую подушечку, и принялась надевать перчатки.

— Вроде хотели завтра начинать, — холодно произнесла Катя. Процедура забора крови с детства пугала ее похлеще визита к зубному, поэтому сейчас Катя не стала следить за манипуляциями врача и с преувеличенным вниманием принялась рассматривать золотой зажим на галстук Рудина в виде извивающегося морского змея с ярким изумрудным глазом.

Ей вдруг вспомнились глаза умирающего дракона — тусклые, подернутые дымкой неотвратимой гибели. Катя зажмурилась.

— У меня изменились обстоятельства, — спокойно сообщил Рудин. — Чем быстрее мы закончим с тобой, тем лучше. Разве тебе домой не хочется?

Кате словно пощечину вкатили. Она посмотрела на Рудина так, словно он задал вопрос на иностранном языке. Артем сидел с таким же оторопевшим видом, как и она. «Значит, мне это не послышалось», — подумала Катя.

— Домой? — переспросила она. Рудин кивнул.

— Конечно. Сейчас проверим твою кровь, и, если все нормально, завтра сделаем еще один забор. И все. Получишь карточку с зарплатой и поедешь домой. Зачем тебя здесь держать?

— И правда, зачем, — глухо откликнулась Катя. Рудин был прав: обычная человеческая девчонка не нужна институту Знаменского, и Рудину не нужна тоже. Он получит свое и попросается. Врач колдовала над ее рукой, Катя сидела неподвижно и не могла понять, спит ли она, или же все это происходит наяву, и завтра она покинет это место и никогда больше сюда не вернется.

Она была не в силах понять, что чувствует. Мысли метались, словно встревоженные белки по деревьям.

— Все, — сказала врач, обматывая руку Кати тонким эластичным бинтом. — Пятнадцать минут не снимать.

Быстро собрав вещи и закрыв свой чемоданчик, она твердым шагом покинула блок. Рудин с нарочитой вежливостью поклонился Кате и отправился вслед за врачом.

Некоторое время Катя сидела молча, задумчиво теребя серебряный кораблик на браслете, и чувствовала легкий озноб. Домой, она отправится домой, и все эти магические интриги больше ее не затронут. Рудин хочет стать владыкой двух миров — на здоровье. Вряд ли его владычество затронет провинциальный Велецк и факультет, на котором учится Катя. Завтра все кончится — тогда почему она сейчас дрожит, как лист на осеннем ветру, и боится даже думать о будущем?

— Знаешь, что, — сказал вдруг Артем. — Если хочешь, поедем завтра ко мне в гости? Посидим и подумаем, что делать дальше, без лишних ушей.

Катя посмотрела на него с искренним удивлением — и Артем был удивлен тоже, словно сам от себя не ожидал подобного приглашения. Похоже, ему потребовалась вся смелость, чтобы взять и позвать к себе свою почти бывшую начальницу.

— Ну а что? — спросил он и смущенно улыбнулся.

— Я же могу уехать домой, — произнесла Катя. — Теперь действительно могу.

Артем отмахнулся.

— Знаешь, если бы ты и правда хотела домой, то сейчас бы от счастья, как коза, скакала, — промолвил он. — Странно, конечно. Я думал, ты будешь рада, а ты сидишь, как в воду опущенная, как будто тебе завтра не домой, а на тот свет. Не отказывайся. Тут и правда надо подумать, что делать.

— Хорошо, — улыбнулась Катя и подумала, что Артем никогда не узнает, насколько она ему благодарна: она просто не сможет подобрать нужных слов. — Хорошо, спасибо. Поедем.

Добродушное лицо Артема озарила смущенная улыбка, и Катя подумала, что, когда действительно есть, что сказать, все слова оказываются пустыми.

Но этого она не сказала тоже.

На следующий день женщина в халате пришла уже одна, и Катя невольно этому обрадовалась: ей не хотелось лишний раз встречаться с Рудиным. Немного полежав после забора крови на уже заправленной постели — голова начала кружиться, и Катя боялась, что свалится где-нибудь в коридоре — она неторопливо прошла по жилому отсеку и обнаружила, что у нее нет личных вещей, кроме, возможно, плеера и рабочей

одежды. Отлучившись на четверть часа, Артем принес Катину сумку, ту самую, с которой она пошла на зачет по английскому в декабре. Все вещи остались на месте — тубик крема, складная расческа с зеркальцем, паспорт, какие-то смятые рекламки и квитанция за домофон, даже кошелек с мелочью и проездным, исчезла только зачетка.

«Должно быть, друг Эльдара тогда отвез ее в деканат, — подумала Катя. — Я же уехала в Лондон, по легенде-то...»

— Все? — спросила она. — Можно собираться и отправляться?

Артем кивнул.

— Да, только в бухгалтерию зайдем, распишешься за карточку.

Катя послушно взяла сумку и пошла за ним. К своему искреннему удивлению, она чувствовала легкую грусть, покидая жилой блок. Все-таки за несколько месяцев это место стало ей домом, пусть и довольно своеобразным. Катя скользнула прощальным взглядом по комнате, словно хотела прикоснуться к вещам и запомнить их навсегда, и Артем закрыл дверь.

Лифт привез их из-под земли к самому небу — бухгалтерия конторы Знаменского находилась на последнем этаже здания. Толстая дама с пергидрольными кудряшками и отпечатком невероятной тупости на лице, просто классическое изображение бухгалтера, выдала Кате конверт с банковской картой и, когда теперь уже бывшая сотрудница расписалась в добром десятке бумаг о неразглашении государственной тайны, которые подсунула ей вторая обитательница бухгалтерии, маленькая и юркая брюнетка, Артем снова повел Катю к лифту.

— Подожди меня внизу, — сказал он. — Сумку свою возьму и тебе куртку захвачу.

Женщина на ресепшене окинула Катю беглым взглядом и вернулась было к своим делам, но потом посмотрела снова, более пристально и заинтересованно. Катя села на диванчик, положила сумку на колени и стала с преувеличенным вниманием рассматривать мраморные прожилки в плитах пола. Вот и все. Она погостит у Артема пару дней и поедет в Велецк, тратить заработанное и бездельничать до осени, до нового учебного года.

Ей почему-то стало так больно, что Катя невольно прижала руку к груди. Вышедший из лифта Артем заметил этот болезненный жест и кинулся к ней так, что едва не разорнял вещи.

— Кать, ты чего? Сердце?

— Сейчас, — еле слышно промолвила Катя. Новая реальность никак не могла уместиться в ее сознании. Должно быть, от этого и было так больно. Потерять все, в том числе, и себя, а потом вернуться — Катя не знала, сможет ли с этим справиться. — Голова кружится.

— Надо тебе было еще полежать, — сказал Артем. — Крови много взяли. Может, такси вызвать?

— Тема, ты дурак, да? — в голосе женщины с ресепшена прозвучали отчетливые металлические интонации. — Какое тебе сюда такси, окстись.

Артем кивнул, признавая, что совершил некую оплошность и сказал, не подумав. Катя вздохнула и протянула куртку к светлой ветровке, которую принес бывший денщик.

— Ничего, — сказала она. — На воздухе будет лучше.

Когда Катю привезли сюда в первый раз, был январь, новогодняя неделя мела по улицам снегом и конфетти, а сейчас апрель торжественно вступил в свои права — в лужах чирикали воробьи, воздух умопомрачительно пах цветами, свежестью ручьев и первыми зелеными листьями. Катя несколько минут постояла у выхода, пытаясь понять и дать какое-то название той волне чувств, которая захватила ее, смяла и унесла, и в итоге махнула рукой на это занятие.

— Почему туда нельзя такси вызвать? — поинтересовалась Катя, когда они вышли за ворота и неспешно побрели куда-то по улице: торопиться не хотелось. Кате казалось, что она забыла, как ходить, двигаться и дышать по-настоящему, будучи свободной, а не рабыней Знаменского или Рудина и не повелительницей мертвых.

— А ты обернись, — предложил Артем, и Катя, подчинившись, изумленно ахнула: тонкий силуэт небоскреба таял в апрельском воздухе. Вскоре на его месте была заброшенная стройка, обнесенная покосившимся забором. Бетонные ребра оставленного людьми здания печально серели на синем шелке неба.

— Это как? — удивилась Катя.

— Ну вот как-то так, — сказал Артем. — Здание закрыто для обычных людей. У меня пропуск есть, поэтому захожу. Остальные видят стройку.

— Чудеса, — вздохнула Катя. — Хватит с меня чудес.

Артем понимающе качнул головой.

— Ясное дело, Кать, — сказал он. — Только я очень сомневаюсь, что тебя отпустят просто так.

Потом они свернули в какой-то проулок и буквально через несколько метров неожиданно оказались на довольно широкой улице, среди толпы спешащих на работу людей. Кто-то зацепил Катю сумкой, фыркнул не то ругательство, не то извинение. Впереди серела унылая коробка с алой буквой «М». Подхватив Артема под руку, чтобы не потеряться — она всегда боялась находиться одной в толпе, особенно в чужом городе — Катя негромко промолвила:

— Зачем я им теперь? Знаменскому, Рудину... Зачем?

Артем пожал плечами. Кате вдруг подумалось, что у ее спутника вполне интеллигентный вид. Должно быть, на это повлияла свободная обстановка города: теперь Кате было ясно, что Артем не выглядит недалеким парнем не великого ума. Конечно, не потомственная профессура, но и далеко не из тех, кто сидит на кортах за гаражами и отжимает семки у синиц.

— Кать, я не знаю, — признался Артем. — Честно, не знаю. Но сама подумай. На тебя вели такую охоту. Ты потом таких людей из мертвых возвращала, что лучше тебе не знать, кем они были и что делали. Крепче будешь спать, уж поверь мне. И тут вдруг давай, шагай, куда хочешь? И зарплату заberi, нам чужого не надо?

На эскалаторе они стояли молча. Должно быть, духота в метро была виной тому, что Кате стало мерещиться, что они снова попали в центр Знаменского — Артем почувал неладное и придержал ее за плечо. Со стороны они, наверно, выглядели заботливой любящей парой. Потом в вагоне обнаружились свободные места в углу; усевшись и дождавшись, когда закроются двери, Артем еле слышно шепнул ей на ухо:

— Я боюсь, что тебя убьют, Кать. Живая ты им не нужна.

Почему-то Катя не удивилась — должно быть, всегда ожидала именно такого конца. Видимо, будучи в курсе привычек своих работодателей, Артем и предложил ей поехать с ним.

Неприятная мысль кольнула в висок: а что, если Артем не такой добродушный увалень, каким хочет казаться? Что, если голему приказали убрать бывшую эндору, как он убирал оживленных ею мертвецов? В конце концов, она ему никто, и Артем вряд ли станет подставлять свою голову, увозя Катю к себе домой.

— У меня отпуск, — сказал Артем. — Две недели. Поживи у меня пару дней, приди в себя. Потом отвезу тебя в твой Волоцк, посмотрю, как ты устроишься.

— Велецк, — поправила Катя, пытаясь придумать хоть какой-то план действий, если Артему действительно поручено ее убить, например, столкнув на рельсы в метро. Несчастный случай, такое бывает. Машиниста только жалко, он-то ни в чем не виноват.

— Велецк, да, — согласно кивнул Артем и добавил: — Ты напрасно думаешь, что мне велели тебя убить. Никто ничего подобного не потребовал. Честное слово.

Катя посмотрела на него с искренним изумлением и не менее искренним испугом.

— Читаешь мои мысли, — сказала она. — Что-то их все подряд читают.

Поезд остановился на станции, и люди хлынули в двери, толкаясь, словно боялись, что не успеют. Навстречу им вливалась новая толпа.

— Да не читаю я мысли, — усмехнувшись, ответил Артем. — Я ж не Знаменский и не Рудин. Вот только у тебя на лице такая паника сейчас, что не знаю, как ты на месте сидишь, — он сделал паузу и продолжал: — Кать, я все это время ждал, когда мне прикажут это сделать. А не приказали. Разрешение на отпуск подписали. Тоже могу шагать, куда захочу.

— Странно, — выдавила Катя. Артем согласно кивнул.

— Да, странно. Поэтому давай ты лучше побудешь у меня под приглядом какое-то время. Если у тебя и есть тут друзья, то это я.

Катя посмотрела на него с испугом и надеждой и подумала, что ей в любом случае не на кого положиться. Не ехать же к маме, чтобы, не дай бог, подставить ее под удар.

— Хорошо, — сказала она в очередной раз, и теперь Артем, кажется, вздохнул с настоящим облегчением.

Катя не знала только одного: что она будет делать, если Артему прикажут убить ее через две недели. Или через три дня. Или завтра.

Глава 14

— Эльдар, вы меня слышите? — голос Кадеса дрожал от неимоверного изумления. Должно быть, даже тот маг, который первым проник с Земли в Параллель, не был поражен больше.

— Слышу, — откликнулся Эльдар. Сейчас он боялся пошевелиться, даже дышать боялся — еще бы, лишний раз не будешь дергаться, если лежишь на операционном столе с развороченной грудной клеткой, в которую, по его недавним ощущениям, Кадес запустил руки чуть ли не по локоть. Открыв глаза, Эльдар увидел, что хозяин замка стоит возле стола и внимательно рассматривает камень меречи сквозь тонкие золотые очки, оснащенные увеличительными стеклами самых разных размеров.

Но ведь он был жив! Кадес держал в руках камень и пристально изучал его, а Эльдар не рассыпался в прах и не стал скелетом с прилипшими остатками кожи и клочьями волос. Накатившая вязкая слабость непонимания и какой-то смутный отблеск надежды накрыли его с головой; Эльдар перевел дыхание и произнес:

— Кадес, ну что там?

— Поразительно, — промолвил Кадес, осторожно, так, словно держал в руке бомбу, опустил камень в прозрачную банку, наполненную зеленой, маслянисто блестящей жидкостью, и, быстро завернув крышку, склонился над Эльдаром. — Вы живы, друг мой. Насколько я вижу, — Кадес скользнул взглядом в сторону и вниз, — ваш организм функционирует совершенно нормально даже без камня. Хотя... хотя постойте...

Молниеносным движением подхватив щипцы с длинными изогнутыми носами, Кадес погрузил их в грудь Эльдара, что-то осторожно ухватил внутри и медленно потянул к себе. Эльдар почувствовал, как маленькое упрямое нечто сердито заворочалось, словно отказывалось покидать насиженное место, а потом его обдало такой волной ледяного ужаса, что он заорал так, что отдалось по всему замку:

— Кадес, нет! Нет, ради тысячи богов...

— Все, все, все, — успокаивающе промолвил Кадес, и щипцы в его руке дрогнули, возвращая невидимое нечто на его законное место. Эльдар смотрел, как щипцы отправляются обратно в серебряную ювентку, и смертельный, какой-то первобытный страх, впившийся в него, медленно разжимал стиснутые до хруста зубы. Кадес взял иглу с тонкой искрящейся синевой нитью, вставленной в крошечное ушко, и принялся зашивать разрез точными аккуратными движениями.

— Это обломок камня, — объяснил он. — Должно быть, когда Кахвитор вас ударил, один из шипов отломился. Что ж, теперь это вполне самостоятельный артефакт. Полагаю, его вам вполне хватит для нормальной жизни.

«Везение, — ошарашенно подумал Эльдар. Он никак не мог поверить в то, что ему настолько повезло. — Невероятное везение, как в книжках». Он будет жить, Кадес спасет Лизу, и они вдвоем вернутся домой — остается надеяться, что они успеют спасти Катю и остановить Рудина.

— Где лучше сразиться с Кахвитором? — негромко спросил Эльдар. — У нас или у вас?

Кадес усмехнулся и покачал головой. Закончив зашивать разрез, он перекусил нить быстрым движением крохотных ножниц, затем смазал свежий шрам каким-то ледяным зельем, таким вонючим, что от смрада у Эльдара закружилась голова — впрочем, зловонная дрянь довольно быстро сняла все неприятные ощущения, и Эльдар почувствовал, что может встать и отправляться на поиски новых злоключений хоть сейчас.

— Все бы вам саблей махать, друг мой, — сказал Кадес и хлопнул в ладоши. По его сигналу в лабораторию вбежали двое помощников и, повинувшись беглым распоряжениям хозяина, со всей возможной осторожностью подняли Эльдара со стола и перенесли на кресло в углу, заботливо набросив на грудь легкое одеяло. — Пока не думайте о сражениях. Еще неизвестно, как будет вести себя ваш осколок.

Эльдар подумал и признал-таки правоту Кадеса. Он едва держался на ногах и теперь, когда действие мази потихоньку сходило на нет, снова начал чувствовать растущий озноб. Однако понимание того, что, несмотря на все его старания, Катя снова попала в беду, а Рудин готовил масштабное наступление и не имел никаких помех, заставляло Эльдара мучительно рваться вперед.

Катя. Теперь он снова мог думать о ней. Кадес говорил, что формулу превращения человека в мага теперь можно считать по ее крови — это означало, что получив свое, Рудин просто убьет бывшую эндору, и вряд ли Знаменский и его всемогущий шеф заступятся за девушку.

— Я должен думать, — сказал Эльдар. — Надвигается война. Кадес, если я не буду думать, то Параллель растопчет армия мертвых магов. Рудин... Кахвитор не один, у него очень серьезная поддержка со стороны наших магов, — не зря же Томаш засветился во всей этой афере, наверняка имеет свой крупный интерес. Хотя вряд ли Рудин станет награждать того, кто приложил руку к смерти его отца.

— Если вы все-таки умрете, то нам тогда никто не поможет, — заметил Кадес. Слуги возились рядом с колбой, и Эльдар хотел было крикнуть им «Осторожно, вы! Не трясите так! Она еще жива!». Умиравшая русалка безжизненно качалась в зеленоватой жиже, жалко свесив тонкие, почти прозрачные руки, и Эльдар вдруг подумал, во что превратит Лизу камень меречи.

Заковыристая может получиться дрянь.

— Впрочем, мы тут тоже не лыком шиты, — с определенной гордостью заметил Кадес. Подойдя к колбе, он нажал на какой-то рычаг, и колба, тихо вздрогнув, стала медленно и плавно опускаться вниз, принимая горизонтальное положение. — У нас есть, чем его встретить.

— Шестьдесят пять тысяч магов, — выплюнул Эльдар. Он не понимал, почему Кадес настолько спокоен. — Мертвецов, полностью покорных его воле. Кадес, вам совсем не страшно?

Кадес пожал плечами и нажал на какую-то кнопку в боку капсулы. Эльдар услышал негромкое шипение и плеск, и зеленоватая жижа стала потихоньку вытекать из капсулы через черную гофрированную трубу.

— Нет, — равнодушно сказал он. — Мне почему-то совсем не страшно. У него нет столько магов, дорогой друг. Допустим, у него есть оживленные мертвецы, но, чтобы командовать ими, ему нужна эндора. Эндора, которая пойдет с ним по своей воле.

— Катя, — прошептал Эльдар. — У него есть Катя.

Жижа полностью вытекла из капсулы, и слуги медленно и очень осторожно извлекли из нее Лизу и разместили на столе. Эльдар смотрел, закусив губу; ему казалось, что его русалка умерла.

— Эта девочка уже не будет эндорой, — буднично сообщил Кадес, раскладывая инструменты на подставке. — Магом — да. Но не эндорой. Я поставил определенный предохранитель, когда лишал ее магии. Так что дышите глубже, дорогой Эльдар, и помолчите пару минут. Я буду работать.

Эльдар послушно замер в кресле, глядя, как Кадес придирчиво выбирает нож. Ему было очень страшно смотреть — Эльдар боялся, что не выдержит вида развороченной груди Лизы, боялся, что она умрет вот так, выпотрошенной куклой, русалкой, выброшенной на берег — но он не мог отвести взгляда.

Кадес действительно был мастером своего дела. Лезвие легло на влажную, покрытую зелеными каплями кожу под левой грудью русалки и медленно заскользило вниз и куда-то вбок. Показалась кровь, темная, густая. Эльдар смотрел, и ему казалось, что он уже никогда не сможет закрыть глаза. Кадес положил нож в предупредительно подставленную руку одного из слуг и взял банку с камнем меречи.

— Будем надеяться на лучшее, друг мой, — негромко сказал он, и Эльдар услышал взволнованную дрожь в его голосе. Камень выпрыгнул из жижи и едва не удрал куда-то

под стол, но Кадес ловко ухватил его и вкрутил сжатый кулак в разрез — глубоко, с тяжелым стоном, словно поднимал невероятный по тяжести груз. Эльдар смотрел.

Кадес резко выдохнул и, рывком выдернув руку, зажал разрез, навалившись на распростертое тело русалки всем весом — камень рвался наружу, он не хотел работать, оживляя Лизу, и ему не нравилось, что покинуть новое место обитания не представляется возможным. Бледное девичье тело подбросило на столе, потом еще один раз, и еще один.

— Держать! — прорычал Кадес таким металлическим властным тоном, какого Эльдар никак не ожидал услышать от него. Он попробовал было встать с кресла, но сразу же рухнул обратно — ноги не держали. Слуги навалились на бьющуюся русалку, Лизу подбросило на столе еще раз, и камень решил, что силы все-таки не равны, и сопротивляться нет смысла.

«Интересно, как Гамрян один справился со мной», — подумал Эльдар. Кадес что-то выдохнул, и слуги отступили — мокрые, испуганные, тяжело дышащие. Лиза обмякла на столе и открыла глаза: мутные, но все-таки живые.

Да, она была жива. Эльдар прошептал что-то — он и сам не понял, какие именно слова облегчения сорвались с его губ, и, зажав глаза ладонью, заплакал, словно ребенок.

— Вот и хорошо, — довольно проговорил Кадес. — Вот и замечательно. Лиза, милая, вы меня слышите?

Эльдар замер, боясь пропустить хотя бы звук.

— Да, — прозвучал в лаборатории знакомый женский голос, и Эльдар понял, что ему никогда еще не было настолько хорошо и легко. — Кто вы.

— Я Кадес. Хозяин замка и ваш друг, — звякнули инструменты, и Кадес принялся аккуратно зашивать разрез. Лиза шевельнулась на столе, и Кадес тотчас же предупредительно зацокал языком.

— Осторожно, моя дорогая. Постарайтесь не делать лишних движений. Я бы усыпил вас, да камень не даст это сделать.

Собрав все силы в кулак, Эльдар поднялся с кресла и медленно направился к Лизе. Идти было невероятно тяжело: воздух будто бы сгустился, и невидимые ветви и корни обхватывали Эльдара за ноги, воздвигались непреодолимой шипастой преградой, цеплялись за плечи. Но он продолжал двигаться и, достигнув-таки стола с русалкой, понял, что все помехи исчезли.

Мутные глаза Лизы на мгновение прояснились. Ей даже удалось слабо улыбнуться. Эльдар взял ее маленькую холодную руку в ладони и негромко произнес:

— Привет. Добро пожаловать обратно.

— Привет, — откликнулась Лиза. — Мы проиграли, да?

— Да, — сказал Кадес. — Но вы оба живы, и проиграна только битва, а не война.

— Я устала воевать, — еле слышно промолвила Лиза. Кадес сделал последний стежок и стал завязывать узелки. Светящаяся нить медленно таяла, оставляя после себя тонкий розовый шрам.

— Все будет хорошо, — сказал Эльдар. Сейчас он был не в силах отвести взгляд от шрама, под которым ворочался камень меречи, и не мог выпустить руку Лизы. — Все будет хорошо, правда.

Губы Лизы дрогнули в ироничной полуулыбке.

— Ты всегда это обещаешь, — заметила она. — Но в итоге... В итоге становится только хуже.

Камень еще немного повозился, осваиваясь, а потом выбрал-таки место и замер,

погрузившись в некое подобие сна. Эльдар чувствовал каждое движение артефакта так, словно он по-прежнему был у него в груди. Мог ли предположить Рудин, когда наносил по Эльдару сокрушающий удар, что это потом поможет спасти Лизу...

Кадес посмотрел на русалку, оценивая результаты своей работы, и, по всей видимости, остался полностью удовлетворен тем, что получилось в итоге.

— Ну вот, — довольно сказал он. — Лучше или хуже, об этом поговорим завтра. А сейчас в лазарет и не вставать с кровати до утра.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой спаситель, — совершенно серьезно промолвила Лиза, и слуги, наблюдавшие со стороны за трудом своего хозяина, накинули на русалку тонкую светлую ткань и покатали стол к выходу из лаборатории. Эльдар смотрел им вслед и думал о том, что наконец-то хоть что-то в его незадачливой жизни сделано правильно.

Сестра милосердия напоила Эльдара отваром сонных трав из резной деревянной кружки и, пожелав спокойной ночи, удалилась. Впрочем, несмотря на исключительный по качеству состав — Эльдар уловил оттенки редчайшего корня змееступки — зелье оказалось совершенно бесполезным. Эльдару не спалось; повертевшись на кровати и так и не сумев заснуть, он поднялся, набросил на плечи свой плащ, лежавший на кресле в углу, и, погасив лампу, ушел на смотровую башню.

Почти весь замок уже успел отправиться на покой — стоя на башне и ежась от пронизывающего ночного ветра, который, казалось, дул откуда-то из черной бездны над головой, Эльдар видел, как горит свет в нескольких окнах. Звезды, приколотые к небесному бархату, были крупными, лохматыми, словно осенние нахохлившиеся цветы. Древо Болотного Господа раскинуло по небу колючие ветви, и его звезды дрожали и порывались покинуть отведенные им места. Где-то в стороне, за холмами, прерывисто ухала ночная птица: сплю-ху-у! сплю-ху-у! — напоминая, что смертоловы покинули свои укрытия под вывернутыми корнями деревьев, и всем, кто хочет встретить утро, пора отправиться в кровать, чтобы не попасться им на глаза.

Эльдар не боялся смертоловов. До сегодняшнего дня он был уверен, что не боится почти ничего — и вот, когда вероятность потерять Лизу стала почти физически осязаемой, Эльдар вдруг понял, насколько хрупок его мир и на каком огромном фундаменте страха он основан. Должно быть, для того, чтобы понять, насколько сильно ты дорожишь чем-то, это нечто нужно потерять.

Лиза была жива. Эльдару хотелось верить, что Катя жива тоже, и он все-таки сумеет дожить до встречи с ней.

Над замком мелькнула чья-то огромная тень, на мгновение смыв Древо Болотного Господа волной непроницаемой тьмы. Мир обдало вязкой тишиной, даже крикливая птица поперхнулась своим гунявым сплюханьем. Эльдара окатило волной острого запаха, и он ощутил, как все волосы на теле поднимаются дыбом, будто через него пропустили электричество. Он не сразу понял, откуда взялось это внезапно нахлынувшее возбуждение и горячая алчность, застилающая глаза красной пеленой, но тело среагировало прежде, чем мозг отдал команду, и Эльдар перевалился через решетку ограждения и, отдав приказ на полное перевоплощение, взмыл вверх уже в драконьем облике.

Как всегда, оказавшись в теле меречи, он поначалу не мог ориентироваться в пространстве — все-таки две головы, цельная картина мира создавалась не сразу. Однако Эльдар сумел освоиться довольно-таки быстро: взмыв над туманной громадой замка, он увидел серебряную сеть дорог, озеро, застывшее каплей расплавленного олова, звезды, почти касавшиеся гребней на драконьих головах. Тень, которую он обнаружил, тоже заметила его, испуганно метнулась в сторону и вниз от замка и быстро полетела куда-то на восток, почти касаясь травы. Она была неопытна и еще слаба; прицелившись, Эльдар поджал лапы и, камнем сорвавшись с неба, смял ее и отбросил в сторону. Скомканный клочок тьмы прокатился по траве, распугивая спящих птиц и насекомых, и застыл где-то в зарослях кровохлебки.

Эльдар медленно и плавно опустился на землю и, перекинувшись обратно в человека, побрел к тому, что, издавая жалобные стоны, ворочалось среди лохматых листьев кровохлебки.

— Меречи рядом не живут, — сообщил он. — Два дракона никогда не поселятся на одном болоте. Они и размножаться-то летают чуть ли не за моря.

— Иди ты к черту, Эльдар, — ворчливо откликнулся недовольный голос Лизы. — Я тебе не меречь, псих ты угашенный. Еле с того света выбралась, так ты сразу приложил.

Протянув руку, Эльдар помог ей подняться — Лиза теперь была в привычном человеческом обличье, даже серебряная пластина на голове исчезла, оставив после себя лишь тусклые серые нити в ауре — и сказал:

— У нас теперь один камень на двоих.

Лицо Лизы озарил мимолетный отблеск тихой печали. Она понимала, что должна хотя бы поблагодарить Эльдара, но никак не могла этого сделать — у нее никогда не было привычки говорить ему спасибо. Впрочем, она довольно быстро справилась с внутренним неудобством и промолвила:

— Я не ожидала, что ты так поступишь. Правда не ожидала. Спасибо, Эльдар, ты мне жизнь подарил.

Она говорила совершенно искренне, и именно эта искренность сейчас ранила Лизу больше всего — она так привыкла притворяться, находясь рядом с Эльдаром, что теперь не могла понять, что нужно делать. Эльдар улыбнулся и осторожно взял ее за руку.

— Не стоит благодарности, Лиз, — ответил он. — Просто помни, что при мне не надо перекидываться. Две меречи рядом — это драка на все небо.

Лиза усмехнулась и сказала:

— Я не меречь, Эльдар. Я по-прежнему русалка, но со мной происходит что-то странное. Я не понимаю вообще, что происходит.

Эльдар подошел к ней вплотную и, помедлив, опустил руки на плечи. Он ждал, что Лиза отстранится по старой памяти, однако она вздохнула и обняла его, прижавшись щекой к груди.

— Разве русалки летают? — спросил Эльдар. Лиза неопределенно пожала плечами и ответила:

— Да вот и я думала, что не летают. А оказалось, что теперь я это могу, — она шмыгнула носом и добавила: — Темное дымное облако. Самой страшно, Эльдар. Я, когда летела, себя не чувствовала.

— Ничего, — ободряюще промолвил он. — Кому мешали лишние силы? Вернемся домой, тоже станешь главой какого-нибудь региона.

Лиза издала презрительное фырканье, словно Эльдар предложил ей открыть публичный дом в центре Велецка и стать там передовиком производства.

— Когда вернемся домой, — отчеканила она, — я первым делом найду Рудина. И выпущу ему кишки.

Сказано это было таким тоном, что Эльдар даже не усомнился: выпустит. И на шею наматывает.

— У тебя есть неиллюзорные шансы, — сказал он. — Полагаю, через пару дней Рудин будет тут. Кадес, конечно, уверяет, что армия мертвецов окажется без командира... но я думаю, что Кахвитор не лыком шит.

По лицу Лизы пробежала тень. Она повела плечом, освобождаясь из объятий Эльдара, и нарочито спокойно и негромко предложила:

— Пойдем в замок. Холодно тут.

Они неторопливо побрели по узкой светлой тропинке, и Эльдар подумал, что у них почти свидание. Темная летняя ночь, истекающая запахами цветов и трав, медленно, но верно миновала свой пик и течет к рассвету, на востоке небесная ткань уже наливаясь

золотисто-зеленой влагой понизу, звезды что-то негромко шепчут, и девушка, тихо идущая рядом, кажется невероятно, до боли в груди, прекрасной. Должно быть потому, что он готов был отдать жизнь за нее. Это ведь оказалось неожиданно легко — взять и отдать жизнь. Эльдар усмехнулся — а ведь мог бы сейчас уже лежать в гробу, и слуги Кадеса готовились бы к похоронам.

— Что ты? — недоверчиво поинтересовалась Лиза, уловив его усмешку.

— Да так, вдруг вспомнил, как ты раньше наматывала волосы на палец, — ответил Эльдар и добавил: — Ты ведь всегда так делала, когда тебе было грустно.

Лиза кивнула и взяла его за руку. Жест был настолько доверчивым и естественным в своей простоте, что Эльдар вдруг подумал, что ему все это снится.

— Я и сейчас так делаю, — призналась Лиза. — Но не тогда, когда мне грустно.

— А когда же? — осведомился Эльдар. Последние огоньки в одном из окон замка погасли — словно закрылись глаза.

— Когда думаю о том, чего не могу исправить, — спокойно промолвила Лиза. — Но, как правило, я не лезу туда, откуда не смогу выбраться.

Эльдар завел глаза похлеще известного героя демотиваторов.

— Да брось ты, — сказал он. — Я знаю, ты давняя поклонница всяких опасных авантюр. Вот и сюда я тебя умудрился заманить.

Губы Лизы искривились в странной усмешке. Казалось, она знает какую-то правду, о которой Эльдар и понятия не имеет.

— Ничего ты не понимаешь, Эльдар, — откликнулась она. — Я же пошла за тобой не просто так. Хочешь, покажу, что будет дальше?

— Разумеется, — кивнул Эльдар. — Если тебе, конечно, не трудно.

Лиза кивнула и, подняв руку, сделала несколько движений, похожих на те, какими стирают мел с исписанной доски. Повинуясь ей, воздух сгустился, наполнился голубыми и серебряными искрами, и перед Эльдаром повисло дрожащее и текучее полотно.

— Для такого мне нужно зеркало, — с искренним уважением промолвил он. — У тебя большие перспективы, можешь мне поверить.

— Я знаю, — сказала Лиза. — Смотри.

Полотно ожило — открылось окошко в будущее, и Эльдар увидел степь, выгоревшую до минерального слоя, и бесчисленное множество каких-то странных бугров. От них поднимались тонкие струйки дыма, и вдруг Эльдар понял, что это мертвецы. Степь была усеяна скорченными обгоревшими телами до самого горизонта. Эльдар смотрел, не в силах отвести взгляда: панорама боя, открывшаяся перед ним, была величественной и ужасной. Взгляд выхватывал то почерневшее сломанное древко знамени, то копье, которое пробило чью-то грудь, то безумный остекленевший взгляд мертвой лошади, то молодое темное лицо, навеки изуродованное ужасом.

— Это Рудин прошел? — негромко спросил Эльдар. Он не мог оторваться от полотна и не мог смотреть на него.

— Смотри, — повторила Лиза и немного сместила картину. Тогда Эльдар увидел тоненький девичий силуэт, который, будто бы подгоняемый ветром, неторопливо плыл над полем битвы. Дым, поднимавшийся от тел, немного рассеялся, и тогда Эльдар узнал Лизу. Босые ноги его русалки были исцарапаны и покрыты золой и грязью до колен. Платье, изорванное почти в лохмоты, когда-то было белым. Лиза плыла над мертвецами, и из-под зубастого золотого обруча, охватившего ее голову, стекали темные струйки крови.

Он смотрел и понимал, что никогда не знал этой женщины. Рядом с ним стояла его Лиза, матерая ведьма, которую он совершенно случайно встретил много лет назад,

полюбил и вырвал из лап у смерти. Над полем, усеянным мертвецами, плыла королева всех миров — грязная, вымотанная вкрай, но все-таки королева. Ветер, пахнувший кровью и смертью, развеивал ее рыжие локоны, и откуда-то издали доносился низкий тяжелый гул: это спешили шестирукие повелители времени, чтобы присягнуть на верность новой государыне.

— Рудину конец, это ясно, — негромко сказала Лиза, и Эльдар вздрогнул, услышав ее голос. Она взмахнула рукой, и полотно угасло и рассыпалось мелкими пестрыми каплями. Наваждение исчезло. Женская фигура, которая внушала Эльдару тошнотворный суеверный ужас, растворилась в ночи; Лиза, стоявшая рядом, пока не имела никакого отношения к той, которая была ближе к языческой голодной богине, чем к человеку. — Не знаю, я его убью или кто-то другой. Но у меня будет его корона.

Эльдар вдруг почувствовал горячую сухость в горле, как при тяжелой простуде.

— Хочешь властвовать над двумя мирами? — хрипло спросил он. Лиза усмехнулась.

— Я и говорю: ничего ты не понимаешь, Эльдар Поплавский, — промолвила она, снова взяла его за руку и потянула вперед, к замку. — Не надо мне двух миров. Мне и в одном-то сложно. Просто скоро у нас заварится такая каша, что я хочу держать в руках поварешку, а не барахтаться в котле.

Ночь была теплой и свежей, такой, какой и должна быть настоящая летняя ночь, но Эльдара пробрало звенящей стужей, словно открылась дверь в середину января.

— Что за каша, Лиз? — поинтересовался он. К его удивлению, Лиза неопределенно пожала плечами.

— Не знаю, — ответила она. — Пока я не вижу настолько далеко. Но ощущения у меня, мягко говоря, неприятные.

«Неудивительно, — подумал Эльдар. — Случись у меня такое видение, я бы удрал неведомо куда».

Ему вдруг пришло в голову, что, если будущее случится именно таким, какое предстало на колдовском полотне, то она уже никогда не будет его Лизой, его русалкой, его женщиной. Эльдару стало грустно.

— Ты мне не нравишься такой, — признался он. — Это слишком подавляет.

Лиза печально усмехнулась.

— Знаешь, я недавно читала в сети, — сказала она и процитировала: — Если ты меня любишь, то ты со мной и за меня всегда, во всем, в любых обстоятельствах. Ванильная ересь, конечно.

Туманная стена замка теперь была прямо перед ними — погруженный в свои размышления, Эльдар и не заметил, как они пришли обратно. Разумеется, ворота были закрыты по ночному времени, но он знал, где находится потайная дверь.

— Нет, почему же ересь..., — задумчиво произнес Эльдар. — Просто я тебя боюсь такую.

Он вдруг поймал себя на мысли о том, что Лиза до сих пор держит его за руку. Кажется, Лиза поняла, о чем именно он думает, потому что встала на носочки — без всегдашних каблучков она ростом едва была ему по плечо — и поцеловала Эльдара в щеку.

— Все будет хорошо, — сказала она. — Теперь моя очередь это обещать.

Глава 15

Артем жил в скромной двухкомнатной квартире в серой многоэтажке на окраине столицы. Входя за големом в темный длинный коридор, Катя почему-то ощутила прикосновение страха. Квартира показалась ей мрачной и очень неудобной — впрочем, первое впечатление довольно быстро сгладилось, когда Артем, пройдя в гостиную, раздвинул плотные шторы и открыл окно, впустив в комнату свежий весенний ветер.

— Я тут с прошлого года не был, — сообщил бывший денщик, когда Катя осторожно опустилась на краешек кресла. — Предлагаю чаю попить и в магазин спуститься, тут прямо в доме «Семейная выгода есть».

Катя осмотрелась. Квартира была самой обычной, почти типовой — в ней, как ни вглядывалась Катя, не находилось никаких индивидуальных черт, способных хоть как-то намекнуть на хозяина дома. Ни безделушек на полках, ни фотографий, ни даже кактусов в горшочке, ничего — просто неплохая мебель, книги из серии современной литературы, которые продавались в киосках в качестве приложений к пятничной газете и с которых даже не удосужились снять защитную пленку. Квартира казалась декорацией, и Кате почему-то стало жутко при мысли о том, что здесь придется пожить какое-то время.

— Там банкомат есть? — спросила Катя. — Мне бы денег снять, одежду купить, все такое...

— В декабре был, — сообщил Артем и предложил: — Пошли, покажу твою комнату. Только там не прибрано, извини.

Комната, в которой предстояло жить Кате, оказалась очень маленькой и очень настоящей, что ли. Здесь на раскладном столе у стены стоял старенький компьютер с пушистым зеленым монстриком, приклеенным на край монитора, стеллаж был доверху набит книгами, растрепанными журналами, дисками, на стенах живого места не было от постеров к фантастическим фильмам, среди которых скромно притулились несколько почетных грамот, а на диване, небрежно прикрытом пестрым пледом, вольготно расположился огромный плюшевый гусь.

— Я и говорю, не прибрано, — смущенно сказал Артем, вероятно, по-своему оценив восторженное молчание Кати.

— Комната замечательная, — улыбнулась Катя. — Ты тут раньше жил?

— Да, — кивнул Артем. Осторожно обойдя Катю, он взял гуся с дивана и усадил на ковер в углу, словно игрушечная птица чем-то могла помешать госте. — Ну как сказать, детская, что ли? В гостиной, конечно, порядок, но там соседи за стеной шумные, всегда фестивалят в два часа ночи...

Он смутился окончательно, и Катя, быстро найдя выход из положения, предложила:

— А чего нам чай? Может, пойдем сразу в эту «Выгоду», я деньги сниму, и пообедаем где-нибудь?

Артем вздохнул с облегчением.

В магазине у банкомата Катя удивилась снова, когда на экранчике высветился баланс ее карты. Она пару раз пересчитала нули, а потом спросила у Артема:

— Тем, скажи, пожалуйста, какая там сумма?

Артем посмотрел и назвал. Теперь Катя опешила окончательно — такие деньги она видела только в кино и уж точно не могла предположить, что когда-то сможет заработать хотя бы четверть той суммы, которую отписала ей контора Знаменского.

— А что такого? — поинтересовался Артем. — Оклад, надбавка за вредность, премиальные. Ну ты же серьезными делами занималась, Кать, — он посмотрел по сторонам и сказал: — Сними пару тысяч, и пойдем. А то люди смотрят.

Катя подчинилась.

Через полчаса они сидели в небольшой пиццерии, и Катя, пластая ножом тугой треугольник пиццы, думала о том, насколько же это здорово: быть свободной, ни от кого не зависеть, делать то, что ты хочешь. С нее наконец-то сняли тяжеленные кандалы, которые она таскала с осени, и казалось, что она способна взлететь в любую минуту.

— Никакой магии, — задумчиво промолвила она. — Абсолютно никакой магии.

Артем пожал плечами. Ему, в отличие от Кати, дух свободы не ударил в голову.

— Я одно не могу понять, — произнес он. — Почему тебя все-таки отпустили. Это неправильно, Кать.

Катя кивнула и обнаружила, что недавний аппетит куда-то исчез. Она медленно и с усилием разрезала-таки пиццу на небольшие кусочки и сказала:

— Меня должны были убить. Это однозначно. Ты бы и убил.

Артем выпрямился на стуле, и Катя обнаружила, что впервые видит на скуластом лице своего бывшего денщика какие-то сильные эмоции. Сейчас это была обида, смешанная с презрительной брезгливостью: Артема самым натуральным образом перекосило.

— Я бы не убил, — медленно проговорил он. Его ноздри раздувались, словно голем выпускал пар. — Как ты могла такое подумать?

— А что я еще должна подумать? — вопросом на вопрос ответила Катя, несколько обескураженная таким всплеском эмоций у достаточно меланхоличного Артема. — Это твоя работа. Ты прибирал моих мертвяков и прибрал бы меня.

Артем отодвинул тарелку, внезапно швырнул салфетку с коленей прямо в недоеденную пиццу и широким шагом вышел из зала. Несколько мгновений Катя сидела ни жива, ни мертва, не понимая, что теперь делать, но потом быстро достала из кармана несколько купюр, бросила их на стол и кинулась за Артемом.

Голем обнаружился на улице: он сидел прямо на ступенях, ведущих в пиццерию, и щелкал зажигалкой, задувая возникающий огонек. Помедлив, Катя села рядом с ним, и Артем проговорил:

— Помнишь, ты спросила, когда у меня день рождения?

— Не помню, — испуганно призналась Катя: она в самом деле не помнила и не могла понять, какое это теперь имеет значение.

— Я сказал, что второго мая, — тем же глухим ровным голосом продолжал Артем. — А ты сказала, что я Телец по гороскопу, а все Тельцы упрямые, но в то же время практичные. И спокойные. Помнишь?

— Я не помню, Тем, — с грустью сказала Катя. Возможно, у них и была такая беседа в те дни, когда Катя, попав в центр Знаменского, еще пыталась как-то разговорить денщика и, может быть, даже подружиться с ним.

Артем покачал головой.

— Ну вот... Жаль. А помнишь, ты спросила, какие я книги читаю?

Катя кивнула.

— Ты сказал, что редко читаешь. Но любишь Юлиана Семенова и Голсуорси. Я тогда подумала, что это странный выбор. Что ты назвал первые имена, которые просто пришли в голову.

Артем усмехнулся. Печальная горечь стиснула его лицо болезненной гримасой.

— Я правда их люблю. Но дело сейчас не в этом. Кать, у меня только мама спрашивала, какие я книги читаю. Больше никому и никогда до этого и дела не было. Тем более, у Знаменского. А ты взяла и спросила. Тебе было не все равно. Что я читаю, когда у меня день рождения, смотрел ли я «Властелина колец». Смотрел, да... Ты со мной говорила не просто потому, что больше не с кем, — Артем усмехнулся и еще раз щелкнул

зажигалкой. Посмотрел на маленький язычок огня и дунул на него. — Потому что ты хотела со мной подружиться.

Мимо прошла веселая компания молодежи. Ребята посмотрели на Катю и Артема и, с негромким хихиканьем обменявшись тихими репликами по их поводу, скрылись за дверями.

— Я бы тебя никогда..., - промолвил Артем. — Придумал бы что-то. Кать, неужели ты не видишь?

— Что? — спросила Катя. Больше всего ей хотелось закрыть Артему рот ладонью, чтобы он больше ничего не сказал.

— Что я не такой, как они все. Голем я или кто еще..., - Артем говорил сбивчиво, будто нужные слова ускользали и не давались ему в руки. Кате вдруг захотелось стукнуть себя по голове за собственную слепоту. Все это время рядом с ней был очень хороший и добрый человек, который всеми силами старался сделать так, чтобы она чувствовала себя максимально удобно в своем заточении. Этот парень с рыжеватыми волосами и острыми скулами, владеец плюшевого гуся и доброго десятка постеров к «Звездным войнам» мог бы стать ей настоящим другом — если бы она пораньше раскрыла глаза.

— Прости, — сказала Катя. — Я очень сильно тебя обидела, прости.

Артем в последний раз щелкнул зажигалкой, и Катя растерянно замерла, не понимая, почему она вывалилась из его пальцев и упала на ступеньки. Артем с какой-то странной неловкостью покачнулся и упал тоже — испуганно глядя, как он заваливается вбок, чтобы распластаться на ступеньках, Катя думала, что сейчас он точно похож на голема: нелепую и неловкую куклу, со лба которой стерли волшебные оживляющие знаки.

— Шем Гамефораш, — глубоко и напевно произнес голос Рудина откуда-то сзади. Испуганно обернувшись, Катя увидела, как он неторопливо движется к лестнице. — По легенде именно так оживляют голема. Глиняный болван для черной работы.

Катя смотрела на него, как замороженная. Приблизившись, Рудин толкнул лежавшего Артема носком ботинка, и Катя увидела, как два пальца на левой руке, мизинец и безымянный, откололись и рассыпались в мелкую крошку.

Кажется, она вскрикнула и тотчас же закрыла рот руками, поняв, что кричать бессмысленно. Перед ней лежала кукла в свитере и брюках Артема. Стекланные глаза, смотревшие куда-то в сторону, ничего не выражали, шея вывернулась под неестественным углом. На руке, там, где остался скол от пальцев, медленно выступили тягучие темные капли.

— Как видишь, истинное имя Господа ему не помогает, — заметил Рудин. — Что, неужели ты думаешь, что тебя взяли и просто так отпустили?

Катя смотрела на Артема, не в силах отвести взгляда. Должно быть, повинуясь магии гхоула, мир застыл фильмом, поставленным на паузу. Весенний ветер замер, и соринки, которые он крутил по асфальту, зависли неподвижно, будто нарисованные — как и птица, оцепеневшая над кустами бирючины, прохожие, машины, дворняга, свернувшаяся на газоне.

Но смотрела Катя только на Артема, голема, глиняного слугу, который оказался настоящим человеком. Искусственного болвана, который любил Голсуорси, играл в компьютерные игры и занимал первые места на соревнованиях.

Она не ожидала, что ей будет настолько горько.

— Мой друг Томаш говорит, что эндора будет выполнять свою работу только тогда, когда ее берут из свободного состояния, — продолжал Рудин. — Поэтому тебе и дали такой милый маленький отпуск. Погуляла, воздухом свободы подышала, пора и честь знать.

Катя нагнулась к Артему и дотронулась до его щеки. Глина. Теплая, чуть шершавая глина. Потом на глину упала капля, и Катя сперва не поняла, откуда она взялась.

— Я никуда без него не пойду, — негромко сказала Катя. Рудин безразлично пожал

плечами.

— Он больше не нужен, — промолвил он. Катя выпрямилась и, не глядя на гхоула, произнесла:

— Плохо слышишь, что ли? Я без него никуда не пойду. И кстати, — Катя сама не поняла, откуда взялась ее следующая фраза. Кто-то будто бы взял и положил эти слова ей на язык. — Этот Томаш в свое время проплатил убийство твоего отца. Эльдар действовал по его просьбе.

Проговорив это, Катя замерла, словно тоже была из глины. Откуда ей было знать? Впрочем, Рудин даже в лице не изменился.

— Ты думаешь, я до сих пор не в курсе? — ухмыльнулся он. — Это не имеет значения, моя дорогая. А важно то, что множество людей сейчас нуждается в тебе и твоих талантах.

Катя села на ступени рядом с глиняной статуей и с вызовом посмотрела на Рудина. Судя по тени, скользнувшей по его лицу, упрямство бывшей эндоры постепенно стало раздражать господина гхоула.

— Ну и зачем он тебе? — поинтересовался Рудин. Катя усмехнулась.

— Он мой друг, Сергей Петрович, — сказала она. — Впрочем, вы вряд ли понимаете, что это такое.

Рудин пожал плечами.

— Что ж, изволь, — произнес он и негромко добавил что-то на незнакомом шипящем языке.

Когда изжелта-серая глина стала менять цвет и наливаясь теплом и жизнью, Катя поняла, что для них с Артемом еще не все потеряно.

Томаш Новак, который встретил Рудина, Катю и Артема за городом, не производил впечатления серьезного мага. Так, обычный бургер, успевший приобрести к пятидесяти годам изрядное пузо, лысину и улыбчивое настроение, за которым отчетливо ощущалась сильная воля. Впрочем, Катя уже успела понять, что плохо разбирается в людях, и решила не делать поспешных выводов. Тем более, Артем, все еще бледный после превращения в глиняного истукана и обратно, смотрел на Томаша с таким страхом, что Катя невольно ежилась.

— Рука болит? — негромко спросила она. Там, где на руке Артема совсем недавно были пальцы, сейчас розовела чистая новая кожа, и Катя невольно обрадовалась тому, что Рудин остановил кровотечение.

— Немного, — откликнулся Артем. — Кать, ты осторожно, ладно?

Катя кивнула — они оба прекрасно понимали, что от их осторожности мало что зависит. Приблизившись к Кате почти вплотную, Томаш некоторое время пристально смотрел ей в глаза, а потом мягко, почти ласково промолвил:

— Итак, Катя, я сейчас расскажу, что нам от тебя нужно. Я дам тебе выпить чашку отвара. После этого ты заснешь и проснешься эндорой, причем проснешься уже в Параллели.

Он говорил с приятным акцентом, добавлявшим речи вкрадчивую теплоту и легкость. Когда человек говорит вот так, невольно хочется думать, что он никому не желает зла, и в его словах звучит лишь искренняя забота и сердечность.

— Мы с Сергеем Петровичем, разумеется, будем рядом, — продолжал Томаш. — Затем государь Кахвитор отдаст приказ своей армии, который ты повторишь. И, если понадобится, повторишь несколько раз, хотя я все-таки надеюсь, что в этом не будет нужды. Вот и все. Это довольно просто.

Катя шмыгнула носом и подумала, что все время, находясь в лаборатории Знаменского,

мечтала о том, чтобы увидеть весну. И вот она стоит среди лугов, подернутых зеленой травяной дымкой, теплый ветер перебирает ее волосы и прикасается к лицу, но в этом нет ничего хорошего.

— Что потом? — спросила она и удивилась равнодушию, прозвучавшему в голосе. Томаш улыбнулся.

— Это война, Катя. Мы, конечно, постараемся, чтобы ты осталась в живых и получила законную награду. Но, сама понимаешь, этого никто не сможет гарантировать.

Катя криво ухмыльнулась. Помнится, Знаменский советовал принимать решения так, как подскажет совесть.

— У меня так и так нет выбора, — сказала она. — Давайте ваш отвар, что уж там...

Томаш довольно кивнул и, склонившись к сумке, которая до этого лежала на траве у его ног, словно дремлющий верный пес, вынул самую обычную термокружку с потертым бело-зеленым изображением русалки. Артем осторожно приблизился и здоровой рукой взял Катю под локоть. Рудин, до этого хранивший спокойное молчание и, казалось, никак не интересовался разговором, посмотрел на девушку и голема, и по его лицу пробежала неприятная презрительная усмешка.

У теплого варева был аромат земляники с отчетливым металлическим привкусом. Осушив кружку, Катя некоторое время стояла неподвижно, чувствуя, как рука тяжелеет, наливаясь свинцом на сгибе локтя, там, откуда брали кровь. А потом свет мгновенно погас, и Катя без чувств рухнула на руки Артема.

— Что с ней? — все спокойное равнодушие Рудина испарилось без следа: сейчас он был действительно встревожен. Артем аккуратно опустил Катю на траву, и Томашу, склонившемуся над девушкой, понадобилось несколько мгновений, чтобы оторопело выпрямиться и произнести:

— Это все, Сережа. Она отработанный материал.

Теперь Катя светилась изнутри — влитые силы переполняли ее и не могли ни выплеснуться наружу, ни изменить человека так, чтобы он стал магом. Золотистые волны перетекали под тонкой оболочкой плоти, и это было одновременно прекрасно и страшно.

Рудин закрыл глаза. Пару минут он стоял молча, пытаясь совладать с растущей яростью.

— Почему — отработанный? — устало спросил он, наконец. — Механизм действует, ты сам видел.

Томаш кивнул. На автопилоте подобрал кружку, выпавшую из ослабевшей девичьей руки, завернул крышку и убрал назад в сумку.

— Действует, да. Но этот Кадес, когда возвращал ее человеческую суть, поставил свои фильтры, — Томаш несколько раз махнул рукой в сторону Кати, словно никак не мог подобрать слова так, чтобы Рудин смог сейчас все правильно понять. — В нее можно влить зелье. Но трансформация не пойдет. Она будет в коме до тех пор, пока... ну я не знаю, что пока, Сережа. Пошли отсюда, попробуем справиться своими силами. Время дорого.

Окончательно растерявшийся Артем увидел, как Томаш и Рудин сделали несколько шагов в сторону и растворились в раскрывшемся цветке сиреневого марева. Когда марево угасло, и запах озона смешался с запахами трав, воды и земли, Артем наконец-то смог сбросить испуганное оцепенение и, не убирая руки с Катиного лба — он продолжал робко гладить ее по лицу, так животное не может поверить в смерть хозяина и не оставляет попыток растормошить его — вынул из кармана смартфон.

— Всеволод Ильич, это Левицкий, — сказал он, когда на звонок ответили. — Рудин и Новак ушли в Параллель. И Дубцова... они отравили Дубцову. Помогите.

Когда Знаменский говорил, что Катя должна делать то, что ей подскажет совесть, он вряд ли имел в виду, что она будет выпрашивать жизнь для голема. И уж конечно он и не

подозревал, что именно этот голем сыграет одну из самых важных ролей в будущей битве, став послушным посланником и исполнителем воли Совета.

Эльдар не знал этого тоже. Глядя на рыжеволосого смуглого рыцаря, стоящего перед ним, он думал только о том, что Катя пока жива. Пусть отравлена, пусть находится на краю смерти — она была жива, и Знаменский дал слово, что сможет сохранить ей жизнь.

Этого пока было достаточно.

Рыцарь был потрясен и испуган, но изо всех сил старался не подавать виду, что ему не по себе. Конечно, первый переход из мира людей в Параллель с ее прелестями действительно шокирует — но рыцарь держался хорошо.

— Богатый у вас доспех, — сказал Эльдар, чтобы как-то отвлечь его и смягчить ситуацию. Артем смущенно кивнул и опустил глаза. Его доспехи, серебряные с золотом, в самом деле сделали бы честь любому владыке; впрочем, насколько успел понять Эльдар, этот голем во всех мирах был совершенно равнодушен к цацкам.

— Всеволод Ильич просил передать дословно и без отсебятины, — промолвил Артем. — Сейчас я его голос.

И, вздохнув, он начал говорить: старательно, как ученик начальной школы, который рассказывает стихи наизусть:

— Рудин и Новак собрали свою армию, и, по нашим данным, уже готовы к ее переправке в Параллель. Меня не интересуют династические притязания господина гхоула и интересы Новака. Я просто хочу, чтобы их не стало. Экстренное заседание Совета санкционировало высшую меру защиты магов и людей — прямое устранение гхоула.

— Решили загрести жар чужими руками, — подала голос Лиза. До этого она сидела в кресле, пила крепчайший кофе и не вступала в разговор. Когда Артем вошел в комнату и наткнулся взглядом на русалку, укутанную в тончайшую шаль, то немедленно покраснел, как девица на выданье. Сейчас он старательно избегал смотреть в ее сторону. — И как это сделать, он не передал?

В ее голосе звучал нескрываемый гнев, и Эльдар вполне его разделял.

— Простите, — Артем наклонил голову. — Я еще не закончил. Совет решил, что сильнейшие маги страны соединятся петлей Меркавы и временно полностью передадут свои силы в распоряжение того, кто готов выступить против гхоула и исполнить волю Совета, — он сделал паузу и добавил уже без канцелярских оборотов Знаменского: — Я — петля Меркавы.

Эльдар посмотрел на него с искренним изумлением, да и Лиза пораженно приоткрыла рот: подобного поворота никто из них не ожидал. Петля Меркавы была очень редким и опасным ритуалом, знакомым им только по книгам — и уж точно никто до этого не пробовал перебросить земные Заклинания в Параллель. Артем вздохнул и с неподдельной грустью признался:

— Дело в том, что я... ну как бы это сказать... Я не человек. Я голем, глиняный сосуд. Сейчас я вмещаю все те силы, которые передали маги, — он снова замолчал на несколько мгновений и промолвил: — Выберите того, кто нанесет удар по Рудину, и я передам ему то, что принес. Передам и умру. Так сказал Знаменский.

До этого Эльдар не встречался с големами и представлял их кем-то вроде деревенских простачков в домотканых рубахах. Теперь он смотрел на Артема и понимал, почему этот угрюмый парень, который в мире людей наверняка провел полжизни в самых что ни на есть простецких компаниях, носит рыцарские латы.

— Бедный мальчик, — вздохнула Лиза и поднялась с кресла. Артем смотрел на нее со смущенной неловкостью. Лиза подошла к нему вплотную и проговорила с негромкой вкрадчивостью: — Никто не разбивает чайник после того, как чай выпит. Не бойся.

Эльдар понял, что именно она хочет сделать только после того, как Лиза поднялась на цыпочки, мягко опустила ладони на плечи голема и осторожно, будто боясь спугнуть, приникла к его губам в поцелуе. Он ничего не успел бы предпринять — Лиза шла к своей

судьбе настолько решительно, что ему, наверно, оставалось просто постоять в сторонке или, может, принести ей носовой платок, чтобы вытереть пот, когда с Рудиным будет покончено.

Вокруг Лизы и Артема закружились мелкие золотые искорки. Сперва их было немного. Неторопливые, ленивые, они парили вокруг головы голема, вырываясь из его носа и ушей, но потом их становилось все больше и больше, и вскоре уже целый плотный рой охватил русалку и рыцаря. На мгновение Эльдару почудилось, что он слышит низкий нудный гул. Через несколько минут рой полностью исчез — теперь это было непроницаемое туманное облако, совершенно закрывшее собой Лизу и Артема. Эльдар представил, как маги, на время отдавшие свои силы ради победы над гхоулом, лежат в некоем подобии комы, и ощутил легкий холодок необычного душевного трепета.

Постепенно туман рассеивался. Артем покачнулся, но Лиза вовремя подхватила его под локти, и Эльдару стало ясно, что у нее вполне хватает сил, чтобы удержать на ногах крепкого мужчину на голову выше ее. Вскоре о золотых искрах напоминаний лишь слабый запах озона. Лиза отступила от потрясенного Артема и сказала:

— Не вздумай умирать. Тебе еще все это обратно нести.

Побледневшее лицо голема дрогнуло, и он выдавил из себя слабую улыбку.

— Знаменский сказал, что я расколуюсь, — недоуменно промолвил Артем. — Как чашка.

Лиза одарила его самой лучезарной и белозубой улыбкой и одобрительно похлопала по плечу.

— Мы этого не допустим, — сказала она.

Несмотря на то, что он прожил весьма и весьма бурную жизнь, в которой нашлось место самым опасным приключениям, Эльдар никогда не мог предположить, что ему придется принимать участие в эпическом сражении. Разгон отряда Кахвитора у стен замка Кадеса оказался пустяком в сравнении с тем, что он видел сейчас.

...Выпив из голема переданные силы земных магов, Лиза все-таки не удержала форса: упала в обморок и лежала без сознания до тех пор, пока появившийся Кадес не растер ее горьким соком южных трав, сердито приговаривая:

— Такие вещи недопустимы, моя дорогая. Еще вчера вы были на краю смерти, а сегодня оперируете настолько опасными вещами. Как вы сказали, юноша... Петля Меркавы?

— Да, — хмуро кивнул Артем. Похоже, то, что он все-таки остался в живых, удивляло его больше, чем удивительный замок и манипуляции его хозяина.

— Вы бы присели, — посоветовал Кадес, осторожно вливая в рот Лизы настойку труп-корня. Русалка встрепенулась, закашлялась и произнесла что-то насквозь нецензурное. — Вы все-таки хрупкий, мало ли что...

Артем усмехнулся.

— Не бойтесь, — сказал он. — Не расколуюсь.

— Похвальная стойкость, — уважительно заметил Кадес, помогая Лизе подняться. — У меня плохие новости, друзья мои. Армия Кахвитора идет по западным землям. Вдобавок к магам, за ним следуют отряды смертоловов.

Эльдар невольно поежился. Смертоловы, гнилые гончие, повешенные на деревьях в полнолуние и ожившие, едва к ним прикоснулись лучи болотных звезд, были, мягко говоря, опасными противниками. Лиза как-то странно дернула головой, словно ей мешал воротник платья, и улыбка, возникшая на ее бледном лице, не сулила ничего хорошего.

— Я плохо тут ориентируюсь, — сказала она и, неопределенно махнув рукой, подошла к выходу на балкон. — Запад в той стороне, верно?

— Верно, — кивнул Кадес. — Но ни в коем случае...

Он не успел договорить: отдав мысленный приказ, Лиза взметнулась черным дымным вихрем и вылетела в окно. На какое-то мгновение Эльдару почудилось, что утреннее солнце померкло.

— Стойте, — устало повторил Кадес, автоматически закончив уже бесполезную фразу.

— Поздно, — вздохнул Эльдар, поводя плечами. Кожистые крылья меречи готовились выстрелить вперед и вверх. Он мельком подумал, насколько Лиза сейчас далека от канонической ведьмы на метле, и эта мысль была настолько смешна и почти возмутительно нелепа, что Эльдар едва не расхохотался.

— Поздно, — повторил он и, обернувшись к Артему, промолвил: — Даже не думай отправляться за нами. Ты нужен живым, а не грудой черепков.

С этими словами он шагнул к балкону, и вскоре огромный двуглавый дракон уже летел по дымному следу, оставленному преображенной ведьмой. Кадес устало посмотрел ему вдогонку и промолвил:

— Давайте, я пока прилеплю вам новые пальцы, друг мой.

Разумеется, Артем не стал возражать...

И теперь Эльдар парил над полем битвы, и думал, что войска Кахвитора, осадившие белую глыбу незнакомого ему замка, похожи на бесчисленных черных муравьев, деловито облепивших брошенный кусок сахара. Красные муравьи, защитники замка, столь же деловито старались отбить нападение, и несколько отрядов почти истребили атакующих на правом фланге, но Эльдар, хоть почти и не разбирался в военном деле, прекрасно понимал, что сопротивление бесполезно. Силы слишком неравные, замок вскоре будет захвачен.

Он сделал несколько кругов над полем битвы, выдыхал струи огня и, выжигая черные фигурки воинов Кахвитора, чувствовал странный опаляющий трепет в душе — ему одновременно было и страшно, и весело. И, когда Эльдар услышал зов, веселье только усилилось, накрыв его колючей пенной волной.

Он плавно опустился на землю, перекинулся обратно в человека, и посмотрел по сторонам. Боевые катапульты, наконец-то выкаченные инженерами на стены замка, работали просто на зависть, обрабатывая нападающих снопами болотного огня, но Эльдар с ужасом увидел, что горящие воины Кахвитора спокойно продолжают делать свое дело. Похоже, им совсем не мешало то, что они были охвачены пламенем, а защитники замка, увидев полыхающих мертвецов, которые с прежней механической настырностью рвались вступить в бой, вполне закономерно начали впадать в панику.

— Над чем не властен тлен, то не мертво, — проговорил Эльдар, внезапно ощутив странную жалость к людям, погибшим на Земле, которых потом оживили и, наделив магическим даром, приволокли в другой мир. Воскресшие воины Кахвитора работали на диво слаженно, ловко швыряя ледяные иглы, давнее оружие земных магов для дистанционного убийства, в защитников замка. Смертоловы медленно, со знанием дела выедали внутренности раненых. Дым, поднимавшийся над полем битвы, заволакивал все вокруг, и летний день превращался в тоскливые туманные сумерки.

Но где же Лиза? Эльдар снова обвел взглядом поле сражения; она ведь летела впереди и должна быть здесь — искать Кахвитора, чтобы выполнить волю Совета. И где тогда сам Кахвитор, крылатый владыка, почему не парит над батальным полотном?

— Напрасно ты влез в эту кашу, Эльдар, — услышал он мягкий голос с легким акцентом и, обернувшись, увидел Томаша. Вернее, то, что это Томаш, Эльдар понял только постфактум, пока же он только удивленно застыл, увидев прямо перед собой нечто, которое сперва описал, как огромную темно-серую медведку, стоящую на задних лапах. Темные поблескивающие жвалы шевельнулись, и Эльдар услышал:

— В самом деле, напрасно. Я всегда хорошо к тебе относился.

Этот голос — спокойный, со специфическим чешским акцентом — был гораздо страшнее облика твари. Эльдар почувствовал, как волосы на голове поднимаются дыбом. Кто бы мог представить, каково настоящее обличье упитанного добряка, поклонника пива и

рульки.

— Никогда бы не подумал, — еле слышно проговорил Эльдар, — что в Параллели ты выглядишь так, Томаш.

Ему вдруг подумалось, что он сейчас похож на Сэма, готового сразиться с Шелоб. Безобразная морда насекомого, конечно, не могла выражать эмоций, но Эльдар готов был поклясться, что Томаш улыбается. Во всяком случае, вылупленные черные глаза странно блеснули.

— Как есть, — ответил Томаш. Тонкие усики, венчавшие конусообразную голову, дрогнули, словно существо к чему-то принималось. Мелкие лапки с доброй дюжиной суставов, свисавшие по бокам тулова, затряслись в предвкушении чего-то невероятно заманчивого. — Ничего не поделаешь.

С этими словами он нанес удар, и Эльдар покатился по истоптанной траве, шипя от боли. Смертолов, бегущий в сторону замка, замедлил было дерганный бег, подумывая, не полакомиться ли драконьим мясом, но правильно оценил намерения Томаша и прибавил скорости. Томаш на мгновение отвлекся, провожая взглядом смердящую псину, состоявшую, казалось, из одних оскаленных клыков, и Эльдар тотчас же швырнул в него иглу — крупную, зубчатую, проморозившую ему руку. Игла стукнулась в сочленения панциря на груди чешского мага и рассыпалась веером ледяных брызг, не причинив Томашу никакого вреда. Однако медведка покачнулась, с трудом удержавшись на задних тонких ногах и на миг приоткрыв переплетение каких-то толстых белых жгутов на брюхе. Этого было вполне достаточно — Эльдар бросил в сторону насекомого еще одну иглу. На этот раз ему повезло гораздо больше — с тонким хрустом игла погрузилась в тело насекомого, и Томаш разразился нервным тонким визгом.

— Что? — спросил Эльдар, поднимаясь. — Не нравится?

Жвалы угрожающе защелкали, передние лапы, похожие на ржавые экскаваторные ковши, потянулись вперед, и Эльдар ощутил приступ тошноты. Когда-то давным-давно он чуть ли не до истерики боялся насекомых, и санитары в клинике развлекались, подбрасывая ему таракана или безобидного майского жука. Потом Эльдар все-таки сумел побороть свой страх, но теперь вновь почувствовал, как в животе зашевелился отвратительный липкий ком, а ноги задрожали. Мелькнула мысль, что он может перекинуться в меречь — Эльдар честно попытался отдать команду на перевоплощение, и Томаш укоризненно склонил голову набок и покачал когтистой лапой.

— Нет, Эльдар, нет. Не улетай. Это будет нечестно.

Эльдар дернул плечом и внезапно обнаружил те самые пути Максимилиана, которые когда-то давным-давно, чуть ли не в прошлой жизни наложил на Катю Дубцову. Надо же, ведь и не заметил, как Томаш набросил их... К своему удивлению Эльдар не почувствовал ни злости, ни досады, ни страха от понимания несправедливости и скорой смерти. Вряд ли от Томаша стоило ожидать честной игры, и, пожалуй, Эльдар был готов к такому развитию событий.

— Будет больно, — сказал Томаш, и жвалы широко разошлись в стороны, выпустив плевков полупрозрачной слизью.

Сначала Эльдар ощутил только омерзение, когда слизь плюхнулась на него, соскользнув по голове и правой щеке и облепив грудь и руку. А в следующую минуту он уже заорал от боли и кубарем покатился по траве, тщетно пытаясь стереть обжигающую дрянь, но, похоже, только глубже втирая ее в кожу. Глаза заволокло жгучей кровавой пеленой, и уродливый силуэт Томаша качнулся и начал медленно заваливаться вправо.

Его лишили возможности использовать магию, а затем растоптали — понимание сложилось в слова и растаяло. Второй плевок окутал ноги, и Эльдар, падая в пучину разрывающей на молекулы боли, наконец-то почувствовал легкое дуновение ветра, несущее избавление от муки. Это и была смерть: умирая в первый раз, Эльдар точно также замер, боясь упустить прикосновение этого ветра.

Впрочем, он ошибся. Кровавая пелена растаяла, и Эльдар увидел, как Томаш энергично и чуть ли не испуганно сучит лапами — повинуюсь нервным, дерганым жестам

насекомого, жгучая слизь исчезала, стекая мелкими каплями по обожженному телу и больше не причиняя вреда. Теперь Эльдар понимал, что Томаш лихорадочно убирает и путы — по спине словно скользила тугая шершавая веревка, оставляя после себя разбухшие кровоточающие рубцы. Напоследок Томаш что-то разочарованно пробормотал по-чешски, взмахнул лапой, открывая колодец, и рухнул в него, растворившись в сиреневом мареве.

Эльдар с трудом поднялся на ноги: память о боли пока была практически равно самой боли — но, посмотрев по сторонам, он моментально забыл о своих муках.

Битва была закончена. Нападавших и защитников замка поразило тяжелой волной испепеляющего огня; Эльдар стоял на чудом уцелевшем пятачке земли и с ужасом смотрел, как в абсолютном безмолвии от трупов поднимаются струйки горького смрадного дыма. Он растерянно огляделся. Живых на поле не было. Взгляд выхватывал то жалобно всхрипывающего смертолова, который дергал лапами в агонии, то оскаленный рот того, кто за несколько мгновений до этого заносил меч над противником, то людей, вцепившихся друг в друга, и, должно быть, так и не успевших понять, что они умирают — такова была их взаимная ярость.

Он вдруг понял, что произошло — понял и похолодел от страха. Впереди, в дыму, наметилось какое-то движение. Казалось, какие-то тонкие гибкие существа пляшут, кружатся, взмывают ввысь, к облакам, исчезают и появляются снова. Потом Эльдар понял, что это обман зрения, вызванный переливами дыма, и впереди не было никого, кроме одинокого силуэта, который парил над сожженными мертвецами, неторопливо приближаясь к Эльдару. Он стоял, опустив руки и понимая, что ему остается только удостовериться, что Лиза действительно очень хорошая провидица.

Лиза выплыла из черных клубов дыма, и Эльдар не удержал вскрика, взглянув ей в глаза: пустые, мертвые, похожие на мутное зеленое стекло. Из-под золотых зубцов короны, впившихся в кожу, стекали темные ручейки крови, медленно прокладывали дорожки по бледному изможденному лицу. В безжизненно повисшей руке Лиза держала что-то лохматое, круглое, черное — всмотревшись, Эльдар понял, что это голова Рудина, которую, судя по грязным лохмотьям кожи, попросту оторвали от тела.

Должно быть, Томаш заметил приближение новой владычицы и благоразумно унес ноги. Да и с Эльдара снял все заклинания, здраво решив не связываться с Лизой.

— Лиза..., - едва слышно окликнул Эльдар, и девушка рухнула на землю. Он бросился к ней, осторожно перевернул на спину, пинком отшвырнув голову Рудина, и увидел, что русалку в буквальном смысле слова распирают изнутри противоборствующие силы. Заимствованная мощь земных магов и могущество короны владыки двух миров сейчас переплетались в причудливый клубок, пытаясь как-то примириться друг с другом и не уничтожить временное пристанище в человеческом теле. Сдавленно ругаясь сквозь зубы, Эльдар попробовал снять корону, но лишь ободрал руки о ее шипастые зубцы — венец из темного золота сидел на девичьей голове, как влитой, и это давало Эльдару какую-то надежду. Если корона признала нового владельца и отказывается покидать его, то у Лизы есть все шансы выжить.

— Держись, — произнес он и, подхватив Лизу под мышки, открыл колодец между мирами. Спекшиеся губы Лизы дрогнули, выпуская на свободу какое-то неразборчивое слово, и Эльдар упал в туман перехода, моля тысячу богов выпустить их не посреди трассы или над океаном, а где-нибудь в более спокойном месте.

Открывать глаза не хотелось. Голову стягивало, словно волосы собрали в слишком тугий хвост, почему-то саднил лоб, и ужасно болели руки. Лиза чувствовала, что лежит на чем-то мягком и прохладном, вокруг нее много народу, и голоса этих людей были далеким гулом моря. Волны разбивались о берег, уходили и возвращались снова, волны решали ее судьбу, и Лиза прекрасно знала, что решать больше нечего. После того, как она оторвала Кахвигу голову одним движением мощных когтистых лап, сотканных из тумана, все решения потеряли смысл.

Во тьме перед глазами плавало золотое расплывчатое колечко. Лиза попробовала сфокусировать внутреннее зрение и увидела, что колечко усыпано множеством острых

шипов, покрытых странными темными пятнами — не то ржавчина, не то кровь.

— Осторожно, госпожа гхоула, — спокойный доброжелательный голос оказался знакомым, и Лиза, вслушавшись в его оттенки, поняла: это же тот самый голем, которого Совет отправил в Параллель. Что же, она в замке Кадеса?

«Где я?» — подумала Лиза.

— Вы в безопасности, госпожа гхоула, — с готовностью откликнулся голем, и Лиза поняла, что задала свой вопрос вслух. — Все хорошо, вы в центре Знаменского. Не волнуйтесь.

Лиза вздохнула и открыла глаза. Ворвавшийся свет ударил по беззащитным зрачкам огненной многохвостой плеткой, и Лиза не удержалась и заплакала от боли. Когда язвящее жжение улеглось, Лиза увидела, что лежит на самой обычной больничной койке в самой обычной палате. За открытым окном раскинулся беззаботный весенний город, снизу доносился гул и сигналы машин, едущих по улице, чириканье птиц, далекие людские голоса. Контраст с тем, что Лиза видела совсем недавно, был таким, что она невольно растерялась.

Голем, облаченный в белый халат поверх таких же белых футболки и брюк, с готовностью поднес ей пластиковый стаканчик с трубочкой. Судя по запаху, там был апельсиновый сок.

— Попейте, — заботливо сказал Артем, и трубочка аккуратно прикоснулась к потрескавшимся губам Лизы. — Вам сейчас надо как можно больше пить.

Лиза послушно сделала несколько глотков, и довольный голем убрал стаканчик.

— Ты не разбился, — промолвила Лиза, констатируя факт, и добавила: — Я бы написала на твоём гербе что-нибудь, вроде «Доблесть и верность»...

От слов и сока горло стало саднить. Голем поправил подушку, устроив Лизу поудобнее, и сказал:

— Если захотите, можете дать мне герб. Вы теперь можете это сделать, а я не против.

— Как ты вернулся обратно? — спросила Лиза шепотом. Шептать можно было сколько угодно: это оказалось совсем не больно. Голем улыбнулся и присел на табурет рядом с кроватью.

— Кадес перебросил меня, — сказал Артем, — в ту точку, откуда я прибыл. Представляете, — он сконфуженно улыбнулся. — Меня выбросило в зал заседания Совета. Прямо на стол перед Знаменским.

Лиза раздвинула губы в вежливой улыбке.

— Почему ты называешь меня госпожой гхоулой? — поинтересовалась она.

— Вы же убили Рудина, выполняя волю Совета, — сказал Артем. Лиза с удивлением обнаружила, что известие об убийстве никак не всколыхнуло ее душу. Она думала, что хотя бы удивится, но ничего подобного не произошло.

— Убила Рудина... — повторила Лиза.

— Да, — подтвердил Артем с таким видом, словно хотел добавить безапелляционное «Туда ему и дорога!» — И Совет решил назначить вас на его место.

«Значит, госпожа гхоула, — подумала Лиза, и эта мысль тоже не вызвала у нее всплеска эмоций. — Значит, госпожа гхоула», — равнодушно повторила она про себя и сказала вслух:

— А Эльдар? С ним все в порядке?

Артем кивнул и мотнул головой направо, в сторону стены, на которой висели круглые белые часы. Половина второго, автоматически отметила Лиза.

— В соседней палате, — произнес голем. — У него сильные ожоги.

— Драконы не боятся пламени, — промолвила Лиза и сказала: — Пожалуйста, помоги мне встать.

Эльдар, обмотанный бинтами не хуже мумии, полулежал на койке и читал детектив в потертой и изжеванной мягкой обложке. Всмотревшись, Лиза узнала книжонку, которую лет десять назад видела у Эльдара в доме, и подумала, что такое постоянство невольно вызывает уважение.

— Ты, наверно, с прошлого века читаешь этот детектив, — заметила она, проходя в палату и присаживаясь рядом. Голем суетился, помогая Лизе устроиться поудобнее. — Стабильность — признак мастерства?

Эльдар закрыл книгу и положил на койку рядом.

— Меня радует, — сказал он, — что у тебя сохранилось чувство юмора, госпожа гхоула. Ну что, Знаменский сказал, что уже можно поздравлять с назначением. Поздравляю.

Некоторое время Лиза молчала, задумчиво рассматривая сломанные ногти на пальцах. Потом она вздохнула и произнесла:

— Даже и не знаю, надо ли с этим поздравлять. Лучше скажи, как ты себя чувствуешь.

Эльдар улыбнулся и махнул рукой.

— Хорошо, — спокойно сказал он, но улыбка вдруг стала очень грустной. — Через пару часов снимут бинты — тогда пойду. Есть у меня дело.

Лизе вдруг стало очень больно и горько: ей казалось, что она поняла, к кому собирается Эльдар. Увидев, как изменилось выражение ее лица, Эльдар покачал головой и сказал, словно оправдываясь:

— Надо ведь что-то решать. Любая история должна быть закончена.

Лиза выдавила вежливую и очень холодную улыбку — такую холодную, что зубы заломило. Все получалось именно так, как она предположила несколько дней назад, сидя на кухне в квартире Эльдара. Она поднялась на вершину власти — выше некуда. Он будет счастлив с любимой женщиной, ну и что? В конце концов, все люди заслуживают счастья — такого, каким они его понимают.

Лиза подумала, что сейчас расплатится. Голем, который присел было на краешек табурета у двери, встрепенулся, испугавшись за нее. Лиза мельком подумала, что глиняный болванчик оказался настоящим человеком — единственным человеком в мире магов.

— Да, — сдавленно сказала она и осторожно поднялась с койки. Проведала, пора и честь знать. Незачем затягивать прощания и в очередной раз сыпать соль на раны. — Что ж, мне, наверно, надо идти.

Эльдар посмотрел на нее так, словно прочел в ее мыслях все, что Лиза хотела бы ему сказать, но не сказала.

— Забери меня потом, — промолвил он негромко и добавил: — Потом, когда все кончится. Я дам тебе знак.

Глава 16

Стоя на лестничной площадке между третьим и четвертым этажом, там, где на бледно-голубой стене пламенела круглая наклейка с перечеркнутой дымящейся сигаретой, Эльдар, облаченный в белый халат, задумчиво смотрел на гору окурков в помятой банке из-под кофе и понимал, что принятое решение больше нельзя откладывать, и ему пора сделать то, что нужно. Он и так провел в Москве две недели, пытаясь собраться с силами, прийти сюда и все-таки сделать то, что хотел.

Сверху хлопнула дверь, и вышедший на лестницу врач, немолодой и профессионально усталый, пристальным цепким взглядом посмотрел на Эльдара и холодно осведомился:

— Вы кто такой?

Он собирался сказать, что посторонним здесь находиться строго запрещено, и это реанимация, а не проходной двор, но Эльдар мысленно прикоснулся к его вискам, и врач замер, бездумно глядя перед собой пустыми потемневшими глазами и не понимая, с кем это он заговорил — на лестничной площадке никого не было.

— Заработался, — негромко произнес Эльдар, и врач послушно откликнулся:

— Заработался, — сокрушенно покачав головой и негромко пеняя на усталость, он начал спускаться по лестнице, задумчиво хлопая ладонью по перилам. Когда врач исчез из виду, Эльдар все-таки взял себя в руки и медленно поднялся к дверям реанимации.

Официальная «коронация» Лизы прошла несколько дней назад без особенного шума и пафоса. Новоиспеченная госпожа гхоула Совета благоразумно решила, что можно обойтись малой кровью: не безумное по размаху мероприятие с битьем посуды из запасников Эрмитажа и шампанским по десять тысяч евро за бутылку, как было у всех ее предшественников, а небольшой, показательно скромный банкет, но в очень приличном месте, и только для магов высшего ранга. Гамряна туда пригласили — все-таки старый друг, учитель и наставник — а Эльдара нет. Впрочем, он не обиделся. Сейчас, когда с Лизой было все в порядке, Эльдар почти не вспоминал о ней.

Он видел госпожу гхоулу всего один раз и издали: убедился, что Лиза осталась собой, и архаическое грозное божество, которое с ледяным величием шествовало по трупам, исчезло — как надеялся Эльдар, безвозвратно. Можно было вздохнуть с облегчением.

Когда за ним бесшумно закрылись двери реанимации, Эльдар набросил на себя паутинку невидимости — маленькое, но мощное заклинание, которое он выучил в гостях у Кадеса — и медленно пошел в сторону распахнутых настежь дверей, из которых выбивался сноп нестерпимо белого света. Катя Дубцова, по-прежнему переполненная чужой магией, лежала на койке, от ее тонких, почти невесомых рук бежали нити капельниц.

Катю перевели сюда вчера, когда Эльдар позвонил Знаменскому и сказал, что подобрал-таки нужные заклинания и готов работать с бывшей эндорой. В тот момент ему показалось, что его согласие было принято со слишком большой, поспешной радостью — видимо, все эти приключения давно уже встали Знаменскому поперек горла, и, наконец-то расправившись с Рудиным, он больше не хотел возиться с этим делом. С глаз долой — из сердца вон, тем более, что Катя больше не могла ему пригодиться. Воскрешать мертвых будет кто-то другой, если вообще будет.

По легенде Катя попала в аварию, когда ехала из Домодедова, вернувшись домой рейсом Лондон-Москва. Дело было ранним утром, еще даже не развиднелось — водитель, буквально на минуту заснувший за рулем, погиб на месте, а Катю вырезали из металлической ловушки, в которую превратилась старенькая темно-зеленая «Хонда», и привезли сюда. Эльдар знал, что очень скоро здесь появятся ее мама, сестра и голем Артем, который получил окончательный расчет в конторе Знаменского и теперь радостно вживался в роль Катиного молодого человека — значит, ему, Эльдару, следовало поспешить.

Молоденькая медсестра-армянка прошла мимо него, страдальчески хмурясь, как от зубной боли, и не понимая, что именно ей досаждают. Человек-невидимка оказался достаточно мощным раздражающим фактором: свернув за угол, медсестра обо что-то ударилась и разразилась звонкой гортанной бранью.

— Татевик, чего орешь? — недовольно осведомилась какая-то женщина. Медсестра очень эмоционально промолвила по-армянски что-то очень бранное, если судить по интонации, и пояснила:

— Ирина Петровна, да сил моих нет больше! Устала, как зараза, мерещится невесть что.

— Поспать бы тебе, — сказала Ирина Петровна. — Вторые сутки на дежурстве.

Татевик издала низкое ворчливое гудение.

— Представляете, показалось, что мужик какой-то стоит возле Дубцовой, — сообщила она. — Твою ж мать, думаю, кто пустил? Потом смотрю, а никого и нет.

Эльдар невольно усмехнулся. Катя на койке казалась призраком, бледной тенью себя самой, но он прекрасно знал, что дальше все будет хорошо, и буквально через пару дней ее увезут из больницы домой. Потом кончится весна, и убежит лето, наступит сентябрь, и Катя пойдет на лекции, неся с собой внушенные воспоминания о колледже в Лондоне, в котором она никогда не была, лекциях, которых не посещала, и людях, которых не видела. Голем, не великого ума парень, но при этом очень добрый и заботливый, переедет в Велецк, устроится на работу в автосервис, охрану или колл-центр с продажами по телефону, и Катя, которая будет жить с ним, ни разу не пожалуется на своего доброго жениха, а потом — доброго мужа. Теща будет им довольна: а чего б не радоваться зятю, который с дочери пылинки сдувает? И они проживут долгую хорошую жизнь, у них родятся дети, а потом появятся внуки, и когда Катя и Артем, уже совсем старенькие, станут гулять по улице, трогательно держа друг друга за руки, все подумают: вот бы мне так — и это светлое чувство не будет иметь никакого отношения к банальной зависти. Никакого.

Эльдару хотелось заорать. Запрокинуть голову к ясному небу беспечной весны, неотвратимо утекающей в лето, и зареветь в две драконьи глотки, чтобы выкричать, выплеснуть из себя боль потери, вытолкнуть ее прочь и развеять по ветру. В его будущем Кати не существовало. Девушка, что сейчас лежала на койке, окруженная медицинской техникой, предназначения которой Эльдар не понимал, никогда не знала господина Смирнова.

Это было очень больно, однако правильно, и после долгих мучительных размышлений он сам пришел к такому выводу. Сохранив магию, Катя никогда не была бы счастлива — Эльдар был уверен, что, в конце концов, из нее бы выросла Лиза номер два: алчная, жесткая и бесконечно одинокая. И даже лишившись магии, но оставшись с ним, Эльдаром, Катя никогда не была бы в безопасности. Она заслуживала жизни без чудовищ. Ему оставалось только разобраться с последствиями приема Катей эликсира и вложить в нее воспоминания о минувших месяцах, в которых не было ни следа человека с камнем меречи вместо сердца.

«Должно быть, такова моя природа», — устало подумал Эльдар. Он всегда ломал жизнь женщинам, которых любил больше себя самого, и ничего не мог с этим поделать. Зверя, сидевшего в нем с рождения, не выкорчевать, как ни пытайся. Можно убить одного, но на его месте неминуемо возникнет другой — выползет из тени, поднимется за плечом и станет терпеливо ждать своего часа.

Но он мог забрать зародыш будущего чудовища из Кати. И не допустить, чтобы звери протянули к ней лапы хоть когда-нибудь. Она выбрала жизнь без магии, и это было правильно. А он мог сделать так, чтобы Катина дальнейшая жизнь была бы самой хорошей — такой, какой она никогда не стала бы с ним. Единственное, что он мог сделать для Кати — отказаться от нее.

Бледная, совсем маленькая, похожая на куклу, а не человека, Катя лежала на койке, и Эльдар смотрел на девушку и не понимал, что плачет.

— Я любил тебя больше, чем ангелов и Самого... — хриплым, каким-то чужим голосом произнес он и, окончательно сорвавшись на сипение, еле слышно промолвил: — Катя, прости меня.

Она не услышала этих его горьких слов, и Эльдар почему-то подумал, что так и надо. Так будет лучше для них обоих. Потому что Кадес все-таки оказался прав, пусть Эльдар и

отрицал его правоту со всем возможным старанием: он никогда не любил Катю — так, потянулся к чему-то хорошему и светлому, чего ни разу не встречал ни в себе, ни в тех, кто был рядом. А потом оказалось, что даже этого мимолетного движения души не было. Скука и любовь к приключениям и авантюрам, приправленные небольшим количеством страсти — вот и все.

Протянув руку, Эльдар ухватил один из золотистых канатиков, тянувшихся из ауры над головой девушки, и, зажмурившись, с усилием потянул на себя. Канатик извивался, палил и жегся, пропекая ладонь чуть ли не до кости, он не собирался сдаваться, упрямо цепляясь за желтое варево ауры, но Эльдар не уступал тоже и продолжал тянуть. В конце концов, прозвучал звонкий хлопок, канатик отделился от ауры, и Эльдар, бросив его на пол, смотрел, как тот пляшет на кафеле и медленно гаснет, лишившись подпитки.

Желтое свечение стало медленно затихать. Силы, переполнявшие Катю, по капле утекали прочь — избавившись от паутины невидимости, Эльдар смотрел, как угасает огонь, который охватывал Катю, и думал, что история эндоры закончена. Розовый сверкающий шарик ложных воспоминаний выскользнул из потайного кармана и прыгнул на обожженную ладонь. Помедлив, Эльдар осторожно подул на него, и шарик, подхваченный его дыханием, поплыл к Кате и медленно растворился в ее ауре. Когда сияние окончательно угасло, и девушка открыла глаза, то Эльдар постарался улыбнуться как можно искреннее и радостней, хотя вряд ли ему когда-либо было настолько плохо на душе.

— Привет, — мягко сказал он. — Проснулась?

Катя испуганно посмотрела на него и едва слышно промолвила:

— А где я?

— В больнице, в реанимации, — объяснил Эльдар. — В аварию попала, когда ехала из аэропорта. Помнишь?

Девушка нахмурилась, припоминая, потом кивнула:

— Да, помню.

«Еще бы ты не помнила, — печально подумал Эльдар. — Я ведь вживил тебе очень качественные воспоминания».

— Короче, жить будешь, — произнес он. — Что ж, удачи тебе, Катя. Пойду твою маму позову.

— Спасибо, — улыбнулась Катя, и Эльдар прекрасно понимал, что она забудет о нем, как только он покинет помещение. Так будет лучше для них обоих — возможно, если это повторять как можно чаще, то он действительно сможет в это поверить.

Так и случилось. Когда Эльдар вышел из реанимации, умудрившись не наткнуться на любопытных, и стал спускаться по лестнице, Катя уже забыла, что с ней кто-то разговаривал. Между вторым и третьим этажом Эльдар увидел целую процессию: давешнего строгого врача, который засовывал купюры в карман, голема Артема и заплаканную женщину, должно быть, маму Кати, которую голем заботливо поддерживал под руку. Эльдар вспомнил, каким этот простой парень был в Параллели, и подумал, что Кате повезло. Действительно повезло. Ей нужен спокойный надежный человек, а не психопат, которого болтает по жизни то в одну сторону, то в другую.

— Только недолго, — сурово произнес врач, и Эльдару почему-то страстно захотелось съездить ему по морде, так, чтобы эта самодовольная жадная харя расцвела кровавыми потеками. Голем испуганно посмотрел на него, но не сказал ни слова, и Эльдар сделал вид, что идет по своим делам, занят только своими мыслями и проблемами и не замечает ни Артема, ни плачущую немолодую женщину в дорогом костюме под белым халатом.

Пусть идут. Теперь у них разные дороги.

Покинув территорию больницы, Эльдар затолкал в урну скомканный белый халат и почти без чувств опустился на ближайшую скамейку. Он прекрасно понимал, что все это скоро пройдет, и тянущая боль в области сердца, там, где уверенно возился маленький,

но крайне деловитый осколок камня меречи, перестанет его мучить. Он вернется в Велецк, снова займется клубом, в котором сейчас наверняка царит полная анархия, и постепенно обо всем забудет. Но до того момента, когда воспоминания поблекнут и станут похожи на старые выцветшие фотографии на стене, надо еще дожить.

Впрочем, Эльдар не сомневался, что доживет. Вздохнув, он поднялся и неторопливо побрел к небольшому магазинчику в соседнем здании — хотелось пить.

Когда перед ним остановился сверкающий темно-вишневый внедорожник, так и кричавший о том, что им владеет чрезвычайно важная персона, Эльдар почти не удивился — просто отстраненно подумал, что раньше Лиза не любила внедорожники. Впрочем, кто этих женщин разберет, что им нравится, а что нет. Они и сами себя не понимают.

Да и Лизе теперь по статусу положено разъезжать на таких машинах: больших, стильных, доведенных до ума в самых дорогих тюнинг-студиях Европы.

Опустилось стекло, и госпожа гхоула Совета негромко произнесла:

— Поехали, прокатимся? Ты ведь не занят?

— Нет, — ответил Эльдар, послушно нырнув в кондиционированный полумрак автомобиля, пахнувший дорогой кожей, натуральным деревом панелей и чем-то еще, должно быть, властью. Когда водитель вывел машину на дорогу, то Лиза спросила:

— Как ты?

— Не очень, — откровенно промолвил Эльдар. Лиза смотрела на него с искренним сочувствием, за которым просматривалось что-то еще, неясное, но важное, и Эльдар почему-то поспешил добавить: — Но это пройдет. Просто я всегда немного переживаю, когда одна история закончилась, а другая еще не началась.

Лиза мягко усмехнулась. Ласково погладила его по запястью, как тогда, перед трибуналом, в «Picasso». Сейчас эта красивая властная женщина не имела почти ничего общего с той Лизой, ради которой Эльдар отдал камень меречи. Разве что глаза мягко поблескивали в полумраке — так же, как раньше.

— Ох, Эльдар, — вздохнула Лиза и некоторое время молчала. Машина мягко плыла по дороге, не обращая внимания на огрехи в асфальте, в невидимых колонках с томной страстью мурлыкало что-то джазовое, и Эльдар подумал, что у госпожи гхоулы наверняка масса дел, но вот ведь как, она занята им.

— Хочешь, поедem в Прагу на выходные, — предложил Эльдар, прекрасно понимая, что она откажется. Так и получилось: Лиза отрицательно покачала головой и с искренним сожалением промолвила:

— Прага для нас теперь закрыта навсегда. Томаш сгонит Жижку с постамента и размажет нас по брусчатке. Оттирать будет нечего. В Параллели он просто испугался, а уж дома-то и стены помогают, сам понимаешь.

— Да, — вздохнул Эльдар. — Тогда лучше сидеть на своей кочке.

Лиза тоже издала тяжелый вздох.

— Дома не все так просто, — сообщила она и вынула из сумочки пачку тонких ментоловых сигарет. Эльдар невольно напрягся: кажется, разговор начал принимать не самый приятный оборот. — Знаменского сегодня утром вызвал его шеф и устроил ему такой, прости Господи, разнос, что не знаю, как он жив остался.

— Знаменский или шеф?

Теперь Лиза посмотрела на него, как на полного идиота. Зажигалка замерла в ее руке, и острый язычок пламени так и не лизнул сигарету.

— Боже мой, Эльдар, ты совсем тупой? — проговорила Лиза, и в ее глазах мелькнули неприятные холодные огоньки.

— Прости, — вздохнул Эльдар. — Шутка не удалась.

— Что шутка, у всех нас теперь жизнь не удалась, — сказала Лиза, выпустив в потолок струйку дыма. — Сегодня утром все очень сильно изменилось, Эльдар. Все посвященные маги обязаны встать на учет в течение сорока восьми часов. Тебя я в базу уже внесла, не благодари.

Эльдар почувствовал, как неприятно холодеют руки. Он предполагал, что рано или поздно все к этому придет — слишком уж маги своими амбициями, алчностью и мнимым всемогуществом намозолили глаза людям во власти. Однако Эльдар надеялся, что ничего похожего на регистрации, учеты и кандалы все-таки не произойдет — и ошибся.

Допрыгались. Маги поистине всесильны — однако людей все-таки больше. И основные рычаги влияния находились именно у людей. Маги могли стричь шерсть со своих человеческих соседей, но люди имели все возможности для того, чтобы набросить на магов узду. Или петлю, тут уж смотря, что выбирать. Тупая масса всегда оказывалась сильнее ярких и сильных одиночек.

Да что там масса, тут и свои постараются. Шпренгер и Инститорис, печально известные авторы «Молота ведьм», были знающими магами второго посвящения — и заварили поистине адскую кашу практически из любви к искусству. Что уж говорить о нынешних магах, которым очень даже есть, что терять...

— Инквизиция тоже будет? — спросил Эльдар, одарив Лизу нервной, почти истерической улыбкой. Лиза посмотрела на него так, что стало ясно: вся эта роскошь, которой она окружена, и вся власть, которую дали ей в руки, когда она сорвала корону с головы Рудина, всего лишь плата за хорошее поведение, и эту плату могут отнять в любую минуту.

— Будет, — процедила Лиза. — Эльдар, на самом деле все очень плохо. Не будет теперь посвящений и наставников, нам меняют всю систему жизни. По стране пойдет ежегодный отбор молодых магов и ведьм. Потом — учеба, — нервно швырнув окурок себе под ноги, Лиза проехала по нему носком дорогой туфельки и, едва сдерживая слезы, промолвила: — Нас загоняют в стойла, Эльдар. Еще и клейма какие-нибудь введут...

— Подожди, — сказал Эльдар. То, о чем сейчас говорила Лиза, было настолько диким, что, несмотря на все свои старания, он никак не мог уместить сказанное ею в своей картине мира. — Неужели Знаменский так просто это проглотил? А ты?

— А что мы? — вопросом на вопрос ответила Лиза, и было видно, что она с трудом сдерживает слезы. Наверняка Лиза думала, что положение вещей останется неизменным во веки веков, а времена охоты на ведьм навсегда миновали. — Сказано было так: либо вы тихо и спокойно регистрируетесь и ведете себя так, как вам прикажут — либо завтра же по всем каналам и во всех газетах объявят, что маги существуют, и это не шутка. И объявят списочно и поименно. Как думаешь, насколько быстро побегут первые уроды с факелами?

Эльдар закрыл глаза. Лиза была права: здесь уже ничего нельзя было сделать. Люди всегда будут тихо ненавидеть тех, кто хоть чем-то отличается от общей массы. Они соседа ненавидят за то, что у него телевизор на сто рублей дороже — что уж говорить о том, что этот сосед, например, может иметь невероятно долгую жизнь, молодость и здоровье. Люди убивают за десять копеек — а магов будут убивать просто из классовой ненависти, особенно если это негласно одобрят. И ничего за это не будет. Так, пожурят для вида и отпустят домой.

Он ошибался, когда думал, что кому-то из влиятельных людей в Европе нужен действующий механизм превращения человека в мага. Теперь магические способности становились очень опасным подарком.

Только сейчас Эльдар понял, какой беды смогла избежать Катя. Обычная человеческая девочка Катя, которая сейчас лежала в реанимации после автокатастрофы.

— Быстро побегут. Очень быстро, — ответил он. — Что ж, я хочу жить и работать. Высовываться не стану, обещаю. Исключительно легальный шоу-бизнес, у меня он всегда получался.

Лиза кивнула.

— У меня есть для тебя немного другая работа, — сказала она. — Для тебя и Гамряна. Правительство организует особое учебное заведение для молодых магов и ведьм... кажется, я это уже упоминала?

— Было такое, — произнес Эльдар.

— Я предлагаю вам с Геворгом начать там работу, — промолвила Лиза. — Знаменский обещал деньги и шоколадные условия. Он вообще в любой ситуации как рыба в воде.

Эльдар ухмыльнулся. Чего-то в этом роде он и ожидал. Всеволод Ильич себя не обидит. И близких ему людей тоже. Остальным приходится крутиться самостоятельно.

— Какой из меня препод, Лиз? — скептически сказал он. — Я и школу-то еле-еле закончил.

— Это неважно, — откликнулась Лиза. — Завтра утром за тобой заедут. Осенью колледж начинает работу, за лето нужно собрать всех ребят из нашего округа. Эльдар, это единственный шанс спасти их... надеюсь, ты это понимаешь.

— Спасти, — задумчиво повторил Эльдар. — Спасти либо притащить на специально организованную бойню. Евреев, говорят, тоже свозили в концлагеря не для того, чтоб убить. Чтоб спасти от гнева народного.

Лиза тяжело вздохнула и достала новую сигарету.

— Спасти, — сказала она. — Можешь не верить Знаменскому, Эльдар. Но я все-таки смею надеяться, что ты веришь мне.

— Да. Тебе я верю, — негромко промолвил Эльдар и, откинувшись на мягчайшую спинку кресла, закрыл глаза.

Ему казалось, что во тьме, наползающей на их привычный мир, негромко звенят серебряные колокольчики.

КОНЕЦ